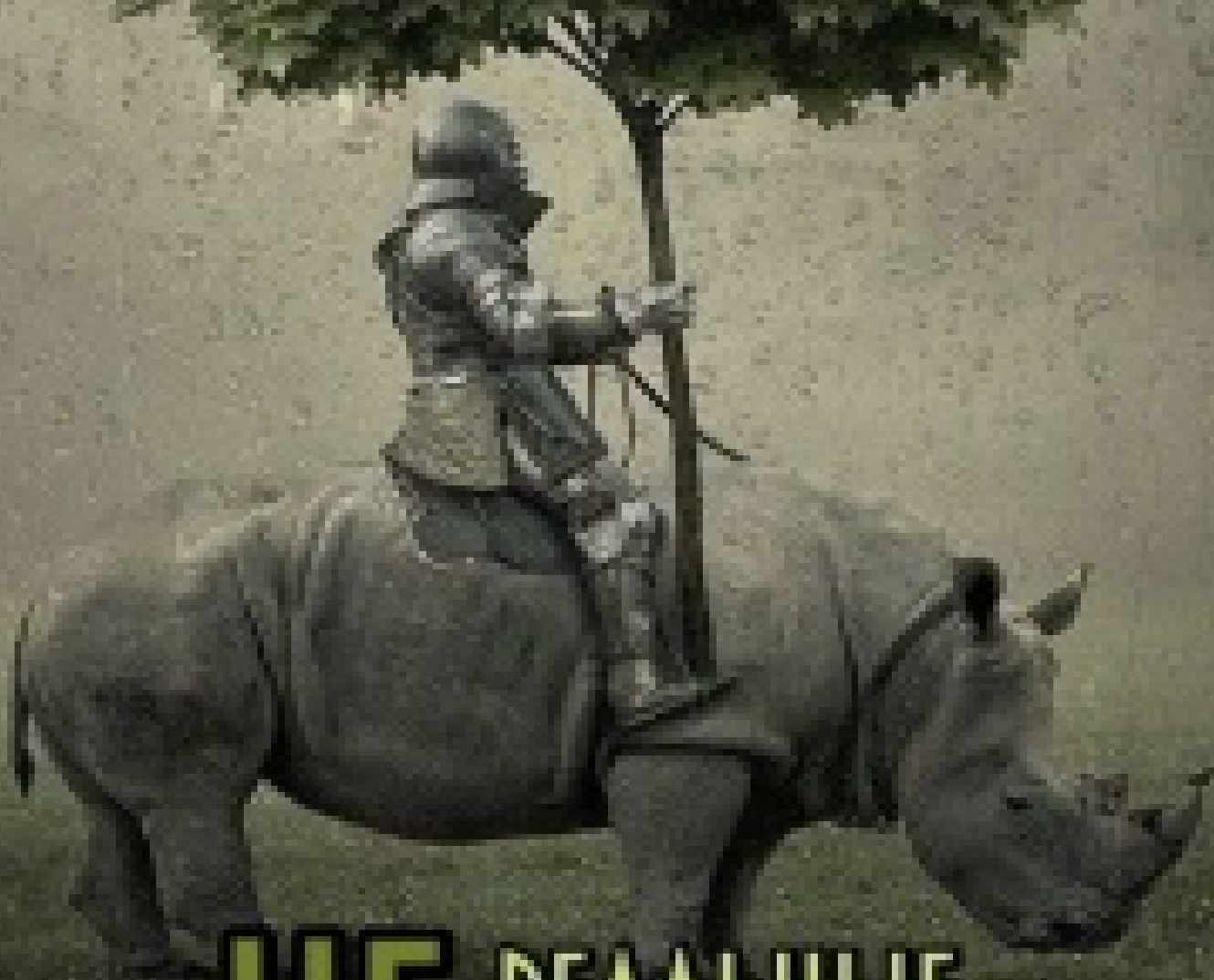

МАРИНА ЯСИНСКАЯ

НЕ РЕАЛЬНЫЕ
БЫВАЛИЦЫ

Небывалица первая — Морской бой

— Господин градомейстер, а, может, не надо?

В вопросе статс-деньгария Модеста Дориановича звучали отчаяние и обречённость; он уже видел, что на лице градомейстера появилось то упрямое выражение, которое роднило его с пресловутым ослом.

— Ни один город не может считать себя настоящей военной силой, не имея, кроме армии, достойного флота, — отчеканил градомейстер. Он совсем недавно вступил в должность и только что вернулся из своей первой заграничной поездки. Статс-деньгарий подозревал, что градомейстер мог привезти из чужих земель всякую заразу, но больше думал о том, что зараза ограничится либо дорогими сувенирами вроде музыкальной шкатулки или самооткрывающейся табакерки, либо деликатной проблемой, которая станет заботой лекаря по срамным болезням. А тут вон оно как вышло...

— Вы думаете воевать с соседями? — осторожно поинтересовался Модест Дорианович.

— Всякое может быть, — туманно ответил градомейстер.

— И для этого вам нужен флот? Но наш город...

Градомейстер нетерпеливо его перебил:

— Мой город, Модест, мой, — поправил он.

— Ваш, — согласился статс-деньгарий, — Конечно, ваш. Но ведь ваш славный город Иванбург не стоит на берегу моря. И даже не на берегу реки. Разве для флота не нужны водоёмы?

— У нас есть водоём, — непререкаемым тоном заявил градомейстер.

— Разве? — как можно более деликатно попытался достучаться до здравого смысла градомейстера Модест Дорианович.

— У нас есть бассейн.

— Бассейн, — убитым голосом повторил статс-деньгарий.

— Именно! А теперь слушай мои распоряжения. Я хочу, чтобы соорудили верфь и начали строить корабль. Я хочу, чтобы мне нашли генерала, согласного стать адмиралом, и чтобы он занялся формированием новых подразделений. Я хочу, чтобы Иванбург уважали и боялись соседи. Я хочу, чтобы у нас появился свой флот. Всё ясно?

Статс-деньгарий молча склонил голову. Ясно, куда уж яснее? После того, как в их городе появится флот в бассейне, соседи вряд ли будут их уважать. А вот бояться — это вполне.

Слабоумных многие боятся.

* * *

— Кем-кем ты собираешься стать? — Беатрисса воинственно скрестила руки на груди, тонкие чёрные брови сошлись у переносицы, в глубине красивых глаз начали собираться молнии.

— Драфцманом, — повторил Маркус.

— Драфцман... Это вроде как боцман? — нахмурила лоб девушка, а потом просияла: — То есть всё-таки моряк?

Маркус подавил раздражение. С тех пор, как город решил обзавестись собственным

флотом, Беатрисса просто бредила моряками. Самая перспективная профессия, говорила она. Казённый паёк, расквартировка, приличная зарплата, красивая форма и престижная служба. Ну, а то, что ему придётся надолго уходить в море... Беатрисса продуманным движением прикладывала руку к пышной груди и вздыхала... Что ж, она его будет ждать, такая уж у жены моряка доля.

— В бассейне в долгое плавание не уйдёшь, — не мог удержаться Маркус, но Беатрисса, захваченная картинами светлого будущего жены моряка, его не слышала.

— Не моряк, — ответил он. — Драфцман — это чертёжник-конструктор кораблей.

— Ты будешь строить корабли?

Корабль, — хотелось поправить Маркусу. Один корабль — больше в бассейне градомейстера не поместится. Да и то смотря какой. Маркус слышал, что выписанные из заграницы специалисты, мореходы и кораблестроители, уговаривали правителя города построить шлюп или тендер или другое одномачтовое судно. Но градомейстер мыслил широко и меньше, чем на баркантину не соглашался, а в идеале мечтал построить трёхмачтовый фрегат. В этом желании его яростно поддерживал адмирал-аншеф Драгунски, сделавший стремительную карьеру от вице-подполковника пехоты до главы городского флота. Никому не хочется возглавлять флот из одного жалкого шлюпа. А вот из боевого фрегата — это совсем другое дело.

— Я не буду строить корабли, — ответил Маркус. — Я их буду проектировать и создавать чертежи.

— То есть ты будешь рисовать картинки кораблей? — уточнила Беатрисса.

Маркус собрался было объяснить ей, что значит создавать чертежи кораблей, рассказать, что ради этой затеи градомейстер выписал из заграницы таких специалистов, учиться у которых в иных обстоятельствах Маркус бы даже и не мечтал, но зато теперь у него будет такая возможность. Потом понял, что пояснение выйдет слишком длинным, и девушка всё равно его не поймёт, тяжело вздохнул и ответил только:

— Да.

— И тебе будут платить за то, чтобы ты их рисовал? — недоверчиво спросила Беатрисса.

— Да.

— Но драфцман — это не моряк, — продолжала допытываться девушка.

— Нет.

— А форма у тебя будет?

— Да.

Беатрисса прикрыла глаза, расчётливо взвешивая все за и против. То, что её жених моряком называться не будет — это плохо. Но зато у него будет форма — это хорошо. И он будет иметь какое-никакое, но отношение к флоту.

— А, может, всё-таки в моряки? Пока строится корабль, ты будешь учиться в морской академии. Ты только вслушайся, как это здорово будет звучать — гардемарин.

— Скорее уж — гардебассейн, — пробурчал себе под нос Маркус. Какой уж тут марин, когда морем и не пахнет.

Невеста его не услышала.

— А потом ты получишь звание унтер-лейтенанта, а потом капитан третьего ранга, второго, первого, потом капитан-командор, и, наконец, адмирал, — с придыханием закончила девушка. Встретилась с непреклонным взглядом Маркуса, вздохнула и смиренно,

словно принося великую жертву, сказала: — Ну, ладно, не хочешь — так не хочешь. Так и быть, я всё равно выйду за тебя замуж.

И печально посмотрела вслед растаявшей мечте стать женой моряка. Теперь она будет женой драфцмана.

* * *

Канцлер города Запчестера побарабанил пальцами по краю стола.

— Значит, Иванбург строит боевой корабль? — уточнил он.

— Так точно, сэр. Фрегат с двенадцатью пушками.

— В бассейне у резиденции градомейстера?

— Так точно, сэр.

— Получается, Иванбург собирается воевать на воде?

— Не могу знать, сэр.

Канцлер обвёл взглядом собравшихся вокруг олдерменов. Он ожидал, что увидит на их лицах насмешливые улыбки или недоумение — а как иначе реагировать на такую нелепицу? Но олдермены были предельно серьёзны.

— Мы должны принять ответные меры! — заявил вдруг мэр, поднимаясь со своего места во главе стола.

— Ответные меры, сэр? — переспросил канцлер. — Но Иванбург при всём желании не сможет напасть на нас своим кораблём — у нас с ним нет общего водного пути. Собственно, у нас вообще нет водоёмов.

— Однако Иванбург это не остановило! — твёрдо заявил мэр под одобрительное ворчание олдерменов. — Они воспользовались бассейном.

— Но у нас и бассейна нет...

— Значит выроем!

Глаза мэра решительно сверкали, голос звенел твёрдостью и решительностью. Таким голосом напутствуют армию на победное сражение, таким голосом наводят трепет на врага. Таким голосом ведут народ в светлое будущее.

— Канцлер, олдермены, слушайте мой приказ. Нанять рабочих и вырыть бассейн. Переманить из Иванбурга лучших кораблестроителей. Заложить верфь и начать строить военный корабль. Набрать из войск внутреннего охранения рекрутов и переквалифицировать их в моряки. И чтобы через три месяца у нас уже был свой собственный флот!

* * *

Беатрисса гордо восседала на золочёной повозке, кутаясь в роскошные меха — в Запчестере дули холодные ветра. Прохожие на улице провожали её почтительными взглядами; казалось, все знали, что она — жена выписанного из заграницы драфцмана.

После памятного разговора, когда Маркус напрочь отказался стать моряком, Беатрисса ещё долго не могла его простить. Каждое утро её подруги и соседки провожали на службу мужей, одетых в красивую белую моряцкую форму, а Маркус уходил в неприметной гражданке, и пальцы у него были вечно заляпаны чернилами. Потом и вовсе настали тяжёлые времена — муж закончил рисунки корабля, началось строительство, и он остался не у дел; драфцман городу был больше не нужен.

— Вот и о чём ты думал, бестолочь? — причитала Беатрисса. — Будем теперь без работы сидеть! А пошёл бы в моряки — сейчас бы ходил каждое утро в форме в морскую академию. А как корабль построят, стал бы на нём служить. Считаю, обеспеченное будущее. А теперь что?

Маркус не отвечал на её упрёки. Даже после того, как чертёж Иванбургского фрегата был закончен, он каждый день уходил на встречи с заграничными специалистами, чтобы продолжать у них учиться.

И, как выяснилось, не зря.

Узнав о боевом фрегате Иванбурга, соседние города спешно затеяли строительство собственных кораблей. Те города, у которых уже имелись бассейны, а то и вовсе пруды или озёра, намного опережали соседей, у которых водоёмов не было. Отстающие города лихорадочно рыли бассейны, не желая отставать в этой гонке водных вооружений.

Тут-то и оказалось, что если вояк, желавших переквалифицироваться в моряки, особенно — в адмиралы, было хоть отбавляй, то кораблестроителей и инженеров — наперечёт.

И на Маркуса посыпались заманчивые предложения: и от градоначальника Высло, и от бургомистра Люнхена, и от лорда-провоста Тислина — только выбирай!

Больше всего денег предложил мэр Запчестера.

Беатрисса, прикинув перспективы быть женой востребованного заграницами драфцмана, перестала ныть по поводу отсутствия у Маркуса красивой белой формы моряка. А когда узнала, что Запчестер выделит им трёхэтажную резиденцию рядом с дворцом мэра и собственную золочёную повозку, окончательно простила мужа.

Маркус же почти не вспоминал, что поначалу затея со строительством корабля в бассейне показалась ему нелепицей. Сейчас, когда все сухопутные города повально занялись кораблестроением, и гонка водных вооружений вышла на новый виток, Маркус с оптимизмом смотрел в будущее — без работы он точно не останется.

* * *

— Ваше высокопревосходительство! Господин градомейстер! — статс-деньгарий Модест Дорианович влетел в личные покои главы города, размахивая зажатым в руке листком бумаги. — Запчестер объявил нам войну на воде!

Градомейстер выскочил из заваленной перинами кровати, сдёрнул с головы ночной колпак и бросился к окну — смотреть на бассейн и плавающий в нём фрегат.

— Где он? — выкрикнул градомейстер.

— Кто, ваше высокопревосходительство?

— Где корабль Запчестера?

— В Запчестере, ваше высокопревосходительство!

Градомейстер немного успокоился. Стянул завязки длиннополой ночной рубашки и перевёл дух.

— И как он намеревается вести с нами войну на воде?

— Вот так, ваше высокопревосходительство, — ответил Модест Дорианович, протягивая ему листок бумаги.

На белой странице было нарисовано два квадрата, разделённых внутри на сектора. Сектора были пронумерованы по вертикали цифрами, а по горизонтали — буквами. В

правом квадрате, в секторе с координатами Б-2 стояла жирная точка.

— Что это? — нахмурился градомейстер.

— Это поле боя, — пояснил статс-деньгарий. — Левый квадрат — это бассейн Запчестера. Где-то на нём находится их боевой бриг. Где именно — мы не знаем. А правый квадрат — это наш бассейн. Где в нём расположен наш фрегат, они тоже не знают. Оба бассейна разделены на сектора. Запчестер дал залп из пушек вот по этому сектору. Сейчас нам полагается посмотреть, не попал ли он в наш корабль. И дать ответный залп.

— А откуда Запчестер узнает, попал он в наш фрегат или нет? — удивился градомейстер. — Мы же не обязаны говорить им правду!

— Не совсем так, ваше высокопревосходительство, — ответил статс-деньгарий. — Вместе с бумагой об объявлении водной войны в Иванбург прибыла международная комиссия военного флота. Она сформирована из представителей нейтральных сторон и будет наблюдать за тем, чтобы мы соблюдали все правила водного боя.

— И что, Запчестер в нас попал? — встревожился градомейстер.

— Как раз сейчас международные представители это и определяют.

Градомейстер схватил колокольчик и яростно его затряс, вызывая обер-камердинера.

— Срочно неси мне мой парадный военный мундир! — закричал он. — Я должен лично находиться на поле боя!

* * *

Когда градомейстер выбежал к бассейну, боевой фрегат гордо реял знамёнами на мачтах, паруса хлопали на ветру, по такелажу сновали вверх и вниз моряки в нарядной белой форме, у штурвала стоял и гордо смотрел вдаль командор корабля, а адмирал-аншеф Драгунски бегал у него за спиной и пытался оттеснить его от штурвала.

На краю бассейна собралась международная комиссия из шести человек и что-то оживлённо обсуждала. Когда градомейстер приблизился к ним, вперёд вышел невысокий человек в пышном парике с красиво уложенными кудрями, и заявил:

— Залп Запчестера попал вашему фрегату в носовую часть и пробил форштевень.

После чего бесцеремонно забрал из рук градомейстера бумагу и исправил жирную точку на секторе Б-2 на крестик.

— Вы имеете право на ответный выстрел в бриг Запчестера, — важно сообщил он. — Вы также имеете право отвести корабль в другую часть бассейна и произвести ремонт.

— Ремонт? — переспросил сбитый с толку градомейстер.

— Ремонт пробитого форштевеня, — пояснил международный представитель в кудрявом парике и указал на фрегат рукой.

Градомейстер присмотрелся и увидел, как несколько моряков — его моряков! — сосредоточенно проделывали дыру в носовой части фрегата.

— Ясно, — процедил он. — И когда вы отбываете в Запчестер?

— Как только убедимся, что вы адекватно отразили нанесённые вашему кораблю повреждения.

— Сколько времени у нас есть на ответный шаг?

— Час.

— Дайте мне! — градомейстер нетерпеливо вырвал у него из рук лист бумаги, а потом потребовал срочно доставить его на фрегат — на военное совещание с командованием

флота. Услышав о его намерении, комиссия международных наблюдателей пожелала присоединиться, чтобы лично удостовериться, что бой будет проходить по всем правилам.

Тут же выяснилось, что все военные шлюпки, способные доставить делегацию на фрегат, находились на борту корабля. Разумеется, на корабль можно было просто пройти по перекинутым с него на берег бассейна мосткам, но... перед международной комиссией стыдно!

В конце концов, на свет была извлечена легкомысленная прогулочная лодка, на которой в прежние времена романтические джентльмены катали своих барышень в бассейне. Её срочно украсили военными флагами, и градомейстер с комиссией гордо отчалил от бортика бассейна.

На фрегате царило сущее светопреставление. Матросы в красивых белых мундирах сновали взад-вперёд по палубе, карабкались вверх-вниз по такелажу. Одни паруса спускали, другие натягивали, скрипели мачты, свистели снасти, младшие командиры выкрикивали команды своим боцманам, боцманы орали на матросов, а посреди всего этого хаоса стоял адмирал-аншеф Драгунски в парадной форме и, размахивая блестящей саблей, время от времени выкрикивал:

— Лево руля! Брмсы на бймсы! Трави утлегръ! На аборда-а-аж!

Командор фрегата, а также несколько старших офицеров собрались вокруг градомейстера и принялись рассматривать бумагу с квадратами.

— Д-10, - предлагал один.

— Нет, лучше пальнуть по Е-4! — настаивал другой.

— Учитывайте положение нашего крьюс-бом-брам-рея! Надо бить по Б-7, - убедительно говорил третий.

Время от времени важное стратегическое совещание прерывали крики адмирал-аншефа:

— Пйллерс тебе под киль! Осьминога тебе в кильсы! Подсекай бизань-внты! Пли!

— Хватит! — решительно пресёк споры градомейстер. Занёс над бумагой перо и резко пустил его на квадрат противника. — Мы бьём сюда! — скомандовал он и нарисовал жирную точку в самом центре.

— Давайте залп! — потребовал международный представитель.

— Что?

Международный представитель закатил глаза, а потом утомлённо пояснил:

— Чтобы ваш ход был принят, вы должны дать залп. Мы оценим, сколько пушек выстрелили, как далеко улетели ядра, и тогда сможем адекватно оценить повреждения, которые были нанесены противнику. Если вы, конечно, попадёте.

Градомейстер покосился на адмирал-аншефа, размахивающего блестящей саблей, и повернулся к командору корабля. Тот понятливо кивнул, набрал в грудь побольше воздуха и закричал:

— Все пушки правого борта! Заря-жай!

Хаос на палубе приобрёл признаки порядка — моряки по-прежнему носились взад-вперёд, но теперь казалось, что они знали, куда именно несутся.

— По моей команде! Го-товьсь!

В корме правого борта открылись окошечки, из них хищно высунулись дула шести пушек.

— Целься! Пли!

Пушки вразной выплюнули ядра. Пять из них благополучно плюхнулись в воду на

другом краю бассейна, шестое улетело дальше и разбило стоявшую поодаль скульптуру античного голого мужика.

Международные представители сделали себе пометки, глянули напоследок на пробоину в носовой части фрегата и, удовлетворённые тем, что все правила боя соблюдены, заявили, что готовы к отбытию.

— Будешь представлен к награде, — скороговоркой пообещал градомейстер командору, покосился на очумевшего от залпов адмирал-аншефа и тихо попросил: — Да уймите же его, наконец!

Причалив к берегу и попрощавшись с комиссией, градомейстер повернулся к ожидавшемуся его статс-деньгарию и сказал:

— Нужно срочно поставить на наш фрегат больше пушек. Собирай плотников, инженеров и чертёжников, пусть думают. Чтобы через неделю на борту было восемнадцать... Нет, двадцать четыре пушки!

* * *

Маркус как раз заканчивал проектировать барк для Люнхена, когда в предоставленные им с Беатриссой апартаменты на главной площади города ворвалось трое мужчин в военных мундирах.

— Драфцман Маркус? — требовательно обратился один из них к Маркусу и, не дожидаясь ответа, извлёк из кармана депешу, развернул и зычным голосом зачитал: — В условиях объявленной Запчестером водной войны, Иванбург призывает всех своих сограждан-специалистов по кораблестроению немедленно вернуться в родной город и работать на благо родины. Вы можете взять с собой три сундука, и у вас есть час на сборы, — уже тише добавил он.

— Всего три сундука! — взвизгнула Беатрисса. Да ведь её меха и фарфор не поместятся и в пять!

— А если я откажусь? — тихо спросил Маркус, ничуть не польщённый тем, что внезапно стал столь востребованным в родном городе.

— Не советую, — ответил мужчина в мундире и словно невзначай положил руку на перекинутую за спину пицаль.

* * *

Бассейновый бой между Иванбургом и Запчестером продолжался два месяца. Два квадрата на поле боя были испещрены точками и крестиками, международная комиссия беспрестанно носилась между двумя городами.

В конце концов, несмотря на отчаянные старания градомейстера и адмирала-аншефа, несмотря на мастерские водные маневры фрегата по бассейну, несмотря на двадцать четыре пушки и непрекращающийся ремонт флот Иванбурга был наголову разгромлен. Фрегат пошёл ко дну, но, к счастью, в бою обошлось без жертв — все моряки благополучно добрались до берега.

Потеря целого флота и без того была для города болезненным ударом, но когда через два дня в Иванбурге появилась парадная процессия из Запчестера, горечь поражения стала вовсе непереносимой. Мэр Запчестера торжественно установил на краю бассейна флаг

своего города и громко объявил о захвате водоёма в результате успешных боевых действий.

Территория бассейна была аннексирована в пользу Запчестера по всем нормам международного военно-водного права. Так перед резиденцией градомейстера оказался кусок чужой территории, на которую у них теперь не было хода.

Тем же вечером в Иванбурге случилась повальная пьянка.

Напился в хлам в своём кабинете с видом на чужой бассейн градомейстер.

Напился в зюю лишившийся флота адмирал-аншеф, которому ужасно не хотелось снова становиться вице-полковником пехоты.

Напился вдрызг командор фрегата и пьяно рыдал над вручённой ему почётной медалью за самый первый бой.

Напились тем вечером и жёны моряков. На радостях — ведь их мужья вернулись в войны целыми и невредимыми.

Наконец, напились, потому что после войны полагается напиться, ветераны бассейновой войны и, сидя в тавернах, делились друг с другом славными историями своего боевого прошлого.

Не пили только драфцман Маркус и статс-деньгарий Модест Дорианович.

Маркус всё никак не мог поверить своему счастью — Беатрисса сбежала от него с бравым моряком из победного Запчестера! Да и новая работа намечается — градомейстер, когда протрезвеет, почти наверняка прикажет рыть новый бассейн, глубже прежнего, и строить новый корабль. Или даже два.

Что до Модеста Дориановича, то он вспоминал, как ранее тем вечером его жена со слезами на глазах обнимала благополучно вернувшегося с войны брата-моряка. Целыми и невредимыми вернулись с войны и оба их племянника — розовые, упитанные, в медалях — и никаких ранений. Правда, один едва не заполучил дизентерию, но после оказалось, что он просто переел жареных шкварок. И хотя резиденция градомейстера и флотское министерство погрузились в траур, во всех остальных домах Иванбурга царила радость.

Перед статс-деньгарием лежал тот самый листок, на котором последние два месяца Иванбург и Запчестер вели водный бой — после церемонии водружения флага победители торжественно вручили его побеждённым. Модест Дорианович смотрел на квадраты, испещрённые точками и крестами, и думал о том, как бы сделать так, чтобы обычные, сухопутные войны теперь тоже велись на бумаге.

Небывалица вторая — Гхмук!

— Ну, ко-отик, ну, посмотри, какой он симпати-ичный. Ну, давай ку-упим!

Нарядная молодая женщина капризно надувала губки и теребила за ушком низкорослого мужчину с важной осанкой и солидным брюшком. Котик косил глазами в декольте юной супруги и обречённо вздыхал:

— Ну, Дульсинея, ну, лапочка моя, ну, зачем он тебе? У нас ведь в доме и так полно слуг и големов, куда нам ещё один?

— Да, но этот же совсем другой! Самая новая модель, такого ещё ни у кого нет!

— Кхм, это, как бы, не совсем так, — смущённо, но решительно вмешался стоявший в двух шагах мастер Тельман. — У меня пока всего два экземпляра, но первый уже купили.

— Кто? — требовательно осведомилась супруга; капризные и игривые нотки в голосе исчезли без следа.

— Обер-градомейстер. Кстати, тоже по просьбе жены.

— Ко-отик! — возмущённо обернулась к супругу женщина. — Раз у этой стервы ободранной такой есть, то я тем более его хочу!

Котик метнул укоризненный взгляд на мастера Тельмана и обошёл последний оставшийся экземпляр вокруг. Сзади и не отличишь от человека. А вот спереди разница уже заметнее — безволосая голова, на лице ни бровей, ни намёка на щетину, зато тёмно-жёлтые глаза обрамлены густыми ресницами.

— И что же, это тоже голем? — с сомнением спросил котик.

— Да. То есть — нет. Ну, не совсем, — мастер смешался, прокашлялся и взял себя в руки. — Понимаете, Елисей Матвеич, обычные големы — глиняные, а это — биоголем, он совершенно органистический.

— Органистический? Это как? Как то твоё чудовище, что ты в прошлом году на выставке показал? Ну, то, которое ты из разных органов сшил?

— Певлин — не чудовище, — с достоинством ответил големщик. — Певлин — он просто первый эксперимент оживления органистических существ. А этих я не из органов собирал, этих я сразу, так сказать, целиком выращивал. В специально придуманной мной органистической купели. И вы только посмотрите, какие красавцы получились! — с законной гордостью закончил мастер.

Елисей Матвеич внимательно осмотрел неподвижно стоявшего лысого желтоглазого мужчину и вынужден был согласиться, что по сравнению со сшитым из разных органов Певлином биоголем просто красавец. Впрочем, на фоне Певлина красавцем был даже он сам. А эта новая модель неплоха и безо всякого сравнения.

— И как же этот твой биоголем называется?

— Гомункулус, — торжественно представил творение мастер Тельман.

— Ой, ко-отик, послушай, как звучит красиво! По-иностранному и так учёно! — восторженно хлопала в ладоши юная супруга.

— Учёно? — удивился котик.

— Ну, конечно, учёно. Вспомни, сколько есть самых разных умных слов, которые тоже заканчиваются на лус. Гладио-лус. Наути-лус. Э-э... хмм... Фал-лус, — юная супруга зарумянилась, метнула взгляд на очень определённую часть тела биоголема и закончила: —

Гомунку-лус.

— И что он умеет? — вздохнул Елисей Матвейч.

— Он будет уметь всё, чему вы его научите.

— То есть?

— Он будет учиться всему, что ему покажут и расскажут. Если обычные големы после обжига уже ничему новому не научатся кроме того, что чтецы начитали им, пока они ещё были сырой глиной, то гомункулус будет постоянно развиваться, — объяснил мастер.

— И как ты его будешь использовать? — обратился Елисей Матвейч к юной супруге.

— О, я уверена, что найду ему применение, — ответила она, голодным взглядом рассматривая гомункулуса. Потом спохватилась, надула губки и ласково почесала супруга за ухом: — Ну, ко-отик, ну, купи-и!

Котик вздохнул и отцепил от пояса кошель с монетами, признавая своё поражение.

* * *

Пятая общегородская выставка-продажа големов обернулась для мастера Тельмана полным триумфом.

— Ты их видел, Пемблин? — довольно спрашивал он существо, разбиравшее выставочный киоск. — Ты видел, как они все перекошились, когда увидели моих красавцев? Мастер Тельман уже не тот, его големы никому не интересны, он отстал от прогресса... А вот вам всем!

— Гхмук, — согласно ухало в ответ помогавшее ему существо. Существо было страшноватым — подволакивало одну ногу, сильно сутулилось и передвигалось приставным шагом. Редкие волосы почти не прикрывали шрамы на шишковатом черепе, лицо пересекали неровные рубцы, левый глаз время от времени нервически подёргивался.

— Обоих сразу же купили — и кто! Обер-градомейстер и первый статс-деньгарий! — радовался мастер. — К ним в гости будут приходить самые важные чины города, видеть моих гомункулусов и спрашивать: А где это вы их приобрели? А потом пойдут ко мне!

— Гхмук! — радостно ухал Пемблин в ответ, расплываясь в счастливой улыбке, которая жутенько смотрелась на его раскроенном лице.

Мастер Тельман довольно потирал руки. Когда-то давно он был не просто самым талантливым — он был первым големщиком. Это он обжёг и оживил самого первого глиняного человека, который умел носить тяжести и рубить дрова. Это он первым стал использовать чтецов для того, чтобы закладывать в големов навыки и знания. И даже покрывать големов розовой глазурью и цветочной росписью, чтобы их охотнее покупали домохозяйки, тоже придумал он.

Долгое время мастер Тельман оставался единственным големщиком города. Как только стало понятно, что голем может делать любую физическую работу, и делать её лучше человека, потому что он не жалуется, не болеет и никогда не устаёт, заказы потекли в мастерскую рекой.

Мастер Тельман нанял себе две дюжины помощников и подмастерьев и какое-то время процветал. Однако, к сожалению, он ничего не знал ни про хватенты, ни про ремесленную тайну. Он не догадался обратиться за хватентом на методику производства големов, чтобы сохранить право на их создание только за собой. А когда один из его подмастерьев, выгнав всё о том, как изготавливаются глиняные люди, продал эти сведения каким-то ушлым дельцам,

мастер не догадался немедленно пожаловаться страже на нарушение ремесленной тайны.

Так и вышло, что уже через какие-то полгода в городе открылось ещё с дюжину големных мастерских. Сначала они делали самых обычных големов и не представляли для мастера Тельмана серьёзной угрозы. На стороне големщика было известное имя, и покупатели по-прежнему предпочитали его продукцию.

Но конкуренты не стояли на месте. Уже на второй общегородской выставке-продаже големов мастера из Ефим и Ша(йка) представили первых специализированных големов. У мастера Тельмана големы были широкого профиля, потому как сидевшие над жидкой глиной чтецы читали одну и ту же общую инструкцию. А у Ефим и Ша чтецы читали разные талмуды: над одной жидкой глиной — про строительство мостов, над другой — про укладку дорог, над третьей — про горные работы. Расчёт оправдался — если имелся голем, специализированный на нужной клиентам работе, то они предпочитали брать такого.

На третьей выставке новая мастерская Я голем показала первых людеподобных големов, вылепленных по пропорциям настоящего человека. Домохозяйки тут же забыли про тельмановские товары в розовой глазури и бросились покупать себе людеподобную модель.

Наконец, на прошлой, четвёртой выставке произошёл окончательный крах мастера Тельмана. Поняв, что проигрывает конкурентам, он попытался создать принципиально новую модель голема — органистическую. Из разных органов сшил человека и сумел его оживить. Окрылённый успехом, он представил своё создание на выставке, но покупатели не разглядели за неприглядной внешностью жутковатого создания ни его потенциал, ни доброту. Мастер Тельман вздохнул, признавая, что первый блин вышел комом, и оставил его себе, так и окрестив — Пе-блин. А потом мрачно наблюдал за успехом новоявленной големщицы Соньки, которая презентовала на выставке голема-собаку. Никому ещё не приходило в голову создавать глиняных домашних животных, и мастер Тельман даже снисходительно фыркнул — пользы от такого голема никакой. Но спрос на Сонькину собаку оказался сумасшедшим — многие родители тут же захотели купить живую глиняную зверушку своим детям.

Из года в год дела мастера Тельмана шли всё хуже и хуже. В его лавке больше не толпились покупатели, его мастерская частенько простаивала без дела. Его големы считались скучными и устаревшими и теперь, когда на рынке появлялось столько новых моделей, не вызывали никакого интереса.

Но сегодня — сегодня мастер Тельман доказал всем, что его рано ещё списывать со счетов. Его гомункулусы произвели полный фурор, и у него уже дюжина заказов. И то ли ещё будет!

Только надо завтра же оформить на гомункулусов хватент.

* * *

— Гришка! Плишка! — радостно воскликнул мастер Тельман при виде двух пятилетних сорванцов, ворвавшихся в его мастерскую.

— Деда Тельман! — закричали хулиганы, повиснув на дедушке. — А где Гхмук?

— Сколько вам говорить — Пемблин его зовут, Пе-блин, — с улыбкой поправил их мастер.

Как всегда, при звуке своего имени появился Пемблин. Увидев близнецов, расплылся в своей жутковатой счастливой улыбке, а мальчишки завизжали от восторга и запрыгнули на

скособоченное существо. Пиблин неловко обхватил их разномастными руками и проухал:

— Гхмук! Гхмук!

Мастер, тем временем, повернулся к зашедшему в мастерскую сыну.

— Слышал, дела у тебя опять в гору идут? — с улыбкой спросил Корней. Решивший не идти по стопам отца, сын заделался врачом и преуспел настолько, что несколько лет назад даже купил для своей семьи отдельный дом. Но в гости навещался регулярно и нередко оставлял своих близнецов ночевать у бабушки — мальчишки обожали проводить время в големной мастерской.

— В гору, — довольно подтвердил мастер. — Заказов не счесть, вот, даже думаю пятую органистическую купель ставить.

— Пап, а покажи мне их! Ходят слухи, что они прямо как люди.

— Ну, пойдём, сам посмотришь, — предложил мастер и повёл сына на кухню. Там, дожидаясь своих покупателей, за столом сидело четверо желтоглазых гомункулусов. При виде Тельмана с сыном они как один хором сказали:

— Здравствуйте, уважаемые.

— Ого, — Корней остановился, поражённый. — Они и говорить умеют!

— Они учатся всему, что видят и слышат, — гордо сказал големщик. — Вот, пока ждут своих покупателей, я их немного подучил вежливости.

Сын нахмурился.

— Учатся всему, что видят и слышат? Это ведь опасно!

— А что в этом опасного?

— Ну, вот представь, что они слышат только ругательства. Или смотрят, как кто-то кого-то бьёт. Чему они научатся?

— Да кто же их станет такому учить? — ответил мастер Тельман, но в его голосе не слышалось убеждённости.

— Да хозяева и станут. Вот эти четверо — они для кого?

— Один для штатс-советника Крюева, другой для ростовщика Воронина, а двое — Большому Панкрату.

— Один знатный шпион, один жадный хапуга и один важный преступник, такой важный, что его в тюрьму посадить боятся, — сын покачал головой. — И чему, как ты думаешь, они научат своих гомункулусов? Один — подслушивать и вынюхивать, второй — обирать людей и выбивать долги, а третий — убивать.

Мастер Тельман растерянно молчал.

— Вот попомни моё слово, — продолжил Корней, — Сначала хозяева их плохому научат, потом гомункулусы натворят делов, а виноват в итоге окажешься ты.

* * *

Котик вернулся в мастерскую Тельмана уже буквально через неделю, таща за собой гомункулуса.

— Это что за безобразие такое ты мне продал? — раскричался штатс-деньгарий.

— А что случилось, ваше превосходительство?

— Высокопревосходительство, — строго поправил Елисей Матвеич и подтолкнул гомункулуса к големщику. — Ну-ка, Моня, поздоровайся с создателем!

Гомункулус скривил губы в двусмысленной улыбке и сказал:

— Вот мы и опять встретились, мой тигрище!

— Ну, и как ты это объяснишь? — обвиняюще наставил на мастера свой толстый палец Елисей Матвейч, — Я его после покупки, считай, и не видел, а тут столкнулся с ним на днях в доме, а он только так и разговаривает. Что это такое, я тебя спрашиваю?

Мастер Тельман немедленно взмок.

— Понимаете, выше высокопревосходительство, гомункулусы учатся тому, что наблюдают в своём окружении. Значит, он регулярно слышит что-то... такое...

— Хочешь сказать, он подслушивает, как служанки со слугами пугаются?

Гомункулус Моня, тем временем оценивающе провёл рукой по низкому, широкому прилавку и выдал:

— Тут мы ещё не пробовали!

Мастер Тельман замялся — говорить правду было страшновато.

А гомункулуса несло:

— Твой ко-отик может поцарапать коготками и поурчать в ушко!

Елисей Матвейч налился свекольным цветом и, задыхаясь, прошептал:

— Так это же Дульсинея моя всегда мне так говорит, когда мы с ней...

Мастер Тельман в ужасе прикрыл глаза, ожидая взрыва.

— Ах ты, гомункулина похотливая, ты что же творишь! — закричал Елисей Матвейч, замахиваясь на Моню. — Да я ж тебя!

— Ваше высокопревосходительство, — не выдержал мастер Тельман, — Обвинять гомункулуса нет смысла, он же не сам, он же только повторяет то, чему его научили.

— Выходит, это Дуська его научила... — статс-деньгарий как-то сразу сник и надолго замолчал.

Мастер Тельман ожидал, что Елисей Матвейч прикажет избавиться от гомункулуса или лишит его определённого органа, думал, что потребует забрать обратно и деньги вернуть. Он никак не ожидал, что Елисей Матвейч окинет Моню пристальным, оценивающим взглядом и спросит големщика:

— А бабу такую для меня смастерить сможешь?

* * *

Генерал-аншеф Собольков приобрёл у мастера Тельмана двоих гомункулусов ещё в первые дни после выставки-продажи, а месяц спустя пожаловал с личным визитом.

— Хорошие штуки эти твои биоголемы, мастер! — довольно пророкотал он вместо приветствия. — Ни один вымуштрованный солдат не сравнится! Все команды — чётко, без раздумий. Все приказы — немедленно и без сомнений. И, главное, ничего не боятся! Скажешь им — в штыковую, они — в штыковую. Скажешь им своей грудью от картечи прикрыть — они прикроют. Загляденье, а не вояки! Нам бы таких ещё тройку дюжин, их бы с самого начала обучили как надо — и у обер-градомейстера такая гвардия была бы!

— Три дюжины? — растерялся от размера заказа мастер Тельман.

Но генерал-аншеф не услышал вопроса големщика; ему вдруг открылись новые, совершенно грандиозные перспективы, и он был полностью ими захвачен:

— А если таких не три дюжины вырастить, а десять дюжин? Это же целая рота идеальных солдат! Да что десять дюжин? Сто — и вот тебе полк! А ещё лучше — целая армия! Да мы ж с такой армией — весь мир!

Генерал-аншеф пришёл в страшное возбуждение и повернулся к големщику. Мастер Тельман, уже почуявший, куда ветер дует, аж немного присел.

— Мастер Тельман, как насчёт армии из твоих биоголемов? Ну, или для начала — хотя бы полк?

— Выше высокоблагородие... превосходительство... высокопревосходительство... да у меня ж всего пять органистических купелей. Вырастить гомункулуса — это недели две, я вам при всём желании так много произвести не смогу.

— А я у казны затребую субсидий. Чтоб, значит, тебе денег дали на полсотни этих твоих купелей. Так дело-то быстрее пойдёт! — не увидев радости на озабоченном лице мастера, генерал ан-шеф добавил: — А ты будешь... как же это... э-слезивный производитель. То есть все деньги тебе пойдут. Ты хоть понимаешь, как ты разбогатеешь?

— Понимаю, — механически отозвался мастер Тельман, попавший в плен пугающего видения: армия послушных гомункулусов, наученных ничего не бояться и никогда не отступать, марширует от города к городу, сметая всё на своём пути.

— И я вот что ещё тут подумал, — продолжал возбуждённый генерал-аншеф, — Мастер, а можешь ты над гомункулусами своими ещё поколдовать, чтобы они выходили у тебя огнеупорные и картеченепробиваемые, как обычные глиняные големы? И чтобы могли очень чутко слышать, очень зорко видеть и очень тихо ходить, а двигались чтобы гораздо быстрее людей. Я б из таких такую разведку организовал — ах!

В видении мастера армии марширующих гомункулусов сменились отрядом огнеупорных, зорких, быстрых биоголемов, незамеченными проникающих во вражеский лагерь и вырезающих стражу... а потом и весь лагерь.

Мастер Тельман вздрогнул — он почему-то не подумал о том, как могут пригодиться его гомункулусы на войне.

* * *

Пару месяцев спустя у мастерской Тельмана стали регулярно околачиваться какие-то странные личности с невнятными плакатами, называющие себя активистами. Они забрасывали дверь мастерской тухлыми яйцами и помидорами, мазали ступени коровьими лепёшками, а когда любопытствующие прохожие пытались дознаться, в чём дело, отвечали:

— Простому честному работяге из-за тельмановских гомункулусов скоро работу будет совсем не найти. Теперь везде будут брать биоголемов, нас погонят, и что нам тогда делать — с голоду умирать? А детишкам нашим? Вот и мы протестуем против выпуска гомункулусов.

Вероятно, активисты вызывали бы больше симпатии и сочувствия, не рази от них самогоном и не признай народ среди них известных пьяниц, бездельников и пустобрехов, которых работающими никогда и не видели.

И всё же, наслушавшись бездельничающих около мастерской активистов, кое-кто начинал беспокоиться. Ну и что с того, что обычные големы уже давно существуют, а работы для людей по-прежнему хватает? Ну и что с того, что ещё никто из-за гомункулуса не потерял работу? А вдруг это всё-таки случится?

* * *

Мастер Тельман не любил, чтобы гомункулусы задерживались в мастерской — он к ним слишком быстро привязывался, давал им имена, и расставаться с ними потом было тяжело. Вот и весёлого добродушного Яшку, которого заказал себе какой-то богатый купец, но потом раздумал покупать, продавать было жалко.

Яшка прожил в мастерской почти три недели, помогал по хозяйству, сдружился с Пемблином, пристрастился к волшебным историям, которые по вечерам мастер рассказывал внукам, когда они ночевали у деда. И когда в один прекрасный день в лавке появился разодетый скользкий тип, представившийся тайным советником Типуновым, мастер продал ему Яшку скрепя сердце и прятал глаза от грустного, тоскливого взгляда гомункулуса, когда новый хозяин выводил его из мастерской.

А ещё через две недели глубоким вечером кто-то тревожно постучал в чёрный вход дома мастера. Открывший дверь Пемблин испуганно заухал: Гхмук! Гхмук! и мастер Тельман тут же явился на шум. И замер от неожиданности: на пороге стоял Яшка — грязный, осунувшийся, в лохмотьях, синяках и каких-то подозрительных бурых потёках.

Увидев мастера Тельмана, гомункулус бухнулся на колени и протянул:

— Всё, что захотите, делать буду, только не возвращайте!

Из сбивчивой речи вздрагивающего от каждого звука и резкого движения Яшки мастер Тельман к утру составил себе примерную картину случившегося, побелел и тихо пообещал гомункулусу, что никому его не отдаст.

Вышел на кухню, попросил Пемблина принести ему чарку водки и тяжело осел за столом. Слышал он, как благородные господа развлекаются, слышал про разные вертепы и про тайные сообщества, на которых балуются чёрной магией, государственными заговорами, разными жестокостями и непотребствами. Слышал, но верить не торопился. Однако теперь, после истории Яшки!..

И тут мастер Тельман просто вскипел. Да разве можно так с живым существом? Животину домашнюю — и ту жалко, а гомункулус ведь совсем как человек, он всё понимает и всё чувствует. А то, что он всё-таки биоголем, а не человек — ну и что с того? Иной гомункулус ещё получше какого человека будет. Да что гомункулус — даже его страшный Пемблин куда больше человек, чем да вот хоть даже бывший Яшкин владелец!

Скособоченный Пемблин заметил, что хозяин словно застыл с чаркой в руках, в ярости глядя на огонь в камине, неловко присел на корточки, заглянул ему в лицо и встревоженно ухнул:

— Гхмук?

* * *

Как нарочно, следующим же утром к безработным активистам, целыми днями околачивающимся без дела у мастерской Тельмана, присоединились шумные, воинственно настроенные женщины из недавно созданной ассоциации защиты големов и гомункулусов, сокращённо — Го-Го, и принялись протестовать против жестокого обращения с големами и гомункулусами.

После вчерашней истории с Яшкой мастер Тельман разделял их протест всем сердцем и душой. А вот народ, проходивший мимо, слушать дамочек слушал, но особого сочувствия и понимания не выказывал. И тогда, чтобы привлечь внимание к проблеме, женщины решились на радикальные меры: они запели — прямо на людной улице! — непотребную

песенку и при этом плясали, непристойно задирая юбки.

Радикальные меры сработали — внимания дамочки привлекли даже больше, чем рассчитывали. Правда, внимания не к проблеме, а к ним самим — до самого вечера город обсуждал только эту выходку, напрочь позабыв о главной причине, ради которой женщины затеяли свои песни и пляски.

Мастер Тельман, ещё поутру собиравшийся присоединиться к ассоциации, после принятых дамочками радикальных мер испугался — вдруг и ему придётся плясать, приспустив портки? — и раздумал.

* * *

Тайный советник Типунов заявился в мастерскую ближе к вечеру и поинтересовался, не появлялся ли Яшка.

Когда мастер Тельман, сделав невинные глаза, спросил, что случилось, тайный советник смерил его недовольным взглядом и сказал:

— С гнильцой у тебя товар, мастер. Хорошее имущество от своего хозяина не бегают.

От хорошего хозяина, может, и не бегают, — очень хотел ответить мастер Тельман, но промолчал. Типунов — хоть и гнусное, но всё ж таки его превосходительство, а простому смертному превосходительствам и прочим высокородиям правду о них самих в лицо лучше не говорить — осерчают.

* * *

Вслед за активистами и дамочками из Го-Го в один прекрасный день у мастерской появились церковники. Бородатые, округлые и праведные, они под угрозой анафемы потребовали прекратить производство гомункулусов, потому как мастер Тельман, считай, создаёт жизнь, а это кощунственно и противоестественно, ведь творить жизнь — прерогатива бога.

С прерогативой бога мастер Тельман был не совсем согласен. Люди испокон веков рожали детей, создавая таким образом жизнь, и бог, похоже, был не против. Да и к големам претензий тоже пока не было, а они ведь, хоть и глиняные, но всё равно живые.

Однако в глубине души мастер понимал, откуда идёт беспокойство. Глиняный голем — это одно, а органистический гомункулус — совсем другое. Он вроде как взрослый, но по сути — ребёнок: ни тот, ни другой не знают разницы между хорошим и плохим, пока им не объяснят. А что, если объяснят неверно? Ребёнок-то что, он много вреда не принесёт, он ведь маленький. А вот гомонкулус может натворить тех ещё дел! Совсем как человек...

* * *

То, что неизбежно должно было случиться, случилось — гомункулус убил человека.

Да, все знали, что тот биоголем принадлежал Большому Панкрату, знали, что Панкрат за человек и чем занимается. Знали, что убитый тоже был преступником, и что между этими двумя издавна шла вражда. Понимали, что Панкрат просто использовал гомункулуса, как использовал бы меч или арбалет. Или наёмного убийцу.

Каждый из собравшихся у тела людей это понимал — но только поодиночке. Стоило

образоваться толпе — и от понимания не осталось и следа.

— Караул! Убивают! Гомункулусы людей убивают! — заголосил кто-то — и запалил пожар народной истерики.

Толпа тут же припомнила, что из-за гомункулусов честные люди направо и налево теряют работу, и что церковники называют биоголемов существами не богоугодными и противоестественными. Что по сравнению с обычными големами эти гомункулусы больно умные, а ум, как известно, не к добру, от ума всегда одни беды; так вот посидят эти гомункулусы, посидят да и решат, что не хотят больше слушаться своих хозяев — что тогда? Вот, уже одного убили, и то ли ещё будет!

Не прошло и нескольких минут, как потерявшая остатки здравомыслия толпа уверилась в великом заговоре гомункулусов против людей и рванула к мастерской Тельмана, намереваясь стереть её с лица земли. А заодно и изничтожить всех гомункулусов, что есть в городе — в превентивных целях.

Толпа растерзала попавшегося на пути биоголема, гулявшего с детишками коллежского ректора. Толпа разорвала нагруженного продуктами гомункулуса, возвращавшегося с рынка к хозяину в известную своими кулинарными шедеврами таверну. Толпа едва не растоптала лысого и тем немного похожего на гомункулуса аптекаря — тот чудом вырвался.

И толпа не успокоилась. Только захотела большего.

* * *

— Бежать вам надо, — настойчиво повторил Яшка, прислушиваясь к доносившимся издали крикам. — Бежать, пока они ещё далеко.

— Гхмук! — подтвердил Певлин.

Мастер Тельман только отмахнулся.

— Я отсюда — никуда. Тут всё дело моё — не брошу!

И как ни умолял Яшка, как ни ухал просительно Певлин, мастер Тельман стоял на своём.

— Идите в подпол спрячьтесь, — приказал он, когда толпа показалась на улице. — Мне-то они ничего не сделают, они ж все меня знают. А вот вы — вам укрыться надо.

Мастер Тельман был прав — его действительно знал каждый горожанин. Но он совершенно не подумал о том, что толпа — совсем не то же, что отдельный человек. Она не слушает, не узнаёт и не понимает. И порой совершает такое, на что один человек ни за что не пошёл бы.

Големщик встретил горожан, смело стоя в дверях мастерской. Он даже приготовил небольшую речь и собирался обратиться с нею к толпе, но не успел — народ был слишком распалён, чтобы остановиться и послушать, подумать и понять.

Толпа волной хлынула в двери, просто снося мастера Тельмана с пути. И, наверное, затоптала бы его насмерть, не выскочи из под полы ослушавшийся приказа Яшка и не подними мастера Тельмана на ноги.

— Гомункулус! — заорал народ и бросился на Яшку, пока тот отчаянно пробивался к дверям, прикрывая собой хозяина.

Десятки рук ухватили Яшку и оторвали от мастера Тельмана. И пока толпа отвлеклась на гомункулуса, из под полы неуклюже выбрался Певлин. Тихо ухнул Гхмук и заторопился нескладным приставным шагом к големщику. Ухватил его, оглушённого, за руку и скорее

поташил за собой, прочь из мастерской.

* * *

Мастерская горела долго и ярко; огонь унялся к вечеру, и вместе с ним унялась ярость толпы. Люди словно просыпались после страшного сна и недоумённо оглядывались, а потом испуганно смотрели друг на друга, безмолвно спрашивая: Неужели это всё мы? И, стыдливо отводя глаза, расходились.

К вечеру же прибежал перепуганный Корней. Уставился на догорающую мастерскую и в ужасе схватился за голову:

— Папка, да как же это, а?

— Гхмук, — тихо ухнул кто-то сзади.

Корней обернулся и вздрогнул, увидев испачканного гарью Павлина. Тот ухватил его за руку и потянул за собой.

Павлин привёл Корнея в тихую подворотню неподалёку. Там, прислонившись спиной к забору, сидел на земле мастер Тельман.

Корней облегчённо выдохнул и бросился к нему:

— Пап, ты как?

Мастер не ответил. Он смотрел куда-то в ему одному видимую точку и то горестно бормотал, то яростно восклицал:

— Ах, вот вы как, значит, да? Ну, погодите, я такого гомункулуса выращу, что вам мало не покажется!.. А Яшку, Яшку-то за что?... Армию! Целую армию! Слезами... Кровью умоемся!

— Пап, — Корней осторожно потряс мастера за плечо.

Големщик медленно сфокусировал взгляд на сыне и спросил:

— Зачем они так, а?

Корней пожал плечами и присел рядом. Он прекрасно понял вопрос.

— Испугались, наверное, — предположил сын.

— Чего испугались-то? От гомункулуса ведь столько пользы, если его научить правильно! Вон, возьми хоть Яшку. Или Павлина.

— Ответственности испугались, вот чего. Мы ведь, по сути, как они — если нас правильно научить, тоже будем очень полезными. Ну, а если неправильно, то ужас что натворить можем! Отсюда и страх — мы ведь себя знаем как облупленных, знаем, на что мы способны. А ну как насмотрятся они на худшее в нас и станут повторять?

— Может, ты и прав, — согласился мастер Тельман. Ярость в глазах потухла, он как-то сразу сник и надолго замолчал.

Не зная, как заполнить тишину, Корней несколько раз прочистил горло и, наконец, сказал:

— Ты не расстраивайся, отстроим мы твою мастерскую. Только... наверное, гомункулусов тебе больше лучше не создавать.

— Наверное, — печально отозвался големщик; ему так не хотелось расставаться с самым лучшим, самым удачным своим творением, которое могло бы принести людям столько пользы! Потом он вскинул глаза на сына и с отчаянием спросил: — Неужели всё это было зря?

Корней на миг растерялся, но тут выручил Павлин. Он неловко присел перед мастером

Тельманом на корточки, заглянул в лицо и, покачав головой, с чувством ухнул:

— Гхмук!

И расплылся в доброй улыбке, жутенько смотревшейся на его раскроенном лице.

Небывалица третья — Комманда Нью

Рекомендованная Олег Олегычу контора располагалась в самой нереспектабельной части города.

Да кто вообще решится открыть здесь свой бизнес? Дыра дырой, — думал Олег Олегыч оглядывая мрачный узкий дом из замшелых камней. Судя по вывескам, вместе с интересующей его конторой двухэтажное здание делили ломбард, скупающий краденое, дом терпимости, прикидывающийся массажным салоном, и торговец весёлыми травами и грибами, называющий себя фитотерапевтом.

Впрочем, наёмникам ли бояться подозрительных соседей?

Придя к такому выводу, Олег Олегыч решительно толкнул тяжёлую дверь под вывеской Комманда Нью. Буквально в следующий миг он оказался перед сидящим за массивным столом обладателем благородного профиля и безупречно-мужественного, как на картинках, выражения лица

— Садитесь, — приказал благородный профиль таким решительным и непререкаемым тоном, что ноги Олега Олегыча сами подогнулись, усаживая его на стул. — Слушаю вас.

— Здравствуйте... э-э... Мне вас рекомендовали как специалистов высшего класса, — начал Олег Олегыч и сбился, услышав железный скрежет откуда-то сзади; казалось, у него за спиной кто-то точит здоровенный нож. Или меч. Или даже алебарду.

— Продолжайте.

Ножеточильный звук не прекращался, но Олег Олегыч решил его проигнорировать.

— Видите ли, все мои... э-э... друзья повально увлекаются экстремальным туризмом: ездят на верблюжьих сафари в пустыню, охотятся на носорогов, седлают на санках снежные лавины, бродят по заброшенным гномьим шахтам. Я же хочу сделать что-нибудь такое, что ни один из них не делал. Э-э... В общем, я хочу войну. Маленькую победоносную войну.

Несколько долгих мгновений благородный профиль рассматривал его и размышлял над услышанным, а затем кивнул и представился:

— Женерал.

— Олег Олегыч Пискавский.

— Пискавский? Тот самый? — чуть приподнял бровь Женерал.

Олег Олегыч деланно скромно наклонил голову. С тех пор, как он безобразно быстро разбогател на золотом шлаке, прошло немало времени, он ко многому привык, от многого устал и почти ко всему потерял вкус, но всеобщая известность ему до сих пор не приелась.

— Какой такой тот самый? — раздался чей-то голос у него из-за спины.

Олег Олегыч обернулся и — не нашёл источник голоса, только гору разного вида клинкового, рубящего, режущего и колющего оружия в дальнем углу. Кажется, именно из неё и доносился тот самый ножеточильный скрежет.

— Владелец компании по добыче и поставке золотого шлака, — ответил кто-то сбоку.

На этот раз обладателя голоса Олег Олегыч увидел — интеллигентного вида субтильного юношу в очках, сидящего у окна.

— А, это который драконьи лепёшки продаёт! — радостно воскликнул невидимка сзади, и Олег Олегыч поморщился: как он ни старался, как ни пытался переучить народ, нет-нет, да и выскочит это ненавистное драконьи лепёшки. Пусть когда-то это и впрямь были

драконьи экскременты, но с той поры они пролежали в земле столько времени, что давно превратились в первосортный шлак золотистого цвета — очень хорошее удобрение, неплохое топливо и ценное сырьё для алхимиков.

— Кхм, вообще-то это называется золотой шлак, — поправил он невидимого собеседника и демонстративно переключил всё своё внимание на Женерала. — Ну, так как, вы мне поможете?

— Разумеется, — звучно ответил тот. — Какая именно война вас интересует? Если хотите, могу предоставить список всех проводящихся на настоящий момент войн, и вы можете выбрать ту, которая вам больше по душе.

— Не надо, — отказался Олег Олегыч. Он знал, какие войны происходили сейчас в мире. Все они были слишком серьёзными, и при всей пресыщенности благами жизни, которые можно купить за деньги, при всём желании поэкстремальничать Олег Олегычу не хотелось умирать. А в слишком серьёзных войнах такой исход весьма вероятен. Более чем. — Меня не интересует ни одна из ведущихся ныне войн. Мне нужна новая. Небольшая и победоносная. Желательно, где-нибудь неподалёку. Я хочу, чтобы вы мне её нашли. Или организовали.

— Мы не организовываем войны, — покачал головой Женерал. — Мы только в них участвуем.

— Я заплачу вам в два раза больше вашей обычной ставки.

Впервые с того момента, как Олег Олегыч вошёл в контору, ножеточильный скрежет у него за спиной прекратился.

Безупречно-мужественное выражение лица Женерала сменилось яростно-благородным.

— В три, — быстро предложил Олег Олегыч.

У него за спиной что-то угрожающе лязгнуло.

— В пять, — стремительно повисил ставку Олег Олегыч и тут же торопливо добавил: — В десять, и я иду с вами.

Мгновение спустя ножеточильный скрежет возобновился. Но если раньше этот звук раздражал, то теперь удивительным образом успокаивал; он словно свидетельствовал, что всё вернулось на круги своя.

Благородная ярость на лице Женерала погасла, уступив место привычной безупречной мужественности:

— Полагаю, мы что-нибудь придумаем.

* * *

— Семь — несчастливое число, — пробурчал почти невидимый из-за горы холодного оружия Лёва, когда дверь за Олег Олегычем закрылась, и продолжил точить меч.

Женерал задумчиво побарабанил пальцами по столу. В его команде всегда было шестеро: Лёва, Лаки, Бурый, Псих, Миробор и он сам. Брать с собой седьмого, да ещё и абсолютно не имеющего опыта в воинских делах — решение и впрямь... неоднозначное. Но оплата! Видят боги, деньги им сейчас не помешают. Наёмнический бизнес вот уже несколько лет в упадке: родной город при новой власти, похоже, решил окончательно отказаться от ведения старых добрых войн по всем правилам войнологии. Нет, людей по-прежнему убивают, но теперь это называется не войной, а, например, миротворческой миссией, контр-преступной операцией или революцией. И наёмникам там, по крайней мере

— официально — места нет.

— Меня больше волнует, где мы возьмём эту маленькую победоносную войну, — наконец, произнёс Женерал.

— Всё очень просто, — уверенно заявил Псих, сублильный юноша в интеллигентных очках. — Лаки.

Лаки был солдатом неудачи от бога и очень ценным членом Комманды Нью. Его засылали в тыл врага, откуда Лаки пробивался навстречу своим товарищам, а неудачи шли за ним попятам, кося противника налево и направо. Рвались подпруги на лошадиных сбруях, мечи застревали в ножнах, обвисали тетивы на луках, попадали колёсами в рытвины, требушеты, тухло продовольствие, коварно нападала диарея, гнили штандарты, лопались барабаны и тускнели гербы.

— Но как именно ты собираешься его использовать, если у нас нет противника? — спросил Женерал и выжидательно уставился на Психа. Сублильный юноша был крупным специалистом по психологическим атакам, деморализаторству и разрушающему ментальному воздействию на врага; к его словам стоило прислушаться.

— Элементарно, — ответил Псих и поправил очки. — Пискля просил войну небольшую и неподалеку, так? — начал он, походя наделив заказчика прозвищем, которое от того, скорее всего, уже не отклеится. — Смотри, Женерал, к югу от города у нас живут кочевники из этих... как его... тюргских племён, и не проходит и дня, чтобы они не подрались между собой за какие-нибудь выпасы. Предлагаю заслать нашего Лаки на одно пастбище. Вся скотина наверняка рванёт за ним, а он пусть бежит к соседнему полю. Хозяева второго пастбища увидят чужой скот на своих землях и схватятся за оружие — вот тебе война маленькая. Пискля выберет, на чьей стороне воевать, мы быстренько усмирим кочевников — вот и война победоносная..

— Лёва, что думаешь? — повернулся Женерал к куче холодного оружия.

— Нормально, — послышалось в ответ.

Впрочем, иной реакции от Лёвы ожидать не стоило — парень страдал войноманией в тяжёлой форме и всегда с готовностью ввязывался в любую войну. Лёва прочитал все учебники по войнологии, был подписан на все журналы о новинках вооружения и испытывал непреодолимую тягу к любому оружию. Прежде чем примкнуть к Комманде, он много раз безуспешно пытался лечиться от своей зависимости. Но не помогли ни лекарства, ни встречи анонимных войноманов, ни даже гипнотизёр, заявивший, что истоки Лёвиной войномании — в тяжёлом детстве, ведь родители часто покупали ему для игр оловянных солдатиков.

— Ну, раз нормально, — улыбнулся Женерал, — значит, дело решено. Будет нашему Пискле маленькая победоносная война.

* * *

В утро, назначенное Женералом для отправки, Олег Олегыч явился разодетым в пух и прах: узкие — колен не согнуть! — бриджи, накрахмаленные — слышно, как хрустят! — манжеты, золотые — ослепнешь от блеска! — эполеты, грудь вся в разноцветных аксельбантах, щегольская тоненькая шпажка на боку и какой-то совершенно невообразимый головной убор.

— Что это? — процедил Женерал, сощутив глаза в выражении благородного презрения,

и указал на высокую, в бляхах и с козырьком, шапку с пучком ярко-алых перьев наверху.

— Это кивер, — ответил Олег Олегыч тоном, исполненным удивления, что кто-то не знает столь очевидных вещей. Но на всякий случай пояснил: — Военный головной убор. — Прикоснулся к пучку алых перьев: — А это султан. — Услышал в ответ глубокое молчание и добавил: — Последний писк моды.

— Писк, значит? — повторил Женерал и обменялся понимающей ухмылкой с уже знакомым Олег Олегычу subtilным юношей: — Пискля — он и есть Пискля.

Интеллигентный юноша поправи очки на носу и очень серьёзно, пряча бесенят смеха в глазах, обратился к Олегу Олегычу:

— Считай, что сразу проигран бой, когда ты храбрый, но некрасивый.

Несколько упокоенный этими словами, Олег Олегыч благосклонно кивнул юноше.

Женерал поправил церемониальный кортик на поясе и начал представление членов своей Комманды.

— Псих, наш специалист по ментальным атакам.

Юноша в очках вежливо кивнул.

Надо же, такой интеллигентный, и такое имя, — подумал Олег Олегыч.

— Лёва, эксперт по войнологии по всех её проявлениях, — продолжил Женерал и махнул в сторону восседавшей на лошади горки холодного оружия во всём его многообразии.

Ага, так вот кто точил ножи в конторе! — сообразил Олег Олегыч.

— Бурый, — продолжил Женерал, кивая в сторону лысого и без бровей мужчины, в хламиде которого при каждом движении которого что-то булькало и стеклянно позвякивало. — Наш специалист по биологическому оружию.

Олег Олегыч принялся — от специалиста по биологическому оружию исходил подозрительный запах.

— Миробор, убеждённый пацифист.

Здоровенный лысый детина угрожающего вида с самым огромным мечом, который когда-либо доводилось видеть Олегу Олегычу, приветственно ощерился в ответ.

— И, наконец, Лаки, профессиональный диверсант высшего класса, — закончил представление Женерал, указывая на невысокого человечка на ослике.

— Очень приятно, — ответил Олег Олегыч, — А меня зовут...

— Пискля, — перебил его Лёва из-под груды скрывающих его режущих, рубящих, клинковых и колющих орудий.

Олег Олегыч обвёл взглядом такую разношерстную, но, в общем и целом, производящую угрожающее впечатление Комманду и проглотил возражение. Пискля так Пискля.

* * *

В первый день путешествия Олег Олегович избавился от последнего писка моды — немилосердно натирающего шею тяжёлого кивера с алым султаном.

На второй день расстался с накрахмаленными манжетами и сделал в бриджах надрезы под коленями, чтобы, наконец, нормально их сгибать.

На третий день он уже привык откликаться на Писклю и получил ответы на наиболее волнующие его вопросы: почему у Комманды такое дурацкое название — Нью? Что делает пацифист среди наёмников? Почему Бурый издаёт стеклянное позвякивание при каждом движении? И почему Лаки едет на ослике, довольно сильно отставая от Комманды, и без

оружия, в то время как все остальные — на лошадях и вооружены до зубов. Причём в случае Лёвы — вооружены до зубов в самом буквальном смысле: когда войноман изредка улыбался, Олег Олегыч видел у него на зубах острые железные коронки для боевого покусывания.

Вопрос о том, почему именно Нью, как выяснилось, оказался больным для Женераала.

— Чёртовы дилетанты, мнящие себя вояками, растащили все буквы алфавита! А на некоторые буквы даже очередь есть, люди ждут, когда группа распадётся, чтобы взять освободившуюся букву себе. На Альфу знаешь сколько желающих? Да и на Дельту не меньше, — Женераал печально вздохнул и явил миру на своём благородном профиле выражение возвышенной печали. — Когда я пришёл сдавать документы на регистрацию группы наёмников, из алфавита оставалось незанятым всего две буквы, ню и фи. Весёленький выбор, правда? Но деваться было некуда, мы с ребятами посовещались и решили, что Комманда Фи звучит ещё хуже, чем Комманда Нью. С Фи с нами вообще никто не захочет иметь дело, а с Нью — ну, подумаешь, принимают нас иногда за людей другой профессии и приглашают станцевать на девичнике, — Женераал вдруг смутился и метнул на Олега Олегыча суровый взгляд: — Неважно, как нас зовут, важно, как мы выполняем свою работу. А выполняем мы её безупречно!

— Знаю, знаю, — поспешил упокоить разошедшегося Женераала Олег Олегыч. — Мне вас рекомендовали именно как специалистов высшего класса.

Пацифист Миробор сам охотно удовлетворил любопытство Олега Олегыча:

— Я из движения пацифистов, слышал о таком? Мы верим в мир во всём мире и готовы защищать его от войны любыми средствами, в том числе и с оружием в руках. Раньше мы все были такие, но несколько лет назад к власти пришли какие-то тёмные личности и замутили всем умы, — огромные ладони Миробора непроизвольно сжались в увесистые кулаки. — Они сказали, что защита мира с оружием в руках — это суть война, что против наших убеждений. Про то, что война против наших убеждений — это они, в общем, правильно сказали, но ещё они заявили, что теперь мы должны поддерживать мир только мирными средствами. В общем, полная чушь. Вот скажи мне, Пискля, как ты мирно поддержишь мир, если на тебя налетают с мечом наперевес, а?

— Именно тогда ты и пришёл в Комманду, да? — уточнил Олег Олегыч, понимая, что заданный ему вопрос — риторический.

— Тогда и пришёл, — мотнул налысо бритой головой Миробор. — Здесь я по-прежнему могу жить по своим внутренним убеждениям и защищать мир от войны любыми средствами, в том числе с оружием в руках.

В голосе пацифиста Миробора было столько непоколебимой уверенности, что Олег Олегыч дискуссию продолжать не решился.

Бурый на вопросы Олега Олегыча не отвечал — он вообще не говорил. То ли не мог, то ли не умел. А, может, не хотел. От Женераала Олег Олегыч узнал, что Бурый — друид, общается только с природой. Что до стеклянного позвякивания, так это оружие Бурого, разложенное по карманам и складкам одеяния — баночки и скляночки с опасными смесями органического происхождения и собственного изобретения Бурого.

Причина же безоружности Лаки и ослика в качестве передвижного средства выяснилась сама собой, Олег Олегыч просто понаблюдал некоторое время за солдатом неудачи и всё понял. Дай ему оружие — он непременно поранится. Посади на лошадь — она его сбросит и затопчет. Ну а подпусти слишком близко к себе — и неприятности случатся уже с тобой.

А на четвёртый день Комманда Нью подошла к территории условного противника — к

гишлакам двух соседствующих скотоводческих племён, разделённым просторными пастбищами.

* * *

Обосновавшись в кустах по всем правилам войнологии, Комманда Нью наблюдала за крадущимся Лаки — тот с видимой опаской приближался к пастбищу, на котором мирно щипал травку крупный рогатый скот.

Олег Олегыч вдруг сообразил, что так ничего и не узнал о предстоящей войне.

— Позвольте уточнить — кто с кем воюет? Кто на кого напал? За кого мы?

— Это как получился, — рассеянно отозвался Женерал, наблюдая за осторожными передвижениями Лаки. Именно от него всё и зависело: чей скот первым бросится за ним и нарушит границы пастбищ, то племя и будет обвинено в провоцировании войны.

Огромный чёрный бык-вожак слева от изгороди, разделяющей границы владений двух соседских племён, первым заметил крадущегося чужака. Вскинул голову и уставился на него налитыми кровью глазами.

Чужак замер, не отрывая испуганно-зачарованного взгляда от рогов быка, а потом тихо взвизгнул и бросился бежать.

Быки реагируют не только на угрозу и красное; чужой страх тоже их провоцирует, вызывает желание преследования. Вот и бык-вожак просто не смог совладать с инстинктами — увидел улепётывающую фигуру, от которой волнами расходилась паника, наклонил голову и, нацелив рога на чужака, с рёвом рванул за ним.

А за быком потянулось всё остальное стадо.

А вслед за разбегающимся богатством последовали чобаны, на скаку раскручивая лассо, щёлкая кнутами и ругаясь на всё горло.

Хрупкая изгородь была вмиг сметена, территориальная неприкосновенность соседнего гишлака — безжалостно и бесцеремонно нарушена.

— Здесь по соседству живут родственные кочевые племена тюргов: алиф-тюрги и хамза-тюрги, — негромко говорил Женерал, наблюдая за передвижениями Лаки и стада. — И те, и другие занимаются скотоводством, и у них постоянно возникают споры из-за пастбищ. Как видишь, мы только что стали свидетелями, как... — Женерал прищурился, глядя на гишлаки, словно пытался свериться с какой-то надписью, — Стали свидетелями, как алифы бесцеремонно напали на исконные пастбища хамза. Разумеется, такую агрессию невозможно оставить незамеченной, и наша благородная задача — помочь хамза в борьбе с врагом... Или, наоборот, помочь алифам отвоевать законные владения, хитростью захваченные подлыми хамза в прошлом. В общем, как пожелаешь.

Тем временем, заметив ворвавшийся на их пастбище чужой скот, чобаны-хамза вскочили на коней, схватили луки и рванули наперерез скачущим вслед своему стаду чобанам-алифам.

Женерал удовлетворённо кивнул — дело сделано, Лаки только что организовал небольшую войну.

Выведя Комманду из кустов, Женерал приказал выступать в сторону противника. И хотя окончательный враг ещё не определился, выполнить приказ всё равно не составило труда — ведь оба потенциальных противника находились сейчас в одной стороне.

— Ну, Пискля, за кого сражаться будем?

Олег Олегыч переводил взгляд с одного гишлака на другой и, не в силах выбрать, медлил с ответом.

Женерал и его Комманда ждали решения заказчика, бодро шагая вслед стаду и чобанам.

А тем временем Лаки, сам того не ведая, превращал мелкую локальную стычку в крупномасштабный конфликт.

Лаки приносил неудачу не только противнику, но и всем, кто попадался у него на пути. В данный момент солдат неудачи со всех ног улепётывал от рязьярённого быка и не разбирая дороги. Он уже давно пересёк и пастбище, и гишлак, и, сделав большой полукруг, теперь стремительно приближался к кромке леса.

Именно в этот момент из-за деревьев показался пышный караван.

К огромному несчастью караванщиков, их охранники были выряжены в ярко-красные кафтаны. Разъярённый бык просто не мог не среагировать на цвет: красное раздражадо куда больше, чем страх. Резко изменив траекторию движения, бык бросился на идущего во главе каравана охранника. Стадо рвануло за ним вслед; за стадом понеслись раскручивающие лассо чобаны-алифы, а за алифами — возмущённые чобаны-хамза.

Перепуганные караванщики вообразили, что подвергаются нашествию и диких животных, и кочевников одновременно, и попытались организовать оборону.

Зазвенели мечи, засвистели стрелы, полилась кровь. Мелкая стычка кочевых племён стремительно перерастала в нечто куда более серьёзное и международное.

Запыхавшийся Лаки нагнал Комманду.

— Ну, как я? — радостно спросил он — и резко замолчал, наткнувшись на выразительный взгляд Женерала, многозначительно кивающего на Миробора. Наголо бритый пацифист единственный не был посвящён в детали устроенной диверсии — после небольшого совещания Комманда решила, что Миробор, будучи пацифистом, хоть и воюет во имя мира, наверняка не одобрит развязывание войны.

— Кхм, — напряжённо откашлялся Женерал и обратился к Олег Олегычу: — Ну, так что, Пискля, решил, за кого воевать будем?

— Боюсь, придётся за своих, — ответил тот. — Это же наш караван, из нашего города, по гербам видно. Послан Сенатом с дипломатической миссией в Тюргостан.

Члены Комманды Нью переглянулись и разом обернулись к разворачивающейся стычке. Только теперь они смотрели на неё совсем другими глазами. Войны начинались и по куда более мелким поводам: кто-то увёз чужую жену, кто-то постучал сапогом по столу переговоров. А тут налицо акт самой что ни на есть неприкрытой агрессии: тюргские племена напали на представителей дипломатической миссии соседнего государства!

— Командующий нашей армией с радостью уцепится за такой прекрасный повод начать войну, — сказал, наконец, Олег Олегыч. — Война отвлечёт внимание от той истории про него и девиц из дома терпимости. Так что как только новости дойдут до города, сюда двинется наша армия... А мы, получается, сейчас уже на передовой... — по мере того, как Олег Олегыч начинал осознавать ситуацию, в его голове всё отчётливее звучали нотки паники. Он затравленно оглянулся и увидел, что с одной стороны от них — караванщики, быки и чобаны-алифы, а с другой стороны к месту стычки несётся отставшая часть стада и чобаны-хамза. — Мы, выходит, на такой передовой, что передовее некуда...

— Точно, — жизнерадостно подвёл итог невидимый из-за кучи колюще-режущих орудий Лёва. — Мы в полном... авангарде.

Находясь между кочевниками, уже ввязавшимися в бой с караванщиками, и кочевниками, ещё только рвущимися в бой, Олег Олегыч всей шкурой понял, что это такое — быть между молотом и наковальней.

Однако члены Команды не проявляли признаков паники. Настоящие профессионалы, они быстро и сосредоточенно занимались каждый своим делом.

Женерал работал над выражением лица: из безусловно-мужественного оно превращалось в настолько сурово-решительное, что Олег Олегычу становилось абсолютно ясно: отдай ему сейчас Женерал приказ атаковать в одиночку полчища врагов — он не сможет послушаться!

Миробор любовно разворачивал шипастый цепной моргенштерн.

Невидимый Лёва, судя по металлическому лязгу, менял местами некоторые режущие, колющие, рубящие и клинковые орудия в окружавшей его куче.

Лаки предусмотрительно отступал от членов Команды к эпицентру заварушки.

Молчаливый Бурый извлекал из складок и карманов своего одеяния бесчисленные склянки и складывал их аккуратными горками. Из одних бутылок воняло, в других что-то противно булькало, в третьих — опасно вспыхивало.

Но больше всех Олег Олегыча ужаснули приготовления Психа: subtilный юноша в интеллигентных очках натянул на себя кошмарные облегающие штаны в яркую полоску, нацепил на голову какие-то перья, покрыл лицо и грудь пугающей раскраской и сейчас, держа перед собой зеркальце, задумчиво красил губы — не иначе, готовился произвести своим видом психическую атаку.

— Да вы что же, и впрямь собираетесь сражаться со всеми ЭТИМИ? — взвизгнул Олег Олегыч, поняв, что означают эти приготовления.

— Ты же хотел войну, — спокойно ответил Женерал. — Вот, получай.

Из эпицентра свалки доносилось конское ржание, рёв взбесившихся быков, свист лассо, лязганье сталкивающихся клинков и крики боли. Олег Олегыч вздрогнул всем телом.

— Я хотел небольшую войну.

— Так она пока ещё очень даже маленькая.

— Я хотел победоносную.

— Мы приложим все усилия, чтобы победить.

— Нет, нет, нет, — замотал головой Олег Олегыч, — Я это всё как-то совсем по-другому видел.

На самом деле Олег Олегыч представлял себе красивый строй войск и реющие над ними штандарты, генералов, встречающихся на поле между армиями для переговоров, трубящие рожки и стучащие барабаны. А сам он стоял на холме с командным пунктом в красивой, по последнему писку моды, форме главнокомандующего и отправлял адъютантов с приказами в разные стороны. Правда, такая война, разумеется, никак не могла быть небольшой...

Для небольшой войны у него был другой, куда более примитивный, но не менее привлекательный сценарий. В нём он просто влетал в гущу битвы, геройски разил врага направо и налево, и никто не мог ему противостоять. Правда, мечты, услужливо рисуя этот красивый сценарий, не учитывали его полную боевую некомпетентность, а также игнорировали чрезвычайно высокую вероятность получения ранений, вероятно, даже смертельных. Брутальная реальность разворачивающейся у него на глазах стычки между

караванщиками и чобанами немедленно указала ему на эти пробелы.

— Не дрейфь, Пискля, — свойски хлопнул его своей лапшей пацифист с шипастым моргенштерном через плечо. — Держись за мной, и всё будет хорошо.

— Я... я заплачу вам полную сумму, только, пожалуйста, давайте, мы сбежим отсюда!

— Никто! — отчеканил Жене́рал громовым голосом, и Олег Олегыч содрогнулся всем телом, — Никто не сможет обвинить меня в том, что я не выполнил контракт! Ты хотел войну, ты хотел в ней участвовать, ты хотел победить. Сейчас мы тебе всё это предоставим, — И, обратив на него всю мощь своего сурово-решительного взгляда, Жене́рал приказал: — Вперёд!

И случилось неизбежное — не в силах сопротивляться приказу, произнесённому этим непререкаемо-властным голосом, Олег Олегыч, как зачарованный, выхватил свою тонкую шпажку и с бешеным криком рванул вперёд, прямо в гущу свалки.

И всё завертелось у него перед глазами.

Где-то справа страшно лязгал оружием войноман Лёва, где-то слева крушил мечом и моргенштерном пацифист Миробор, деморализовывал противника своим видом Псих, шнырял в тылах врага солдат неудачи Лаки, а Бурый забрасывал всех своими вонючими склянками. Шум боя время от времени перекрывал звучный, глубокий голос Жене́рала, вселяющий в своих солдат абсолютную уверенность в победе.

Оглушённый этим голосом и запалом битвы, Олег Олегыч не знал, сколько прошло времени. Когда он очнулся, чобаны в ужасе разбежались, на земле лежали тела людей и скота, а гишлаки обоих племён, и алифов, и хамза, горели.

Караванщики в гербах родного города с трудом переводили дыхание и рукоплескали неожиданным спасителям.

— Неужели это всё — мы? — растерянно спросил Олег Олегыч, оглядывая картину разрушения.

Члены Комманды Нью молча кивнули в ответ.

— Но... зачем же мы это всё, а? — жалобно протянул Олег Олегыч, не в силах отвести взгляд от разрушенных домов и застывших тел. Ему было скучно, его богатые друзья развлекались экстримом, и ему захотелось тоже попробовать чего-нибудь эдакого. Он думал о небольшой победной войне, только и всего. Он думал о красивой военной форме и о параде после войны, о медалях и славе героя. Он почему-то не думал о том, что всему этому будет предшествовать.

Он не думал...

Олег Олегыча стошнило.

— Война, — равнодушно пожал Жене́рал плечами.

* * *

Хотя Олег Олегыч и не помнил подробностей самой битвы, он был твёрдо уверен, что с него хватит. Он получил сполна экстрима и более чем достаточно впечатлений, чтобы долго делиться рассказами со своими богатыми и успешными... э-э... друзьями.

Обратно Комманда Нью и Олег Олегыч возвращались вместе с караваном, под давлением чрезвычайных обстоятельств прервавшим свою дипломатическую миссию в Тюргостан.

По возвращении в город караванщики вмиг разнесли подробности случившегося.

Олег Олегыч Писклявский был награждён орденом за мужество, проявленное в битве с

врагом, и, внезапно заделавшись героем, был избран, практически без его участия, в Сенат, ранее не желавший иметь дело с безобразно богатым продавцом окаменелых драконьих лепёшек.

Комманда Нью без задержек получила обещанный десятикратный гонорар. От себя новоиспечённый сенатор добавил Женералу персональный сюрприз: надавив на одну группу наёмников, он принудил их самораспуститься, освободив, таким образом, в реестре новую букву. Правда, не знаменитую Альфу и не популярную Дельту. Теперь бывшая Комманда Нью стала называться Коммандой Хи.

Женерал был почти счастлив.

Воодушевлённый убедительной победой, Сенат посчитал, что агрессию зарвавшихся кочевников-тюргов нельзя оставлять безнаказанной и что нужно показать этим дикарям их место. Открылись призывные пункты, начали формироваться армейские подразделения.

В это же время жители разорённых гишлаков алиф и хамза дошли до Тюргостана. Хотя гордые кочевые племена в мирное время не признавали единой государственности и упоённо враждовали друг с другом за пастбища, в час беды все они подтягивались в единственный город тюргов и объединялись против общего врага. Вот и сейчас обострённое чувство собственного достоинства не позволяло кочевникам забыть ничем не спровоцированное нападение соседнего государства.

Объединившиеся тюрги собирались мстить за разорённые гишлаки алифов и хамза.

И совсем рядом, отделённая от реальности лишь одним маленьким шагом, довольно потирала руки Настоящая Большая Война.

Небывалица четвёртая — Наследство Ираклия Сигизмундовича

Как это обычно случалось по утрам, Ираклий опаздывал. Накануне он в сотый раз поклялся себе, что не станет задерживаться в таверне с приятелями и отвлекаться на прочее праздное времяпрепровождение. Что вместо этого он придёт домой засветло, выйдет во двор и займётся, наконец, набирающими популярность физическими тренингами, помогающими справиться с совершенно неприличными для молодого мужчины отложениями в области талии. Что поужинает не неизменными куриными лапками-гриль — харчами быстрого кашеварения знаменитой марки «Почти домашние», а приготовит себе ужин сам. Да хоть те же куриные лапки — только уже со вкусом настоящей курицы, а не острых магических самонагревающихся добавок. Потом почитает на ночь что-нибудь умное и полезное вместо того, чтобы до полуночи резаться в подкидного дурака с магической колодой карт, заменяющей живого соперника, ляжет спать вскоре после заката и проснётся утром полный сил и энергии.

Однако изо дня в день его благие намерения так и оставались всего лишь намерениями. Ираклий приходил домой затемно, уставший после работы и послерабочих увеселений, привычно разрывал самонагревающийся магический пакет с харчами «Почти домашними», заглывал, не разбирая вкуса, пряное содержимое, и, насытившись, довольно хлопал себя по неумолимо увеличивающимся отложениям в районе талии. Виновато косился на глянцевую брошюрку «О здоровом виде жизни или как сохранить стройность фигуры в столице», купленную им уже год назад, и шёл в кровать, прихватывая с собой магическую колоду карт с намерением сыграть всего одну партейку. Незаметно просиживал за игрой два-три часа и засыпал глубоко за полночь. Утром же вставал разбитый и помятый — и торопливо собирался на работу, зная, что снова опаздывает.

Выскочив из меблированных комнат, которые они снимал вот уже три года, Ираклий на ходу сгрёб оставленную на пороге почту и поспешил в стоящий на углу киоск «Молотозёрны». Несмотря на то, что он опаздывал, появиться на работе без чашки популярного ныне среди жителей столицы кофея было просто неприлично. Кофей Ираклий не любил, но перспектива прослыть человеком, не следящим за последними веяниями, пугала его гораздо больше.

Горький кофей обжигал пальцы и драл горло — и это несмотря на щедрую порцию молока, которую Ираклий плеснул в стаканчик. Краем уха он услышал, как по булыжникам зацокали копыта и загрели колёса, и через минуту Ираклий вскочил на приступку публичной конки. До фактории, где он работал, можно было бы пройти и пешком и сэкономить несколько монет, но Ираклий опаздывал. К тому же, приходиться на работу пешком для управляющего второй категории было несолидно... А накопить денег на собственную повозку на магическом или хотя бы старомодном конном ходу — да даже на первый взнос для покупки её в рассрочку — не получалось.

Ираклий добежал до входа в факторию, затормозил, перевёл дух и вошёл внутрь с таким видом, словно это в порядке вещей — являться на работу на полчаса позже.

— А, Ираклий! — расплылся в злорадной улыбке сидевший рядом со входом клерк первой категории Свиний. Ираклия он не любил, потому что работать в фактории они

начали одновременно, однако Ираклий сделал карьеру до управляющего, а Свиний пока так и оставался в клерках. — Снова опаздываешь! — намеренно громко возвестил он, так, чтобы все услышали.

Ираклий не удостоил его ответом и с независимым видом прошёл к своему столу. Сел, скрывшись за завалами бумаг, расслабился и с облегчением выкинул стакан с недопитым кофеем. Расчистил немного пространства перед собой, потеснив особо настырные бумаги, и занялся прихваченной из дома почтой.

Напоминание от арендатора меблированных комнат о платеже за свечи за прошлый месяц, напечатанный на плохой бумаге «Сплетник», красочное уведомление об открытии новой харчевни, приглашение из тренинг-клуба с грозным вопросом «А ты хочешь быть стройным?» и конверт из банка, в котором — Ираклий знал не читая — лежало предупреждение о дважды просроченном платеже за займовую карту.

Займовая карта была предметом особой гордости Ираклия, он чувствовал себя настоящим космополитом, протягивая её в лавке харчей быстрого кашеварения и видя восхищение и зависть в глазах продавцов. Но обходилась она недёшево, к тому же, он нередко превышал дозволенные картой денежные границы, за что ему начисляли пени. Да и деньги с займовой карты почему-то исчезали гораздо быстрее, чем банкноты и монеты из старого кошелька.

Было среди почты и письмо из другого банка, предлагающее ещё одну займовую карту, причём не простую, а карту-аурум. Ираклий мечтательно вздохнул — карта-аурум! Может, стоит взять её, взять деньги, которые по ней дают — да и закрыть, наконец, долг на карте, что у него уже есть? Хотя — как потом платить долг на карте-аурум?

Ираклий быстро рассортировал почту. Харчевню и тренинг-клуб в мусор, напоминание из банка туда же. Предложение из другого банка отложил в сторону — пусть пока полежит. Платёж за свечи — тоже в сторону, а вот «Сплетник» можно и почитать.

Когда Ираклий развернул газету, из неё выпал застрявший среди страниц конверт. Плотный, из дорогой бумаги, с адресом отправителя вензелями. Адвокатская контора «Законный и Ещё Законнее». Ираклий с любопытством разорвал конверт — и тут же увяз в витиеватом тексте, изобилующем такими смутно понятными и тревожащими словами как «бенефициарий», «ergo», «агентирование» и «id est».

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Продравшись-таки через текст, Ираклий уронил письмо на стол и неверяще покачал головой — кажется, он, «великоуважаемый наследный господин Ираклий Сигизмундович Козофф» получил наследство.

И, судя по всему, большое — если, конечно, он правильно понял выражение «козарий общей площадью двадцать акров и фазенда». И хотя сами «козарий» и «фазенда» представляли для него загадку, но общая площадь в двадцать акров обнадёживала.

Напрягало ещё и местоположение наследства — Краинная область, Тридевятый край, козхоз Кулички.

За пределами столицы Ираклий никогда не бывал — не имел желания, тем более слухи о том, в какой непросвещённой тьме живут там люди, просто пугали. Но ради наследства, полученного от неизвестного ему дальнего и бездетного родственника Кузьмы Козова, он был готов выехать даже за пределы столицы.

— Из столицы наследник, — судачили кумушки, сидя на лавочках в Куличках.

— Молодой и красивый, — вздыхали девушки.

— Наверняка богатый, — обсуждали между собой фермеры.

— Ме-е, — блеяли козы.

— Приедет, продаст наследство, денежки заберёт — и тут же уедет, — предполагали кумушки.

— Влюбится, женится и увезёт в столицу, — мечтательно тянули девушки.

— Как пить дать уедет, — качали головой фермеры. — Что ему на Куличках делать — после столиц-то?

— А надо, чтобы он тут остался, — предложили самые практичные. — Он же управляющий, значит, умеет управлять. Организовал бы нам хозяйство так, чтобы каждая коза двойной удой приносила и тройной ушерст. А там, глядишь, мы бы и овец завели. Или даже коров, — ударились козоводы в совсем уж несбыточные мечты.

— Значица, надо сделать так, чтобы он захотел остаться, — подвёл итог староста козхоза. — Чтобы Кулички показались ему лучшим местом на земле.

Пасшаяся неподалёку любимая коза старосты Ромашка подняла голову и радостно замекала.

* * *

Как оказалось, публичные конки и дилижансы на Кулички не ходили. Когда изумлённый Ираклий поинтересовался, как же добраться до пункта назначения, ему посоветовали взять напрокат повозку на магическом или хотя бы на конном ходу, вооружиться картой — и ехать самостоятельно.

Рассудив, что негоже наследнику фазенды и козария являться словно голодранцу в Кулички на обычной конке, Ираклий взял напрокат модную повозку на магическом ходу. Там же приобрёл и карту-указатель — новейшую продукцию транспортных магоуслуг.

Первая часть пути прошла благополучно — готовящийся вступить в наследные права Ираклий ехал по дорогам столицы в прекрасном настроении. Карта-указатель предусмотрительно упреждала его: «Поворот налево через девяносто два ярда», «Поворот направо через триста шестьдесят шесть ярдов», в кармане лежала новая займовая карта-аурум (Иркалий рассудил, что с таким-то наследством он может себе её позволить), а впереди его ждали фазенда и козарий — словом, будущее Ираклию представлялось радостным и безоблачным.

Первые признаки беды появились на окраине столицы. Магическая карта-указатель притихла, а потом вдруг взяла да и заявила:

— Вы достигли границы карты. Сделайте разворот на сто восемьдесят градусов.

Ираклий опешил.

— Но я же никуда не доехал...

— Сделайте разворот на сто восемьдесят градусов, — повторила магическая карта.

— А как же Кулички?

— Вы достигли границы карты, делайте разворот — продолжала бубнить карта.

Ираклий растерялся. Сам он ни разу за пределами столицы не был, но точно знал, что за ней есть земли, и на них живут люди, пусть даже столичные жители и смотрят на тех

свысока.

Магическая карта-указатель в этом плане оказалась куда большим снобом, чем самый закоренелый столичный житель — для неё мир заканчивался на границе столицы.

Ираклий поёжился. Впереди расстилались неизвестность, где люди жили без кофея и «Сплетника», без самонагревающихся харчей быстрого приготовления и магических колод карт... Но впереди же было и наследство. И Ираклий намеревался получить его во что бы то ни стало.

* * *

— Говорят, в столицах есть много харчевен, и в каждой подают разные блюда, — со знанием дела рассуждал знахарь по козьим болезням Асклепий. К его мнению прислушивались — он несколько раз бывал в краевом центре, городе Закорки, то есть ближе всех к столице.

— Значитца, придётся нам расстараться, — рассудил староста. — Бабоньки, — обернулся он к кумушкам, — Сделаем при ваших домах харчевни. Чтобы у нашего гостя выбор был. У тебя, Анисия, тушёная козлятина хорошо выходит, будешь подавать её. Тебе, Каська, запечённая козлятина удаётся. А у Иланьки — жареные козлыки. Вот тебе уже и три харчевни.

— А ещё в столицах есть публичные конки. Яркие такие, раскрашенные, с пашечками на боках. Чтобы своими ногами не идти, можно сесть на конку, и она отвезёт тебя в нужную часть города.

— Нуфрий! — тут же распорядился староста и шикнул на любимую козу Ромашку, которая попыталась утянуть и сжевать его носовой платок. — Впряжешь в телегу свою клячу, покрасишь ей на боках пашечки и будешь по деревне ездить туда-сюда.

— А ещё в столице увеселения разные, — ввязался в разговор местный пьяница Грабыч.

— Ну, с этим просто, — отмахнулся староста. — У нас через две недели как раз Солнцестояние, гуляние будет. Опять же, каждую среду козочёс — чем не увеселение?

— Маловато будет, — изъясил сомнение знахарь. — В столицах тебе и представления, и театры с музеями, и... — он вжал голову в плечи и понизил голос, — и заведения разные.

— Велика беда! — фыркнул староста. — Надо будет, устроим козьи бега. А если что, всегда можно девок нагнать, костёр запалить — будут петь, хороводы водить. Что до музея, то всегда можно ему пятиногого козлёнка показать, что в Грабычевом стаде родился — ни у кого в Тридевятином крае такого нет...

— А ещё в столицах всё чисто и красиво, и дома, и улицы, и вообще, — заметил Асклепий.

Староста окинул взглядом покосившиеся заборы, грязные дома, кучу мусора на окраине козхоза, лужу, в которой резвились чумазые козлята, и бродивших и гадивших где им вздумается коз.

— Придётся поднапрячься, — наконец, изрёк он. А после принялся раздавать указания: — Всем покрасить дома. Мусор на окраине сжечь. Дорогу выровнять. Козье дерьмо по всей деревне собрать. Заборы подновить. А ещё надо будет построить вокруг полей ограды — чтобы козы по деревне не бегали и под ногами у управляющего не путались.

— А я ещё могу капканы смастерить, — выступил вдруг с неожиданной инициативой пьяница Грабыч. — На волков. Чтобы они, пока наших коз таскают, наследника не испугали.

— Смастери, — согласился староста. Почесал затылок — и встревоженно добавил: — Но только я что смекаю — всё это у наследника и так уже в городе есть — и конки, и увеселения, и чистота. Нужно что-то ещё. Что люди любят?

— Деньги находить, — ответил знахарь.

— Девочек красивых, — добавил сыродел.

— Жрачку и выпивку дармовую, — выдвинул свою версию Грабыч и облизнулся.

— Ме-е, — вмешалась Ромашка, смачно чавкая носовым платком и всем своим видом показывая, что нет на свете ничего лучше хорошего куска ткани, который можно пожевать.

— Значицца, надо будет всё это ему обеспечить, — решительно подвёл итог староста.

* * *

Через три часа после того, как Ираклий решительно проигнорировал предложение карты развернуться на сто восемьдесят градусов, с дорог окончательно пропали натыканные в столице едва не на каждом углу «Молотозёрна». Впрочем, отсутствие кофея, который он никогда особенно не любил, Ираклия не расстроило. Но явное убывание признаков цивилизации тревожило.

В дне езды от столицы Ираклий обнаружил, что, оказывается, так далеко за границами займовую карту не принимают. И даже карта-аурум не оказала на хозяина постоянного двора никакого эффекта — он словно и не понял, что это ему показывают. Иркалий порадовался, что на всякий случай захватил с собой кошель с монетами и банкнотами, а не то пришлось бы ему туго.

В двух днях от столицы в постоянных дворах пропали водопроводы в комнатах, и ему приходилось умываться в кадлушках и вёдрах.

В трёх днях от столицы исчезли магические станции дозаправки самоходных повозок. Оставалось надеяться, что имеющегося у Ираклия заряда хватит до Куличков. Иначе застрянет он посреди неведомых магической карте земель, с бесполезной картой-аурум и заглохшей повозкой, так и не доехав до своего наследства.

* * *

— Едет! — закричал десятилетний босоногий козопас Масяня, взобравшийся на крышу дома на окраине Куличек. — На самоходной повозке едет! — едва не захлебнулся от восторга он и кубарем скатился вниз.

— Ну, с богом! — выдохнул староста, сунул мальчонке несколько банкнот и обернулся к принарядившимся девкам.

— Давай, бабоньки! — махнул он рукой, и девки, отвечавшие за увеселения, тут же завели развесёлую песню и образовали хоровод.

— Таська! — крикнул староста, и первая красавица Куличек гордо уселась на свежевыструганную лавочку прямо у дороги. Право это она отвоевала в жестокой борьбе с десятком других девушек, мечтавших очаровать наследника, выйти за него замуж и, вопреки надеждам старосты, уехать вместе с ним в столицу.

— Всё сделал? — обратился староста к лыбящемуся Масяне — тот должен был разложить на дороге к унаследованной фазенде и придавить камешками несколько купюр. Пусть управляющий думает, будто случайно деньги нашёл, и радуется.

Масяня кивнул.

— А вы как, готовы? — обернулся староста к сыроделу и Анисии. Сыродел приподнял жбан с элем, а Анисия подхватила чан со знаменитой на все Кулички тушёной козлятиной.

— Ме-е, — добавила тут любимая коза старосты Ромашка. Непривычно белая и пригожая, ибо была вымыта и вычесана к приезду дорогого гостя, она жевала стебель одуванчика, выбившийся из цветочного венка, которым ей украсили голову, и всем своим видом являла картину пасторальной идиллии.

К встрече наследника всё было готово.

* * *

Пение Ираклий услышал издалека, а вскоре увидел яркий хоровод на окраине. За хороводом виднелись свежевыкрашенные дома, за домами расстилались огороженные поля, на которых паслись козы. Много коз.

Ну вот, а говорили, что жизнь за пределами столицы жестока и сурова, что там грязь и разруха, и нет времени на радости и развлечения.

Подъехав к деревне ещё ближе, Ираклий углядел весьма крупную и удивительно румяную девицу, сидящую на скамеечке у новенького забора. Девица многозначительно лузгала семечки. Увидев Ираклия, она одарила его такой улыбкой, от которой у него встрепыхнуло сердце.

«Однако», — подумал Ираклий про себя.

Тем временем впереди показалась торжественная процессия из нарядных людей. Люди несли кувшины и накрытые вышитым полотенцем блюда, из-под которых расплзались упоительные ароматы съестного, ничуть не похожие на харчи «Почти домашние».

— Добро пожаловать в Кулички! — радостно провозгласил выступивший вперёд мужчина.

Ираклию налили эля, предложили мяса, окружили хороводами, песнями и румянными девицами, захватили, завертели.

Когда, наконец, дружелюбные жители Куличек довели ошеломлённого таким горячим приёмом Ираклия до унаследованной им фазенды, на тропинке, ведущей к дому, он обнаружил несколько пусть и мелких, но самых настоящих денежных банкнот. Неожиданная приятная находка скрасила разочарование от того, что на деле фазенда оказалась всего лишь небольшим домушкой, к тому же без водопровода. Последнее, впрочем, Ираклий ожидал.

* * *

— Эх, и недёшево нам обойдётся этот управляющий, — заметил знахарь козких болезней Асклепий, наблюдая за тем, как Масяня раскладывает на тропинке к фазенде ещё несколько замусоленных купюр, чтобы наследник обнаружил их утром.

— Зато когда он нам, значитца, всё хозяйство поставит, это окупится сторицей, — уверенно отрезал староста. — Вон, смотри, от одного только его появления дела в гору пошли!

И правда, ранее тем утром в облагороженный к приезду наследника козхоз явились покупатели из соседнего села, повертели головами, будто не узнавая Кулички, а потом купили так много молока, сыра и козлиного мяса, как никогда прежде!

Нарядная Таська с пирогом из козлятины в руках стояла рядом, готовая при первом признаке того, что наследник проснулся, постучать в его дом и угостить новым блюдом.

Ромашка, уже изгваздавшаяся где-то за ночь, с увядшими останками цветочного венка на рогах, больше не походила на картину пасторальной идиллии, но, несмотря на то, что староста то и дело её шугал, так и норвила вылезти вперёд и алчно поглядывала на разложенные на тропинке бумажные купюры.

* * *

Утро встретило Ираклия весёлым солнышком, озарившим голые стены унаследованной фазенды, и непривычной тишиной. Ни криков мальчишек-продавцов газет, ни ругани уличных торговцев, ни грохота публичных конок по булыжным мостовым.

За окнами открывался вид не на стену соседнего дома, а на бескрайние зелёные поля, на которых паслись стала коз.

«Какие-то из них наверняка мои», — с новым чувством собственника подумал Ираклий. В дверь постучали.

На пороге обнаружилась та самая крупная румяная девица, которую он заприметил ещё накануне. В руках она держала сковороду, от которой разносился умопомрачительный аромат.

Позади по дороге со скрипом проехала телега, которую везла кляча с намалёванными на впалых боках шашечками.

— Угощайтесь, — предложила тем временем девушка, улыбаясь.

— Спасибо, — поблагодарил Ираклий, разглядывая её яркий румянец. — Как тебя звать, красавица?

— Тасьяна, — ответила она и заманчиво взмахнула густыми ресницами. — Можно просто — Тася.

— Скажи-ка мне, Тася, где мне взять воду?

Тася снова взмахнула ресницами, но уже не заманчиво, а растерянно.

— В колодце... — наконец, сказала она.

— Понял, — кивнул Ираклий. — А скажи мне, Тася — что такое колодец?

* * *

«Наверняка здесь можно провести водопровод», — размышлял Ираклий.

Поход к колодцу за водой и возвращение в дом с полным тяжёлым ведром оказались тем ещё испытанием.

Возвращаясь на фазенду, Ираклий встретил на тропке козу, задумчиво жующую что-то, подозрительно напоминающее денежную банкноту. Приглядевшись, он убедился, что это и впрямь банкнота.

«Однако», — вновь подумал Ираклий.

Мимо снова проковыляла раскрашенная шашечками кляча, волоча за собой скрипучую телегу.

— Доброго дня! — поздоровался с Ираклием извозчик. — Конку не желаете?

— Конку? Нет, спасибо, — качнул головой Ираклий, ошарашенно разглядывая жалкое транспортное средство.

«Надо будет узнать, сколько у меня коз, — размышлял он позже, гуляя вокруг фазенды. — Наверняка с них как-то получают прибыль. Интересно только — как? Впрочем, это не суть важно. Прибыль с них наверняка есть. И займовую карту хватит погасить, и на водопровод останется. Двадцать акров — это ведь много, значит, и выручки много. Можно будет на неё обустроить фазенду получше, расширить, обставить как следует — и это станет вполне приличным местом. Можно даже не продавать, а оставить себе. Этакий домик в пасторали. Буду приезжать сюда в отпуск, отдыхать».

Ираклий улыбнулся. Ему понравилось, как звучало «Домик в пасторали». Это и в столице сказать не стыдно, даже своему начальнику, управляющему первого класса. «У меня есть свой домик в пасторали, и я там провожу отпуск. Да, собственный дом. Где он? В трёх днях за границами столицы», — отрепетировал он мысленную реплику.

Дело оставалось за малым — узнать, что, собственно, делают с козами и кто этим занимается, решить, как потратить доходы — и...

— Господин Ираклий! — услышал он — и снова обернулся.

К нему спешила красавица Тася с очередным угощением.

— А это что? — опасливо спросил Ираклий, разглядывая куски зажаренного, истекающего соком мяса, нанизанные на тонкие прутья. Пахло божественно, но выглядело необычно.

— Козлы́к, — пояснила Тася и улыбнулась. — Попробуйте, это очень вкусно!

«А, может, остаться тут?» — мелькнула у Ираклия шальная мысль, когда он доедал умопомрачительно вкусный козлык.

* * *

— Как думаете, можно уже? — спросил у старосты козий доктор три дня спустя.

— Думаю, можно, — ответил староста.

* * *

Три дня спустя к фазенде Ираклия подошла целая делегация местных жителей.

— Мы слышали, что вы в столице управляющий, — начал староста.

Ираклий важно сообщил:

— Управляющий второй категории в фактории.

Делегация восторженно выдохнула.

— Мы с вами посоветоваться хотели, — продолжил староста. — Получить, значицца, ваш профессиональный совет.

— Разумеется, — солидно кивнул Ираклий, и его сразу оглушило с десятков голосов.

— Не изобрели ли в столице новую технологию козьего чёса?

— Есть ли способы увеличить козий удой?

— А шерст?

— Получится ли заняться в Куличках овцеводством?

— Как лучше организовать выпас коз?

— Следует ли производить новые виды продукции или стоит сосредоточиться на улучшении качества имеющейся?

— Как увеличить объёмы продаж? Как привлечь покупателей?

С каждым новым вопросом растерянность Ираклия росла всё больше. Удой? Ушерст? Овцеводство? Выпас? Продукция?

— Я... Я не знаю, — произнёс, наконец, он. — Я по козоводству не специалист...

— Но вы же управляющий! — удивился староста.

— Управляющий.

— Значит, умеете управлять.

— Умею.

— Так вот нам и очень надо, чтобы вы нам помогли управлять нашим хозяйством.

Чтобы оно росло и ширилось.

— Я никогда не управлял хозяйством, — признался Ираклий.

— А чем вы у себя в столице управляете? — недоуменно свел брови на переносице староста.

И тут Ираклий глубоко задумался. Чем же он управлял в фактории? Он приходил на работу, принимал различные бумаги, сортировал их, ставил на них положенные штампы — и пускал дальше по кругу, никогда не интересуясь, куда они идут, что на них написано и для чего всё это делается.

— Ну, я занимался административной работой и делопроизводством фактории, — пробормотал он.

Староста вытаращил глаза, крикнул и сглотнул.

— А другие управляющие у вас в столицах чем управляют? — наконец спросил он.

Ираклий нахмурился.

Насколько он знал, другие управляющие тоже ничем таким не управляли. Все его знакомые и приятели, продвинутые жители столицы, пьющие кофей и делающие покупки исключительно на займовые карты, все они или были, или стремились стать управляющими в банках, факториях и мануфактурах — ведь «управляющий» был самой престижной профессией. И все они делали то же самое, что Ираклий.

— Понятно, — вздохнул староста, увидев ответ в глазах Ираклия. — Ладно, сами как-нибудь справимся, — добавил он и задумчиво вышел на улицу.

За старостой потянулись и остальные. Последней бежала изгвазданная коза Ромашка, жуя стянутый между делом из саквояжа модный галстук Ираклия.

Староста бросил взгляд на изгвазданную Ромашку.

«Надо бы её помыть», — подумал тут он и нахмурился. Ему, оказывается, нравилось, когда козы были чистые. Казалось, что молоко от них вкуснее. Приезжим, наверное, тоже — не зря последние дни дела в козхозе как-то сами собой пошли в гору, покупателей стало больше, продажи подросли.

Да и новые заборы вокруг полей старосте тоже нравились. И вообще, как ни посмотри, порядка прибавилось — козы больше по округе не разбредались, ведь вокруг полей поставили ограды, и волки их больше не таскали благодаря капканам Грабыча. Да и ходить по улицам козхоза теперь, без риска вступить в козье дерьмо, стало приятнее.

Это что же получается — сослужил им всё-таки, сам того не зная, добрую службу наследник-управляющий? Пусть и не смыслит он ни черта в управлении...

* * *

Банкнот в Куличках Ираклий больше не находил.

Местные жительницы больше не угощали его различными блюдами, а Тася, если и улыбалась ему, то лишь вежливо.

Вёдра с водой, которые Ираклий ежедневно таскал из колодца, незаметно стали легче, а отложения в районе талии почти исчезли.

На двадцать акров фазенды пришлось всего две дюжины коз, так что ни о каких стадах скота не могло быть и речи.

Об огромной выручке — тоже.

Покупатель на фазенду вскоре нашёлся, это был зажиточный фермер из краевого центра Закорки.

Денег, вырученных от продажи наследства, Ираклию хватило на то, чтобы нанять конную повозку для возвращения домой, и ещё осталось на ежемесячный платёж за карту-аурум.

Приехав в столицу, Ираклий уже на следующий день вышел на работу и довольно скоро вернулся к привычному образу жизни. Только вот вкус кофея стал ну совсем нетерпимым, и он, плюнув на общественное мнение, бросил посещать «Молотозёрн». Да и харчи «Почти домашние» теперь казались безвкусными. Медленно, но неумолимо возвращались отложения в районе талии, совершенно неприличные для молодого мужчины.

Друзьям, которым он до отъезда раструбил, что вернётся богачом, Ираклий преподнёс своё путешествие как увлекательную и полную опасностей авантюру по неведомым землям, которых нет даже на карте. Рассказывал он так красочно, что приятели не насмеялись над ним, что он вернулся не солоно хлебавши, и лишь завидовали его приключениям.

Некоторое время спустя воспоминания о Куличиках и о козах, жующих банкноты, поблёкли. Собственно говоря, поблёкло всё, кроме улыбки румяной Таси. Ираклий снова начал находить вкус в харчах быстрого кашеварения «Почти домашних», притерпелся к кофею, просиживал за полночь за магической колодой карт и опаздывал на работу по утрам.

И только изредка, каждую третью пятницу месяца после работы Ираклий ездил на самую окраину города, где селились приезжие в столицу. Там была таверна, где подавали козлы́к на тонких металлических прутьях.

Иркалий ел горячее, истекающее соком мясо — и сердце его почему-то тоскливо сжималось.

Однажды, когда козлы́к был особенно вкусным, а тоска — особенно нестерпимой, Ираклий решительно отправился на станцию аренды конных повозок. Перед глазами стояла улыбка Таси, и Ираклию почему-то совершенно определённо казалось, что она не откажется переехать к нему в столицу.

А если вдруг откажет — что ж, Кулички, вероятно, не худшее место на земле.

Небывалица пятая — Седьмой гном

Столица оказалась шумной, суетливой, пахла спешкой и конским навозом.

Несколько минут Ларс стоял у городских ворот и не решался сдвинуться с места, опасаясь попасть кому-нибудь под ноги, копыта или колёса. Наконец, набравшись храбрости, поправил перекинутый через плечо мешок, в котором хранилась его драгоценная цитра, и отправился на поиски дяди Бонзо.

Ни один гном не рисковал покорять Столицу, если у него не было дяди, прожившего в ней несколько лет и готового приютить родича из гор.

У Ларса тоже был такой дядя, и появлению дальнего родича он чрезвычайно обрадовался.

— Проходи, дорогой, располагайся, отдыхай! Значит, решил в Столицу перебраться? — тараторил он, усаживая Ларса у очага на кухне и ставя на стол закуски. — Правильно, чего там, в горах, делать? В шахтах киркой махать, или в тоннелях вагонетки тягать? То ли дело здесь! Перспективы! Возможности!

— Правда? — обрадовался Ларс.

— Правда! На гномов в Столице большой спрос! Ты бы куда хотел устроиться?

Ларс открыл было рот и потянулся к мешку с цитрой, но дяде Бонзо его ответы не требовались.

— На стройке нашего брата очень ценят! Камни уложить, вагонетки отвезти, погреб вырыть — никто лучше гнома не справится. На уборку нас охотно берут — улицы подметать или канализацию чистить. А хочешь, могу устроить тебя готовить и продавать шаурняк — наше национальное гномье блюдо последние годы в Столице стало очень популярным. Ну, что тебе больше по душе?

Ларс замялся. Не за шаурняком и не за чисткой канализации он ехал в Столицу. Он ехал сюда за мечтой.

Волнуясь, гном достал, наконец, из заплечного мешка свой драгоценный инструмент и пробежал по струнам пальцами.

— Я бы хотел стать музыкантом, — ошеломил дядю Ларс.

* * *

Угасли последние звуки цитры.

— Этничненько, — протянул Продюс-сир и неопределённо взмахнул рукой.

Это хорошо или плохо? — подумал Ларс. Но спрашивать не стал. Дядя Бонзо предупреждал, что с Продюс-сирами надо всегда соглашаться.

Вообще, дядя Бонзо не одобрял всей этой затеи.

— Работать музыкантом? Откуда ты вообще выдумал такую глупость?

— Я всегда любил играть на цитре, — смущённо признался Ларс. — Каждую свободную минутку. Меня и на гуляния играть приглашали, даже в другие кланы! Но в горах одной только музыкой не зарабатываешь, а в Столице есть специальная профессия — музыкант. Вот я и решил попробовать осуществить свою мечту.

— Мечту! — крикнул дядя Бонзо. — Это разве мечта? Вот у меня — мечта. Открыть

собственную шаурнячную. Вникаешь? Не лоток на улице, не киоск на перекрёстке, а настоящую таверну, где продавали бы самые разные виды шаурняка!

Тем не менее дядя Бонзо всё же пообещал непутёвому родичу разузнать что к чему. Из надёжных источников выяснил, что для трудоустройства музыкантом нужно идти к людям по имени Продюс-сир. И просто так к ним не попасть, нужно караулить, когда будет проводиться специальный хвастинг.

Ларс для хвастинга выбрал самую лучшую мелодию, древнюю гномью балладу Ах ты ж сланец блянц бум-бум! и исполнил его как никогда вдохновенно. Теперь всё в рука Продюс-сира.

— Но, видите ли, мистер Ларс, — продолжил тот после долгой паузы, — для такой этнической музыки нет ни своей ниши, ни спроса. Ваша музыка, она не в тренде. И инструмент ваш — тоже. Вы меня понимаете?

— Да, сир, — ответил гном, хотя ничего не понял. Главное, чтобы его взяли, а что за тренды им требуются — это он выяснит по ходу дела.

— Вот и замечательно, — с облегчением заключил Продюс-сир. — До свидания!

Ларс помялся с ноги на ногу. С Продюс-сирами нужно соглашаться, это он знал. Но вот можно ли задавать им вопросы?

— Извините, сир, — наконец, решился он. — Так я не понял — когда мне на работу выходить?

* * *

— А я тебе говорил, — качал головой дядя Бонзо, когда Ларс возвращался с очередного хвастинга с отказом. — Не дело это — приличному гному музыками увлекаться! Пора уже браться за ум и кирку и начинать нормальную жизнь.

Ларс вздыхал. Он пробыл в столице почти месяц, но ещё не видел ни одного гнома, который занимался бы в городе чем-то другим кроме стройки, уборки или продажи шаурняка. И не важно, кем он был дома, в горах — добытчиком руды или врачом, возницей вагонеток или ювелиром, учителем или оружейником; в Столице, похоже, у гнома было только три дороги: стройка, уборка, шаурняк.

Ни одна из них Ларсу не нравилась. Строить или готовить шаурняк он с тем же успехом мог и дома, а уборка канализации просто от того, что делать это придётся в Столице, не становилась более привлекательной и менее вонючей.

Однако и сидеть на шее у дяди Бонзо дольше было нельзя.

Ларс попробовал было играть на улице, но после того, как мелкие человеческие воришки стащили у него все монеты, что накидали прохожие в шапку, понял, что с мечтой заниматься любимым делом и зарабатывать этим на жизнь, временно придётся распрощаться.

Что же делать? — размышлял Ларс, медленно бредя к дому дяди Бонзо, когда вдруг увидел над одной из дверей вывеску Склад труда.

Любопытства ради Ларс зашёл внутрь и оказался в помещении, заполненном столами, за которых сидели самые разные работодатели, и бродившими среди них безработными.

Вот это удача! — обрадовался Ларс. Он уже не рассчитывал стать музыкантом, его бы устроило что угодно другое, лишь бы не стройка, уборка и шаурняк. Ларс поговорил с банкиром, с кузнецом, с хозяином лавки хоз-товаров и даже с циркачом. И везде ему

вежливо отказали.

Расстроенный Ларс уже собрался уходить, когда в толчее у выхода его цепко схватил за руку незнакомый кудрявый гном в очках и спросил:

— Седьмым будешь?

* * *

— У нас есть шанс получить брачный контракт, но для его подписания обязательно нужна артель из семерых гномов, — объяснял Ларсу его новый знакомый, гном по имени Оззи.

— А что за контракт?

— Брачное агентство для особ благородных кровей объявило тендер на очередного клиента, вот мы и пытаемся его выиграть. Хотя соперники в этом году, конечно, серьёзные — тут и башню с драконом предлагают, и веретено, и горошину с периной, и хрустальные туфли...

— Не понимаю, — честно признался Ларс.

Оззи вздохнул.

— Ты недавно в Столице, да? — прозорливо заметил он. — Ну, слушай. Если девушки благородных кровей долго не могут устроить личную жизнь, то они обращаются за помощью в брачное агентство, и оно организует им благоприятные сценарии для знакомства с принцами. А для реализации этих сценариев нанимают суб-подрядчиков. Если мы выиграем тендер, то получим контракт и задаток, а когда его выполним — то и всю остальную сумму. А сумма очень приличная.

Ларс почесал бороду.

— И что надо делать?

— Да ничего особенного, — пожал плечами Оззи. — Снимем в аренду домик в густом лесу, встретим там клиентку, усыпим, уложим в хрустальный гроб...

— Зачем в хрустальный гроб? — перебил Ларс.

— Потому что принцы на хрустальные гробы слетаются как летучие мыши на... — Ози пощёлкал пальцами. — На что они там обычно слетаются?

— На темноту? — предположил Ларс.

— Возможно. Так вот, уложим её туда и будем ждать принца. А как только он явится, разбудит её поцелуем и женится, нам выплатят оставшуюся часть денег.

— А если принц не явится?

— Обязательно явится. Поиски девиц в беде — это очень популярный среди принцев спорт.

— Похоже, что у вас уже всё продумано, — заметил Ларс. — Я-то вам зачем?

— Говорю же, этот контракт подписывают только с артелью из семерых гномов. Так уж положено. А нас шестеро. Ну, так как — по рукам?

* * *

— Оззи, Ричи, Би-би, Игги, Марли, Пресли, Ларс, — прочитал по бумаге распорядителю брачного агентства для особ благородных кровей и оглядел стоящих перед ним гномов. — Договор аренды лесного домика?

— Прощу, — тут же передал ему золотую монету Оззи.

— Хрустальный гроб?

— Вот договор проката, — с готовностью отозвался Оззи, и ещё три монеты поменяли владельцев.

— Что насчёт принцев?

— Вот пробный рекламный флаер из типографии. Расклеим их на всех перекрёстках, трактирах и указателях.

— Что ж, — распорядитель задумчиво поковырялся в ухе и неуловимым движением убрал монеты в карман, — вижу, у вас всё хорошо организовано. За сим объявляю вас победителем тендера!

...Позже, когда гномы сортировали бумаги и договоры, Ларс не выдержал и спросил, зачем же давать взятки, если все документы и так готовы.

— Это ж Столица! — только и ответил ему Оззи.

* * *

Арендованный в лесу домик оказался довольно уютным, а хрустальный гроб, взятый напрокат — довольно массивным, его еле удалось запихнуть в сарай во дворе.

Уже через три дня после того, как гномы обустроились на новом месте, поступили новости, что клиент в пути.

— Марли, разложи еду по тарелкам! Ричи, заправь все кровати! Всё, уходим, уходим! — подгонял их Оззи, поправляя круглые очки на носу. — Рядом есть небольшая заброшенная каменоломня, там время и скоротаем.

— Но зачем нам уходить? — недоумевал Ларс. — Не лучше ли встретить клиентку?

— Не положено, — пояснял страдающий аллергией Би-би по пути на к каменоломне. — Девица должна... а-апчхи! прийти в дом, когда он будет пустой. Она поест из наших тарелок, поспит на наших кроватях, а там мы... а-апчхи! — вернёмся и застанем её за этим делом.

— И что? Заставим убираться?

— Да нет, что ты, предложим ей остаться жить у нас.

— А дальше что?

— А дальше — а-апчхи! — сообщил Би-би, — Принцесса остаётся, помогает нам по хозяйству, поёт песенки и всё такое. Молва о том, какая она милая и хорошенькая, расходитя по свету и доходит до принцев. А потом девушке подсыпают снотворное, и мы укладываем её спать в хрустальный гроб...

— Зачем снотворное? — не понял Ларс.

— Это стимул для принцев. Проверено практикой — а-апчхи! — на просто милая и хорошенькая принцесса они едут не особо охотно. А вот если надо девицу спасти, из башни там выкрасть, у дракона отбить или поцелуем разбудить, принцы тут как тут. Так что элемент спасения нужен обязательно.

— Надо же, как всё сложно, — пробормотал Ларс, устроился на валуне у входа в каменоломню и взял в руки цитру. Пока они ждут девицу, он вполне может потренироваться в придумывании трендов — так, чтобы на следующем хвастинге с ходу сразить Продюс-сира.

Тренды, впрочем, упорно не получались — сложно придумать то, о чём не имеешь никакого понятия. Какую бы мелодию Ларс ни начинал сочинять, в итоге он неизменно

переходил или на протяжную гномью Ой, базальт, база-альт! или на печальную У шахты стояла тележка. Но чаще всего Ларс возвращался к знаменитой балладе Ах ты сланец блянц бум-бум! и стоило только первым звукам древней гномьей песни разнестись в воздухе, как они пробуждали в душе остальных что-то вечное и дремучее; гномы почти непроизвольно начинали притоптывать и прихлопывать в такт, а когда доходило до припева, то и подхватывать на разные голоса: блянц бум-бум!

Забыв о трендах и хвастингах, Ларс играл и играл, и от звуков гномьей мелодии сладко сжималось сердце, а перед глазами вставали родные горы, которые он с такой готовностью покинул ради мечты стать музыкантом.

* * *

Клиентка, как и положено, спала на одной из кроватей под грудой одеял.

И храпела, как не всякий лесоруб.

— Ничего себе, какая... крупная девица! Она мне весь матрас продавила, — недовольно пробурчал смешливый Пресли, владелец пострадавшей кровати.

— Эй, — взял инициативу в свои руки Оззи и ткнул пальцем в гору одеял, — Эй, девушка, просыпайся!

Гора зашевелилась, из-под неё показались кружева и серебро, прекрасные чёрные локоны, высокий лоб, точёные скулы... и щегольские усики! Мгновение спустя гномы ошарашенно уставились на довольно высокого молодого человека с длинными волосами.

— Ты кто? — наконец, заговорил Оззи.

— Я — Черноснег. Но вы можете меня звать просто Принс.

— И что ты тут делаешь, Принс?

Молодой человек нахмурился, поправил кружева на манжетах.

— А что, я ошибся адресом?

— А ты куда шёл?

— Маленький домик в самой густой чаще леса, где живёт семеро гномов. Это ведь здесь?

Гномы переглянулись.

— Но ты же не девица!

— И что? — пожал плечами Принс. — Где сказано, что это непременно мы обязаны скакать по свету, разыскивая девиц? Где написано, что нельзя наоборот? Я, например, за гендерное равноправие.

Гномы растерянно переглянулись. Принс, тем временем, уселся за стол и нетерпеливо хлопнул в ладоши:

— Так, а пока мы ждём мою принцессу, я бы чего-нибудь пожрал.

* * *

— Это безобразие! — распаялся Би-би под одобрительный шум остальных гномов. — Где это видано, чтобы принцы сидели и ждали спасения от прекрасных принцесс? А-апчхи! Давайте обратимся в агентство и потребуем расторжения договора! Или пусть присылают нам взамен девицу!

— Бесполезно, — покачал головой очкастый Оззи. — Я перечитал контракт, там

сказано — клиент. Нигде не прописано, что клиент обязательно должен быть девицей.

— Но это же не по правилам! — возмутился недовольный Игги.

— Потребуем расторжения! — подхватил давно переставший улыбаться Пресли.

— Нет, братцы, — снова покачал головой Оззи. — Мы тогда окажемся в долгах по уши, как... — гном пощёлкал пальцами. — Кто там оказывается по уши?

— Зайцы? — неуверенно предположил Ричи.

— Возможно. Так вот, за преждевременное расторжение с нас сдерут такую неустойку, что нам сразу можно будет в долговую яму садиться. Да и сколько мы уже из своего кармана выложили, вы подумайте! За аренду дома — раз. За прокат гроба — два. Заплатили травнице за снотворное — три. Распечатали флаеры — четыре...

Гномы притихли — Оззи, как всегда, был прав.

— И что же нам делать? — тихо спросил молчун Ричи.

— Будем действовать по плану. Травница, гроб, а там, глядишь, и странствующая принцесса появится.

— А разве такие бывают? — подозрительно осведомился ворчливый Игги.

Оззи крякнул, нахмурился и почесал растрёпанную шевелюру.

— Не знаю, — честно признался он. — Но знаю, что неустойку за досрочное расторжение контракта мы точно не потянем.

* * *

Гномы сидели на каменоломне и отдыхали под умиротворяющую мелодию старинной гномьей баллады, которую Ларс наигрывал на цитре. Теперь они сбегали сюда каждый день — подальше от капризов Принса. То запросит чищенных овощей и фруктов, хлеб с кашей, видите ли, вредят его фигуре, то ему воду для ванной нагрей, то соль в неё добавь, то кружева ему заштопай, то серебряные бляхи начисти, то носовой платок постирай...

— Скорее бы уж его усыпить, — угнетённо пробормотал некогда смешливый Пресли.

— Сегодня ему попробует продать яблоко странствующая торговка, — тусклым голосом заметил Оззи. — Если повезёт, то, может, хоть сегодня он его съест и, наконец, завалится в спячку как... — гном пощёлкал пальцами. — Ну, кто там обычно надолго засыпает?

— Медведь? — вяло предложил Игги.

До сей поры гномам не везло. Пропитанные сонными травами яблоки Принсу пытались всучить маленькая девочка в красном беретике, якобы шедшая к бабушке, весь в доску свой дровосек и как-бы заблудившийся охотник.

Однако Принс яблоки есть упорно отказывался.

— А, может, киркой ему по темечку — и в гроб? — отчаявшись, предложил как-то Би-би.

Гномы встрепенулись и оживились. Но потом Оззи всё-таки взял себя в руки.

— Нет, нам за причинение вреда здоровью такой иск вчинят, что век не расплатимся!

* * *

Принс встретил гномов на пороге, картинно уперев руки в бока.

— Торговка яблоками? В глухой чащобе? Серьёзно? — поднял он красивые чёрные брови. — Вы совсем за идиота меня держите? И вообще, я яблоки не ем, — продолжил

Принс. — У меня от них сыпь по телу. И, кстати, вы контракт свой выполнять собираетесь? Я уже месяц торчу в этой глухомани, и ни одной прекрасной принцессы!

— Это потому, что вы отказываетесь сотрудничать, — не выдержал тут Оззи. — Заснули бы, как положено...

— Я спать не собираюсь! — возмутился Принс. — Если я буду спать, то не смогу оценить, нравится мне принцесса или нет. Так что забудьте — никакой спячки!

— Знаете что? — не выдержав, вспылил тут Игги. — Хотите устроить личную жизнь — полезайте, как вам велено, в хрустальный гроб!

— Ни за что! — отрезал Принс.

Гномы насупились и раздражённо запыхтели.

Разозлённый упорством Принса не меньше других, Ларс яростно ударил по струнам цитры. На сей раз вместо привычных любимых гномьих мелодий ярость и досада родили совсем новую музыку — резкую, агрессивную. Она захватила, закрутила, понесла за собой — гномы подхватили её, вымещая в ней всё своё разочарование, всю свою злость — колотили по медным тарелкам и хрустальным бокалам, дёргали за колокольчики на входной двери, дули в горлышко пустых бутылок. Какофония звуков складывалась в мощную музыку, ширилась, росла... И даже Принс не устоял, подхватил напористый ритм и принялся подпевать — непонятно, но в тон.

Получилось на удивление складно.

Уж не это ли тот самый тренд? — мелькнула у Ларса шальная мысль.

* * *

Счета за аренду дома и прокат хрустального гроба копились и обрастали процентами. Травница вчинила иск о просроченной долговой расписке, о чём артели пришло формальное уведомление. Типография, распечатавшая флаеры, отправила третье, последнее требование о выплате задолженности. Бакалейщик и булочник прислали записки с малограмотными, но вполне понятными угрозами расправы.

— Так мы и месяца не протянем, — грустно качал головой Оззи, сидя над кипой счетов. — Пойдём по миру как... — гном прищёлкнул пальцами. — Кто там по миру ходит?

— Пилигримы? — выдвинул версию Марли.

— Возможно, — вяло согласился Оззи и поправил очки.

В домике воцарилась гнетущая тишина, которую внезапно нарушил стук конских копыт. Вздурораженные гномы тут же прилипли к окошку и зачарованно наблюдали, как на поляне появился всадник в солидных кожаных доспехах и на белом коне. Спешился, огляделся и откинул капюшон плаща, из-под которого рассыпались длинные золотистые волосы.

— О, — выдохнули как один гномы. — Неужели странствующая принцесса?

Девушка решительно постучала в дверь носком сапога, и деловито осведомилась:

— Это у вас тут принц по объявлению?

— А вы — прекрасная принцесса? — робко спросил Оззи.

Девушка кивнула на своего скакуна.

— А то! Видишь, конь белый-белый!

* * *

— Было бы намного лучше, если бы он лежал в хрустальном гробу, тихий-претихий, и молчал, — шипел Пресли, подглядывая в щёлку за Принсом и странствующей принцессой. — А так он обязательно чего-нибудь напортачит, вот увидите!

Принцесса тем временем прислонила свой тяжёлый двуручник к стене у входа и нетерпеливо ходила туда-сюда перед очагом, поскрипывая кожаными доспехами.

Принс же прихорашивался в спальне — он хотел произвести на девицу впечатление. Наконец появился — весь в кружевах и серебре.

— О, прекрасная дама! Ты пришла! — церемонно расшаркался он.

— Пришла, — немного растерянно ответила прекрасная дама, затем оценивающе прищурилась, взяла Принса за руку и увлекла на скамеечку к очагу.

— Ларс, сыграй-ка что-нибудь красивое, — звенящим шёпотом попросил Оззи. — Для романтического... — гном прищёлкнул пальцами. — Как же оно называется? Климата? Воздуха?

— Атмосферы, — подсказал молчаливый Ричи.

— Точно! — обрадовался Оззи. — Для неё!

Ларс с готовностью тронул струны, и от них тут же полились атмосфера и народная гномья песня Старый гном, старый гном, старый гном стучик кайлом.

Гномы, жавшиеся к щёлке, вдруг засуетились, загомонили.

— Что он делает? Не уворачивайся, идиот!

Звон оплеухи на миг перекрыл все остальные звуки.

— Быдло! — раздался тонкий писк Принса.

— Истеричка! — припечатала его в ответ Странствующая Принцесса, пинком ноги отворила дверь, отчего гномы разлетелись в стороны как — ну, кто там разлетается в стороны? — и выбежала вон.

Принс стоял на пороге и, яростно раздувая ноздри, наблюдал за тем, как Странствующая Принцесса взбирается на своего скакуна.

Раздували ноздри и гномы, глядя на то, как уезжает на белом коне их гонорар за почти выполненный контракт.

Ларс в сердцах ударил по струнам, те отозвались мощной звуковой волной, пробравшей до самых костей, и высвободили на свободу всю накопившуюся злость. Закрыв глаза, Ларс отдался яростному ритму. Тот рос, ширился и креп — это остальные гномы подхватили его медными тарелками, хрустальными бокалами, колокольчиками и пустыми бутылками.

А потом в этот пульсирующий ритм ворвался голос — сильный, мощный; это Принс начал подпевать, снова непонятно и снова очень складно.

Когда музыка затихла, что-то с грохотом упало у входной двери. Обернувшись, гномы увидели на крыльце Принцессу. Выражение лица у неё было ошеломлённое.

— Я двуручник забыла, — сбивчиво пояснила она, подняла упавший меч — и ушла, почему-то робко глянув напоследок на вызывающе скрестившего на груди руки Принса.

* * *

На следующий день Странствующая Принцесса вернулась. Вежливо постучав, вошла в домик и робко попросила, смущённо теребя рукоять своего двуручника:

— А вы не сыграете ещё?

Принс презрительно фыркнул — вот ещё! А гномы переглянулись растерянно и пожали плечами — отчего же не сыграть, коли просят? Ларс, правда, начал было наигрывать красивый гномий гимн По штольне гуляет горняк молодой, но Принцесса нетерпеливо перебила:

— А можно вчерашнюю?

Ларс пробежался по струнам, пытаясь вспомнить, что он играл вчера. Ноты упорно ускользали, отказывались складываться в сильную, агрессивную мелодию.

И тогда Ларс вспомнил, каким он был вчера разочарованным и разозлённым, позволил этим чувствам охватить себя — и мелодия вернулась тут же, сама собой. Она росла, набирала мощь, подхваченная остальными гномами и, наконец, захватила даже Принса — тот не выдержал и почти против воли начал подпевать.

Принцесса слушала, затаив дыхание. И на Принса на прощание опять бросила взгляд, только на этот раз не робкий, а очень даже горячий.

На следующий день Принцесса пришла не одна, а с приятелями — другой принцессой и рубакой-рыцарем, скептически кривившим губы. И снова попросила сыграть.

И тут в гномах проснулась коммерческая жилка.

— Нет, мы, конечно, не против, — выступил вперёд Оззи, — Но вы же должны понимать — пока мы тут играем, мы могли бы работать. В штольне. Самоцветы рубить, изумруды и всё такое...

— Я заплачу, — предложила Странствующая Принцесса. — Десять золотых.

Изумлённые гномы переглянулись — это покрывает аренду домика за целый месяц! — и поспешили согласиться.

Ларс заиграл было родные гномьи мотивы, но на него тут же зашикали.

— Они плятят! — прошипел Оззи. — А, значит, заказывают музыку! И они хотят вчерашнее!

Ларс вздохнул и попытался разозлиться; похоже, именно злость и досада рождали те мелодии, которые так нравились Принцессе. Пальцы пробежались по струнам, полилась знакомая агрессивная музыка. Гномы тут же подхватили её, и исполнение вышло ещё лучше прежнего, ведь на этот раз они подготовились: из медных тарелок сделали гонги, из коробов — барабаны, заменили пустые бутылки на дудочки, справа от Ларса усадили Пресли со звонкими деревянными гремушками, а слева Марли — за найденный на чердаке клавесин.

Когда музыка затихла, рыцарь восторженно ругнулся, а подружка Странствующей Принцессы послала Принсу воздушный поцелуй, за что схлопотала от Принцессы мрачный взгляд. Сама же Странствующая Прицесса на правах старой знакомой подошла к Принсу — и робко чмокнула его в щёку...

Чуть позже гномы прилипли к окнам и увлечённо наблюдали, как Принцесса и её подруга, позабыв о мечах, упоённо таскали друг друга за волосы и кричали:

— Он мой! Нет, он мой!

* * *

День проходил за днём, желающих послушать гномью музыку приходило всё больше и больше. Вскоре посетители перестали помещаться внутри, и Принсу с гномами пришлось выступать на лужайке перед домиком. Гномы не жаловались — благодаря этим гостям были погашены задолженности и за аренду дома, и за прокат хрустального гроба, и по кредитам

бакалейщика и булочника.

Ларс смирился с тем, что народу нравилась только та агрессивная, шумная музыка, которую рождали у него злость и возмущение, и перестал пытаться играть красивые гномьи мелодии зрителям. Любимые древние баллады Ларс играл уже после того, как все расходились — тихо, для себя. Играл — и перед глазами вставали родные горы...

Вскоре с концертов пошла чистая прибыль — благодарные зрители оставляли банки с вареньем и копчёные окорочка, головки сыра, мотки шерсти, скатерти и полотенца, подковы, свечи, а порой и мелкие монетки.

Однажды после очередного выступления на поляне к гномам подошёл человек, в котором Ларс мигом признал Продюс-сира с самого первого своего хвастинга.

— Вам не хватает правильного подхода, — с ходу заявил он гномам. — Вам нужна раскрутка, нужен ажиотаж, вы меня понимаете? И нужен лейбл. Надо броско назвать жанр. Как же, как же?.. — защёлкал пальцами Продюс-сир. — Рок-Панк? Хардкор? Стим-Гранж? Не то, не то... О! Нашёл! Гном-металл!

Ошеломлённые гномы, сбитые с толку потоком незнакомых слов, только растерянно кивнули.

А вот Принс подозрительно нахмурился:

— Я тут, между прочим, не песенки петь нанимался! Я здесь в ожидании своей принцессы. А выбора пока особо нет. Так что спасибо, но я участвовать отказываюсь.

Гномы приуныли — без пения Принса их музыке, как ни крути, чего-то не хватало.

Продюс-сир и глазом не моргнул.

— Вот именно для этого нужно будет организовать мировое турне, — деловито сообщил он. — А в турне знаете сколько принцесс будет собираться на каждой площади?

Принс задумался — и расплылся в мечтательной улыбке.

— Вот и чудненько, — хлопнул в ладоши Продюс-сир.

* * *

Они назывались Черноснег и семь гномов, и их выступления всегда пользовались огромной популярностью. Особенно после того, как Ларс перестал настаивать на том, чтобы играть на концертах одну-две гномьи баллады.

— Фолк сейчас не в тренде, — пояснял ему Продюс-сир. — Даже если это гном-фолк. Понимаешь?

— Да, сир, — соглашался Ларс. Он не понимал, что такое тренд и фолк и почему красивым гномьим балладам зрители предпочитали агрессивную, напористую музыку, рождённую злостью и возмущением, но помнил, что спорить с Продюс-сирами нельзя.

Все обиды и разногласия между гномами и Принсем были давно забыты. Принс после каждого концерта не успевал отбиваться от желающих его принцесс, гномы подсчитывали полученные деньги и радовались.

На выручку от концертов Ларс купил дяде Бонзо таверну и заказал вывеску Шаурнячная. Дядя Бонзо был счастлив.

И Ларс тоже был по-своему счастлив: как и мечтал, он стал музыкантом, он зарабатывал деньги игрой на цитре — пусть и исполнять приходилось совсем не ту музыку, какую ему действительно хотелось. Теперь его ставили в пример новоприбывшим гномам: Видишь, чего наш брат в Столице добиться может! Те всё равно в итоге строили дома,

чистили канализацию и готовили шаурняк, но, по крайней мере, они знали, что для гномов в Столице возможны и другие пути, и это их утешало.

Можно было считать, что жизнь полностью удалась.

Впрочем, Ларс так и считал.

И лишь иногда, редкими ночами, когда темнота была особенно густой, а луна — особенно круглой, гнома одолевала щемящая тоска. Он не понимал, о чём тоскует — о горах, о родном клане или о какой-то неизвестной, так и не сбывшейся мечте.

В такие ночи Ларс брал цитру и, забыв о гном-металле, наигрывал старые гномьи баллады, непременно заканчивая знаменитым А ты ж сланец блянц бум-бум!. И когда последний блянц бум-бум растворялся в ночном воздухе, на душу Ларса снисходил желанный покой.

Небывалица шестая — Зелёнки и баклажаны

Профессор Корнелли привык к тому, что когда он входит в аудиторию, в ней немедленно наступает тишина. Но сегодня студиозы словно и не заметили его появления; собравшись на задних рядах, они что-то громко обсуждали.

— Тишина! — призвал профессор.

Студиозы на миг замолкли и, увидев преподавателя, неохотно расселись по местам. Но расселись не как обычно, а на противоположных сторонах аудитории, разбившись на две группы.

Профессор Корнелли не придавал этому особого значения — мало ли, какие у них там свои студиозные дела? — и объявил:

— Тема сегодняшней лекции — разнообразие органического мира.

Тут один из его студиозов, кучерявый Толли, поднял руку и, не дожидаясь разрешения, спросил:

— Сократ Гомерович, как вы считаете, то, что сегодня пишут в газетах — это правда?

Профессор Корнелли, проводивший всё свободное время в лаборатории, газет не читал, потому ответил:

— Что именно вас интересует, Толли?

— Я про то, что, оказывается, наша земля не одно целое? Вчера геологи спустились на дно каньона в Мелких горах и нашли там тектоническую трещину. Говорят, много веков назад тектонические плиты столкнулись и, зацепившись друг за друга, остались рядом. Но всё равно это — две отдельные плиты.

— Возможно, возможно, — профессор Корнелли нетерпеливо побарабанил пальцами по столу. Он изучал биологию, и прочие науки, в том числе и геология, его не особенно интересовали. — И что из того?

— Как это что? Получается, у нас есть своя собственная, отдельная земля, которую мы долгие века вынуждены были делить с захватчиками!

— Какими захватчиками? — не понял профессор.

— С этими, из Загорья!

— Это мы-то захватчики? — вскочил было один из студиозов с противоположной стороны аудитории, но товарищи силой усадили его на место.

А профессор нахмурился. Мондивилль стоял среди Мелких гор, прямо на стыке Загорья и Подгорья. Люди, населявшие земли по обе стороны гор, практически не отличались ни языком, ни нравами, ни обычаями и испокон веков спокойно жили по соседству, свободно переселяясь и перемещиваясь. Много лет назад будущий профессор приехал в Мондивилль, сначала — учиться, а потом и преподавать в университете. Прожив в городе столько лет, он уже и забыл, что сам родом из Подгорья; до сегодняшнего дня это не имело никакого значения.

— И когда они якобы захватили Подгорье? — спросил профессор, раздумывая, не пропустил ли он, сидя в своей лаборатории, быструю завоевательную войну.

— Да много веков назад! — выпалил Толли и яростно дёрнул себя за лиловый галстук. — Проникли в наши земли, незаметно смешались с нами и стали нас разлагать, разрушать нашу культуру.

— Это мы вас разлагали? Да вы у нас на шею сидели! — выкрикнуло сразу несколько студиозов с другой половины аудитории.

— Тишина! — повысил голос профессор и, дождавшись, когда студиозы угомонятся, сказал: — То, что вы описали, Толли, есть естественный процесс смешения родственных народов, проживающих на одной территории.

— Ага! — радостно воскликнул Толли. — Это вы правильно сказали, Сократ Гомерович! Проживающих на одной территории! Но теперь-то мы знаем, что эти, из Загорья, нам всё время ввали! Ведь земля у нас не одна на двоих! Плиты-то две! Значит, и земли тоже две! И, значит, у нас есть своя собственная земля! И нам нужно взять над ней контроль!

Студиозы загалдели, а профессор Корнелли потёр виски пальцами — у него начиналась мигрень.

— Пожалуй, сегодня я лекции не будет, — сообщил он и вышел из аудитории.

* * *

В широком университетском коридоре царило оживление и неразбериха; туда-сюда сновали студиозы, галдели, шумели, собирались группами.

Кто-то сунул профессору в руки пачкающий свежей типографской краской лист. Потом ещё один.

Защитим исконно нашу тектоническую плиту! Прогоним подлых зелёнок! — было написано на одной листовке.

Осадим зарвавшихся баклажан! Не дадим расколоть нашу землю! — призывали с другой.

Зелёнки? Баклажаны? Профессор Корнелли нахмурился. Он, разумеется, понял, что зелёнками подгорцы обозвали загорцев, а загорцы подгорцев — баклажанами. Но почему?

— Записываемся в народное ополчение! — отвлёк профессора от раздумий звонкий голос.

Сократ Гомерович оглянулся и увидел конопатую девушку, забравшуюся на подоконник и обращающуюся к собравшейся вокруг молодёжи.

Рядом с ней пристроился юноша с рулоном зелёной ткани; он отрезал от него широкие полосы и раздавал студиозам, а те повязывали их себе на шею.

Профессор кивнул — ему стало ясно происхождение термина зелёнка.

В другом конце коридора тощий юноша, стоя на стуле, выкрикивал:

— Желающие стать повторяльщиками! Все сюда!

Стул был задрапирован лиловой тканью, а у юноши и у собравшихся вокруг студиозов на руках красовались лиловые повязки.

Профессор хмыкнул. Вот и секрет баклажан — лиловый цвет.

Однако появилась новая загадка. Повторяльщики, — задумчиво повторил профессор про себя новое слово. Что это такое?

— Проверим готовность! Ваша работа? — выкрикнул юноша.

— Повторять! — слаженно рявкнули лиловые студиозы.

— Что повторять?

— Плита — наша! Зелёнки, прочь руки от нашей земли!

— Где повторять?

— Везде!

— Кому повторять?

— Всем!

— Молодцы! А теперь — расходимся!

Толпа рассеялась, оставив профессора наедине с тощим юношей, в котором Сократ Гомерович, наконец, узнал студюоза, ходившего к нему на лекции по биологии в прошлом году.

— Нахалли, — позвал он юношу, вспомнив его имя, — А зачем нужны повторяльщики?

Студиоз удивлённо возрился на профессора, словно не мог поверить, что кто-то не понимает столь очевидных вещей.

— Профессор Корнелли! Неужели вы не знаете, что если одно и то же повторять много раз, то оно превратится в правду? А правде людям придётся поверить.

— Вы хотите убедить подгорцев в том, что их захватили загорцы? — быстро сопоставил одно с другим профессор.

— Не убедить! — оскорбился Нахалли. — Напомнить! Ведь это правда! Зелёнки действительно захватили нас — тихо, подло и незаметно. Но настала пора отмщения!

И протянул Сократу Гомеровичу полоску лиловой ткани. Профессор механически её взял, внимательно вглядываясь в лицо студюоза. Зрачки у того вытянулись по вертикали, на лбу выступили капли пота, а дыхание было частым и неглубоким.

И всё сразу встало на свои места.

Он заболел, — понял профессор и поспешил на кафедру, силясь припомнить болезни с похожими симптомами.

* * *

В центре кафедры горел костёр, и библиотекарь, повязав на голову зелёную бандану, методично бросал книги в огонь. Ему помогал профессор истории, а остальные преподаватели подпирали дальнюю дверь кафедры, сотрясавшуюся от ударов извне.

— Вы что пожар устроили? — всполошился Сократ Гомерович. — Зачем книги жжете?

— Мы сжигаем лживые книги, — заявил ему профессор истории. — Мы сжигаем учебники, напичканные враньём об истории нашего народа! И у этих баклажан, — кивнул он в сторону сотрясавшейся двери, — не выйдет нас остановить!

— Вы позволите? — спросил профессор и, не дожидаясь согласия, взял профессора истории за руку и прижал пальцы к запястью. Пульс был учащённым. Заглянув в глаза профессору, Сократ Гомерович заметил, что зрачки у того вытянуты по вертикали. А на лбу выступил пот.

Болезнь заразна, и она распространяется, — пришёл к выводу профессор Корнелли и поспешил прочь с кафедры — ему не хотелось заразиться.

* * *

Выйдя на улицу, профессор тут же увидел, что город претерпел разительные изменения. Улицы были увешаны где зелеными, где лиловыми стягами. На перекрёстах люди деловито возводили баррикады, а высыпавшие из окрестных домов женщины радостно жертвовали на строительство домашнюю утварь и мебель.

Если это болезнь, то, выздоровев, они об этом очень пожалеют, — подумал профессор, глядя на то, как одна женщина отдавала для баррикады дорогой рояль.

— Для чего вы всё это строите? — спросил профессор мужчину, который тащил на баррикаду новый строй-материал: кресло-качалку, ночной горшок, швабру, кастрюлю и чугунный утюг. Шаткая груда качалась, ночной горшок на вершине опасно кренился, грозя упасть на землю.

— Для защиты от врага.

— А разве кто-то собирается нападать?

— Разумеется!

— А откуда вы знаете? — продолжил расспрашивать профессор, вглядываясь в лицо собеседника. Всё то же — вертикальные зрачки, частое неглубокое дыхание, пот на лбу.

— Все знают! — безапелляционно ответил мужчина. Тут венчавший груду строй-материалов ночной горшок упал и покатился по брусчатке, и мужчина бросился за ним в погоню.

За баррикадами профессор увидел толпу, собравшуюся у арсенала. Несколько лет назад океанологи предположили, что в Узком океане, кроме их земли, могут находиться и другие. Власти встревожились и решили построить арсенал — на случай, если другие земли и впрямь есть, а на них живут враги.

Что ж, врагов с неизвестных земель так и не дождались, но арсенал пригодился — из его дверей один за другим выходили вооружённые пищалями и арбалетами люди, украшали оружие лиловыми бантиками и становились в строй.

— Для чего вооружаетесь? — спросил профессор у одного из них.

— Формируем армию сопротивления!

У этого мужчины тоже были вытянуты зрачки, и дышал он учащённо. Кроме того, профессор Корнелли заметил, что лицо его собеседника густо поросло щетиной и словно бы вытянулось немного вперёд, став похожим на морду животного.

Да это уже эпидемия! — заключил профессор и поспешил домой. Дома у него обширная библиотека; возможно, в одном из старинных манускриптов он найдёт описание похожего заболевания и поймёт, что нужно делать, чтобы остановить распространение заразы.

* * *

Возле дома собралась толпа людей с лиловыми тряпицами на шеях.

— В чём дело? — осведомился профессор Корнелли.

Ему не ответили; собравшиеся задрали головы, смотрели на окна на втором этаже, в которых колыхались зелёные занавески, и тихонько подвывали.

На втором этаже жила домовладелица, госпожа Молли вместе с внучкой.

Профессор торопливо постучал в её дверь.

— Госпожа Молли, это я, Сократ Гомерович!

Дверь чуть приоткрылась, в узкой щёлке показалась пышная копна домовладелицы.

— Профессор Корнелли! Это вы! Слава богу! Я не понимаю, что происходит! Они стоят под моими окнами и... и воют! — воскликнула она.

Сократ Гомерович отметил, что глаза у госпожи Молли были с нормальными зрачками.

А она не заразилась, — подумал он. — Почему же одни заболели, а другие — нет? Может, эта болезнь липнет к тем, у кого внутри есть какая-то гнильца? Тогда почему не

заразился я?

— Они больны, — пояснил профессор домовладелице. — Я ещё не выяснил, что это за заболевание, но один из симптомов — неадекватная реакция на некоторые цвета. В частности, у этих людей зелёный цвет вызывает немотивированную агрессию. Так что снимите скорее эти ваши занавески.

— Да, да, я так и сделаю! — воскликнула госпожа Молли и убежала вглубь квартиры. — Ляля, деточка, не бойся, всё хорошо, — бросила она на ходу сжавшейся в уголке прихожей испуганной внучке с зелёными бантами в волосах.

— И банты с Ляли на всякий случай снимите! — крикнул профессор вдогонку.

* * *

Всю ночь Сократ Гомерович копался в древних фолиантах, а рано утром усталое вышел на улицу. У него было недостаточно информации, чтобы поставить диагноз, и ему требовалось больше понаблюдать за больными.

У входа в университет он столкнулся с колонной, волокущей длинные сваи, пушки и пищали.

— Вы куда? — спросил он предводителя.

— К тектонической трещине, — пояснил тот. — Просунем сваи внутрь, поднажмём — и оттолкнём нашу плиту от вражеской! И будет у нас своя собственная земля!

— Вы собираетесь оттолкнуть тектонические плиты? — воскликнул профессор. — Да вы в своём уме? Вы хоть понимаете, какую нелепицу несёте?

Предводитель уставился на Сократа Гомеровича абсолютно пустыми глазами — ни проблеска разума! Профессор всмотрелся в вытянутое вперёд, поросшее щетиной лицо, немного смахивающее на собачью морду, и признал в предводителе университетского повара.

Изменение зрачков, потливость, учащённое дыхание, деформация лицевых костей, увеличение волосяного покрова, агрессивная реакция на определённый цвет, — перечислил он про себя ранее замеченные симптомы. — А теперь ещё и частичное поражение мозговой функции.

— А пищали с пушками зачем?

— Отбиваться от зелёнок. Эти жабы проклятые наверняка попытаются нас остановить!

Видимо, жабы — это потому, что жабы зелёные, — криво усмехнулся над незатейливостью новой оскорбительной клички профессор. — Но ведь огурцы тоже зелёные? Почему не огурцы? Потому что жабы — это неприятнее? — размышлял он, шагая дальше.

За углом здания Сократ Гомерович встретил другую колонну, под предводительством дирижёра университетского хора; они деловито наносили себе на лица зелёную боевую раскраску.

— А вы куда? — обречённо спросил он.

— К каньону! Не позволим баклажанам оттолкнуть плиту!

Профессор Корнелли хотел сказать, что им можно не беспокоиться, всё равно тектонической плите ничего не грозит, но вовремя вспомнил, что имеет дело с больными, и промолчал.

Просторные коридоры университета пустовали; похоже, студии и весь

преподавательский состав заразились и сейчас были активно заняты борьбой за тектонические плиты.

Однако рядом с туалетом профессор заметил знакомую кудрявую шевелюру.

— Толли! — воскликнул он.

Студиоз повернулся, и профессор Корнелли на миг опешил — Толли мочился на висящую на стене карту земель Загорья.

— Вы что делаете?

— Зелёнки оскорбили нас! Они осквернили на наш цвет! — возопил Толли и показал профессору рулон туалетной бумаги. — Они выпускают туалетную бумагу в лиловой обёртке!

— И вы решили отомстить, помочившись на их... э-э... землю? — кротко спросил Сократ Гомерович, отмечая, что лицо студิโอла тоже вытянулось вперёд, поросло щетиной и стало смахивать на собачью морду.

— Я? — выпучил глаза Толли. — Не было такого!

— Но я только что своими глазами видел! — опешил профессор. — У вас в даже ширинка до сих пор не застёгнута!

— Совпадение, — отмахнулся Толли, застегнул ширинку и поправил лиловый галстук.

Выборочная атрофия зрения и слуха, — отметил про себя новый признак заболевания профессор. — Больные видят только то, что хотят видеть, и слышат только то, что хотят слышать. Всё остальное отрицают. Сопровождается частичным поражением когнитивной функции мозга.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Профессор, — вдруг подозрительно нахмурился Толли, — А вы загорец или подгорец?

— Я — житель Мондивилля.

— Увиливаете, профессор, — зловеще процедил Толли, и у него в руках откуда ни возьмись показался нож. — Так не пойдёт. Вы или зелёнка, или подгорец — среднего не дано.

— Значительная деградация когнитивной функции мозга, — переформулировал один из признаков заболевания профессор и испуганно попятился.

— Эге-гей! Жабы наших бьют! — раздался тут с улицы крик. Услышав его, Толли вскинул голову, и профессор увидел, что уши у студิโอла зашевелились и наострились, словно у собаки. А через несколько мгновений он бросился на улицу.

— Заметная трансформация анатомических признаков наружного строения, — тряским голосом пробормотал Сократ Гомерович, отмечая очередной признак болезни.

И поспешил к окну, решив своими глазами увидеть, что там происходит.

Университетская улица пустовала. В одном её конце возвышалась баррикада, в другом стояла лиловая группа, с Толли во главе.

Что-то застонало и заскрипело в шаткой баррикаде, и с вершины вниз покатилося половойное ведро зелёного цвета, в котором профессор Корнелли узнал ведро их университетской уборщицы.

— Зелёнки наступают! — заорал Толли, и поднялась хаотическая пальба.

Когда же она стихла, ведро было изрешечено, а двое горе-воjak зажимали руками раны от срикошетивших арбалетных болтов.

— Подлые жабы! — выкрикнул Толли. — Они на нас напали! У нас есть раненые!

Решив, что увидел достаточно, профессор заспешил в лабораторию. Теперь у него наверняка хватит признаков, чтобы поставить диагноз.

* * *

Профессор Корнелли всё-таки нашёл описание болезни в одном из старинных фолиантов.

Особизм — это острое заболевание группы идеологических инфекций, протекающее с исключительно тяжёлым общим состоянием и поражением функций головного мозга и всех органов чувств. Сопровождается стремительным атавизмом морфологических и психических признаков человека. В особо тяжёлых случаях может привести к полной деградации и отбрасыванию больного на предыдущую ступень эволюции. Заболевание характеризуется крайне высокой заразностью и стремительной скоростью распространения.

Пришедший было в ужас от описания, профессор всё-таки взял себя в руки. Надо спасти человечество! По каким-то неведомым причинам он не заразился и — вот удача! — он ещё и биолог. Значит, он сможет найти лекарство.

Точного рецепта в старинном фолианте не было, был лишь набор необходимых веществ. Что ж, значит, придётся экспериментировать.

Профессор доковылял до кафедры психологии и набрал там нужные ингредиенты — гранулированные страхи, молотые комплексы, вытяжка из религии, эссенция политических ценностей и настойка социальных установок. На кафедре химии прихватил глицина и морфия, а у себя достал из кладовки корень валерианы, листья пустырника, мелиссу и хмель. Вывалил всё это на стол, запер лабораторию — и принялся за работу.

* * *

Два дня спустя осунувшийся и измученный профессор вышел из университета. В руках у него был пробник лекарства, шприц с голубоватой жидкостью.

В городе царили разгром и тишина, и не было видно ни единой живой души. Профессор шагал по пустынным улицам, с испугом косясь на разрушенные дома и на пожарища, на торчащие из стен арбалетные болты и на лужицы крови. Что-то ужасное произошло в Мондивилле за те два дня, пока он работал в лаборатории!

Профессор уже дошёл до квартала, где был его дом, когда навстречу ему выскочила кудрявая собака и, уставившись на него, звонко залаяла и завиляла хвостом. Было в её морде что-то знакомое, но профессор не мог сообразить, что именно, пока не увидел на шее у пса лиловый галстук.

— Толли? — недоверчиво выдохнул он.

Пёс зашёлся радостным лаем.

А профессор в ужасе уставился на своего бывшего студюоза. Полная деградация, отбрасывающая больного на предыдущую ступень эволюции — это самая последняя стадия особизма!

Оглядевшись, Сократ Гомерович заметил, что из завалов и из-под развалин выглядывают усатые мордочки и волосатые конечности. На некоторых до сих пор болтаются обрывки лиловой и зелёной ткани.

Неужели они все на последней стадии болезни? — подумал профессор. — А остался ли

в Мондивилле хоть один человек? Да что в городе — остался ли хоть один человека на земле, или эпидемия особизма выкосила всех подчистую?

— Толли, за мной! — скомандовал он кудрявому псу и торопливо зашагал дальше.

Впереди уже показался дом, однако, когда до него осталось всего несколько шагов, профессор схватился рукой за грудь и тяжело осел на землю.

На крыльце среди обломков входной двери поломанными куклами лежали домовладельца Молли и её внучка. Их одежда была покрыта бурыми пятнами; пустыми глазницами смотрели в небо лица, измазанные весёленькой зелёной краской; изо рта у девочки торчал бантик. Ветер трепал краешки зелёной ленты и прядки запутавшихся в ней светлых волос.

На стене позади чьи-то руки старательно вывели несколько надписей: А зелёнки изнутри красненькие! Жаба и жабёныш и Получите по заслугам!

Сердце так сильно колело в груди, что Сократ Гомерович подумал, не случился ли у него сердечный приступ. Он не сразу понял, что колело не в сердце. Колело в душе.

Если у профессора и были надежды на то, что в городе остались люди, то теперь они пропали. Тех, у кого оказался иммунитет к особизму, наверняка убили заражённые.

Кудрявый пёс с лиловым галстуком на шее положил передние лапы на колени профессора, заглянул ему в лицо и завилял хвостом.

Сократ Гомерович несколько мгновений смотрел ему в глаза, а потом медленно произнёс:

— Знаешь, что, Толли? Я думаю, звери из вас вышли куда симпатичнее, чем люди...

Пёс вопросительно твякнул, глядя на профессора умными глазами.

Сократ Гомерович притянул виноватую морду пса к своему лицу и вздохнул.

— Я знаю, что ты был болен и потому не ведал, что творил. По крайней мере, мне очень хочется верить, что виновата была именно болезнь. Может, бог это поймёт — и простит. Но я, как человек — не могу... Так что оставайтесь лучше зверьми. И пусть всё остальное сделает эволюция. Может, в следующий раз у неё получится лучше, — твёрдо сказал профессор, а потом решительно разломил пополам шприц с лекарством и отбросил осколки в сторону.

Небывалица седьмая — Штатный герой

... А времена те давние были лихие. То дракон принцессу умыкнёт, то тролль из-под моста на принца нападёт, то дриада озорует — нагишом на дорогу выскочит, и от её вида престарелого королевского дядюшку апоплексический удар хватит.

Обеспокоенный, что вскорости от его родни никого не останется, решил король снарядить против нечисти лучших своих рыцарей. Когда рыцари кончились, а нечисть так и осталась, испуганный король пообещал, что любой, кто избавит их королевство от напасти, получит мешок золота и руку ещё не украденной драконом принцессы в придачу. На этот призыв и явился в королевство Герой.

Герой сразил дракона, приковал цепью к мосту тролля и каким-то особым способом управился с дриадой, затем обменял руки принцессы на второй мешок золота — и был таков. А в королевстве настал мир и покой.

Только ненадолго — вскоре вновь завелась нечисть, которая вся как на подбор питала особую слабость к особам королевской крови. Вампиры кусали королевских племянниц, русалки завлекали в омуты королевских кузенов, ведьмы дурили головы королевским зятьям, гоблины грабили на дорогах королевских своячениц... Лишь королевскую тёшу, к тайной досаде короля, никакая нечисть почему-то не брала. Но в остальном воцарились в королевстве бардак, беззаконие и беспредел.

И снова король позвал на помощь Героя, и снова тот явился и навёл порядок. Забрал золото и готов был уже отправиться по своим геройским делам, но тут король подумал: надолго ли хватит наступившего мира и покоя? Ведь глазом не успеешь моргнуть, как снова налетят драконы и набегут тролли. Не лучше ли будет держать Героя под рукой? И предложил король ему остаться — за ежемесячный гарантированный оклад золотом и руку дочери в придачу.

Герой подумал — и согласился. Но вместо руки принцессы уговорились на отдельные премиальные за каждую убиенную нечисть... То ли дочка у короля была такая страшная, то ли Герой был такой жадный.

С той поры и существует при дворе уже не одну сотню лет постоянная должность штатного Героя, на которую всегда находится храбрец, готовый в случае чего защитить королевство от любой напасти...

Сказитель умолк, и собравшиеся в таверне крестьяне одобрительно загомонили — история им понравилась. Один только Гэвин ошеломлённо молчал.

Все в деревне считали его простофилей и дураком, потому что за любую работу он брался с охотой, упирался пуще хозяев, да всё у него выходило не так. Отправят усмирить буйного быка — а он его случайно ударом кулака по лбу насмерть уложит. Попросят дров наколоть — Гэвин вместе с поленом расколет и колоду. А однажды он так рьяно раздувал меха, помогая кузнецу, что едва не спалил всю кузню... Гэвин уже и сам привык к тому, что он — недотёпа и неумеха.

И только сейчас понял, что ничего у него не выходило вовсе не потому, что он простофиля, а потому, что у него совсем другое призвание. И призвание это — быть героем.

Сэр Кей, Усмиритель Троллей и Гроза Драконов, приканчивал четвёртый — или пятый? — кубок вина. У очага соловьём разливался менестрель, распевавший о великих подвигах храброго сэра Оуэна, Покорителя Великанов, штатного Героя соседнего королевства. Складно распевал; если бы сэр Кей не знал наверняка, что никаких великанов-людоедов не существует, а сам сэр Оуэн вот уж года два как не выходит мечом даже против учебного чучела, его бы наверняка взяли завидки — уж очень красочные истории выходили у менестреля!

Грохнув пустой кружкой по столу, сэр Кей подумал, что пора бы и ему заказать у местного трубадура новую балладу о своих подвигах, а то давненько тот не распевал ничего о его храбрости. Так и растерять репутацию героя недолго...

— Извините, — раздалось у него над ухом, — это вы герой?

Сэр Кей с трудом поднял голову — надо же, он и сам не заметил, как уснул! — и увидел над собой типично деревенское лицо — румяное, слегка дебелое, вихры растрёпанные, глаза восторженные.

— Ну я, — буркнул сэр Кей и ткнул на золотой горжет у себя под воротником — отличительный знак штатного героя. — Что, сам не видишь?

— О! — восхищённо выдохнул деревенщина и бесцеремонно уселся рядом. — А я как послушал у себя в деревне сказителя, так сразу понял, что быть героем — моё призвание. Скажите, как мне стать таким же, как вы?

Сэр Кей утёр слюну с подбородка, прикрыл глаза и поморщился. Восторженное многословие деревенского увальня отдавалось в голове болезненным эхом. Подоспела расторопная служанка, давно уже выучившая все его привычки, поднесла очередной — пятый? шестой? — кубок вина, к которому герой с облегчением приложился.

— Так что? — не отставал деревенщина. — Вы меня научите?

Сэр Кей тяжело вздохнул, поняв, что в покое его не оставят.

— Приходи завтра в штаб-квартиру, — умудрился выговорить он заплетающимся языком.

— А где штаб-квартира? — спросил деревенщина, но ответа не получил — сэр Кей взялся за кубок и уже ничего не слышал.

* * *

Штаб-квартиру Гэвин наутро нашёл, а вот героя в ней — нет. Зато нашёл головы самых разных чудовищ на стенах, а так же рыцаря, чей вид совершенно поразил его воображение: роскошный пурпурный плащ благородно ниспадает с плеч, грудь искрит сверкающими бляхами, ножны меча усыпаны драгоценными камнями.

— Сэр Готфрид, зам-героя, — представился сверкающий рыцарь. — Зачем пожаловал? Гэвин разинул рот. Он и не знал, что у героя, оказывается, есть заместитель!

Сэру Готфриду пришлось несколько раз щёлкнуть пальцами перед лицом Гэвина, чтобы тот, ослеплённый его блеском, пришёл в себя.

— На вашу деревню напал дракон? — предположил зам-героя. — Тролли топчут урожай? Вампиры девок по ночам портят?

— Э-э... Волки овец таскают, — сумел, наконец, ответить сбитый с толку Гэвин.

— Волки — это не по нашей части, — презрительно отмахнулся зам-героя. — Так что

тебе надо-то?

— Я вчера говорил с сэром Кеем, он велел прийти мне утром. Я тоже хочу стать героем.

— Вот как, — насутился сэр Готфрид. — А с чего ты решил, что достоин быть героем?

— Ну, как же, — принялся обстоятельно перечислять Гэвин, — сила у меня есть. Рост тоже. А ещё я сильный. И высокий. Отчего меня в герои не взять?

— И правда, отчего? — зам-героя подошёл к одной из тролльих голов на стене и указал на неё. — Видишь? Я вот этого тролля голыми руками удушил. Его — и ещё дюжину...

— Дюжину?! — восхищённо ахнул Гэвин, подходя поближе к голове.

— Дюжину, — нахмурился зам-героя, гадая, не насмехается ли над ним пришелец, и поспешил добавить: — В следующем месяце у трубадуров выходит новая баллада обо мне, в которой будут петь как раз об этом..

— Баллада, — мечтательно повторил Гэвин и протянул руку к трофею сэра Готфрида.

— Да, баллада. Но не суть. А ещё я обезглавил пять драконов и одолел семерых великанов-людоедов! Смыслишь? Дюжина троллей, пять драконов, семь великанов и восемь разных баллад — и то у меня до сих пор золотого горжета нет, всё в зам-героях хожу! А ты, видишь ли, сразу наметил в герои — без единой баллады и без единого Большого Подвига!

— Ой! — вскрикнул Гэвин; он случайно отломил у головы поверженного сэром Готфридом тролля ухо и теперь растерянно вертел его в руках. В месте разлома была видна глина. — Простите... А как мне совершить Большие Подвиги, чтобы меня в герои взяли?

Сэр Готфрид с досадой отобрал у деревенского увальня троллье ухо и проворчал:

— Как — как... Большие Подвиги, знаешь ли, на дороге не валяются!

— А, может, мне их тогда поискать?

— Ха! — раздался тут новый голос — это в штаб-квартиру явился сам герой — заспанный, помятый и раздражённый с похмелья. — Искать будешь, пока рак на горе не свистнет. Троллей под мостами мы, герои, давно извели, гоблинов разогнали, драконов распугали, дриад пере... хम्म... Словом, нету больше нечисти. А, значит, нету места и Большим Подвигам.

— Но если нечисти нет, зачем же вас тогда в должности держат? — простодушно ляпнул Гэвин.

Сэр Кей сначала даже опешил, а потом неторопливо поправил горжет под воротником, по которому любой признал бы в нём героя, и назидательно поднял палец:

— Никогда не знаешь, в какой миг появится нужда в герое! Мало ли что может случиться?

Словно в ответ на его слова двери штаб-квартиры распахнулись, и в них показалась запыхавшаяся физиономия.

— Беда! — закричала физиономия. — Часовня горит! Того и гляди огонь на всю улицу перекинется! На помощь!

Гэвин тут же приготовился бежать, тушить, спасать, но, обернувшись на героев, замер.

— Вы чего? Пожар же!

— Пожар тушить любой дурак может, — равнодушно пожал плечами блестящий сэр Готфрид. — А мы — герои.

— Да-да! — согласился сэр Кей. — Сам подумай — вдруг прилетит дракон? А я после пожара весь такой усталый...

С улицы донёсся заполошный звон колоколов.

— Ну, ладно, вы — герои. Но мне-то можно? — спросил Гэвин. — Сгорит ведь город-

то!

— Отчего нет? — пожал плечами сэр Кей. — Ты не герой, тебе можно.

* * *

В штаб-квартиру Гэвин вернулся к окружению женщин, которые наперебой благодарили сэра Кея за то, что тот послал им такую подмогу

— Я тут подумал, — робко осведомился Гэвин, утираясь рукавом и размазывая сажу по лицу, — может, вы возьмёте меня к себе хотя бы в помощники?

Сэр Кей молча перевернул над кружкой кувшин, но из него не вылилось ни капли вина. А сэр Готфрид подбоченился:

— Ишь что удумал! Такой пожар и на пол-подвига не потянет.

— Да при чём тут подвиг? — махнул рукой Гэвин. — Главное, пламя потушили да ребяташек из огня вытащить успели...

— Так и быть, — перебил его тут сэр Кей, ставя на стол опустевший кувшин, — можешь остаться у нас помощником. Будешь его, — он ткнул пальцем в сэра Готфрида, — замом. Моим зам-замом. Покрутишься рядом, может, наберёшься ума-разума, поймёшь, что это такое — быть героем. А там, глядишь, и оказия подвернётся Большой Подвиг совершить...

— Спасибо! — обрадовался Гэвин.

— А пока вот тебе для начала первое важное поручение, — распорядился герой. — Сгоняй-ка в соседний трактир и принеси мне кувшин их лучшего вина.

Гэвин с места не сдвинулся.

— Ну, чего ждёшь? — удивился сэр Кей.

— Так это... У меня денег нет.

Сэк Кей раздражённо вздохнул, а зам-героя насмешливо протянул:

— Ох, учиться тебе ещё, дурню, и учиться! Да кто ж с героя деньги за вино брать станет?

* * *

С того дня Гэвин начал исправно постигать, что это такое — быть зам-замом героя. Он приносил сэру Кею вино и полировал сэру Готфриду доспехи, ходил к казначею за геройским окладом и бегал за городскими трубадурами, когда герой и его зам желали заказать новые песни о своих славных подвигах. Он помалкивал, когда сэр Кей и сэр Готфрид возмущались, что трубадуры задирают за баллады слишком высокую цену, и старательно внимал, когда те критиковали подвиги героев соседних королевств.

— Вот скажи мне, Гэвин, — выпив кувшин-другой вина, пускался в наставления сэр Кей, — что отличает героя от обычного человека?

— Храбрость? — подумав, выдвигал предположение деревенский увалень.

— Ха! Храбрость! — усмехался герой. — Нет! Героя отличает отличительный знак! Вот, видишь? — тыкал он пальцем в золотой горжет у себя на груди.

— Вижу, — соглашался Гэвин.

— То-то же! — довольно заключал сэр Кей. — По нему всем видно, что я — герой.

Ещё при каждой удобной оказии Гэвин жадно расспрашивал об обстоятельствах, при которых были получены трофеи, красовавшиеся на стенах штаб-квартиры. А удобная оказия

предоставлялась каждый раз после примерно третьего кувшина вина. Герой и его зам переглядывались и, пряча улыбки, поучали деревенского простофилю.

— Тролли — чудища очень крепкие, простым ударом меча их не одолеть, — важно говорил один. — Но мало кто знает, что у тролля есть язвимое место — прямо за левым ухом. Если треснуть туда рукоятью меча, тролль рухнет, как подкошенный.

— А если доведётся тебе с вампиром столкнуться, то помни, что нет для него ничего страшнее, чем если ты укусишь его за нос, — вступал в разговор другой. — Действительнее осинового кола в грудь; от укуса в нос вампир сразу дуреет, и можешь брать его голыми руками.

— Гоблинам же следует отвешивать крепкий щелбан прямо меж глаз, — продолжал сэр Кей и лукаво подмигивал своему заму. — У них там местечко нежное, щелбан их сразу с ног валит. Я так в своё время в целой бандой разделался.

— А дракон? — замороженно спрашивал Гэвин.

— А вот с драконом разговор особый, — отвечал сэр Кей. — Когда бьёшься с драконом, нужно пробраться ему за спину, задрать хвост и вонзить копьё сам понимаешь куда по самое некуда — там у драконов самое язвимое место, это я тебе точно говорю!

— Но с дриадами сложнее всего, — расплывался в широкой улыбке сэр Готфрид. — Дриады ох какие ненасытные, чтобы их угомонить, никакое оружие не поможет, только особая мужская мощь. Смыслишь, о чём я?

Гэвин не смыслил, но согласно кивал, не желая сердить героев. Кивал, слушал поучения, постигал науку геройства — и всё ждал, когда же появится удачный момент для того, чтобы совершить Большой Подвиг.

А пока, в ожидании Большого Подвига, Гэвин не гнушался разными малыми негеройскими делами. То пьяную драку в кабаке остановит, то с постройкой сгоревшей часовни подсобит, то телегу перевёрнутую с перекрёстка убрать поможет, то перепуганную кошку старушки-зеленщицы с дерева снимет.

Спустя некоторое время у горожан как-то само собой вошло в привычку приходить в геройскую штаб-квартиру и просить Гэвина о помощи в делах, ради которых, в силу их незначительности, они никогда не осмелились бы беспокоить самого героя или даже его зама. А Гэвин никогда не отказывал.

* * *

В начале месяца Гэвин явился к казначею за окладом для героя, и тот сверх геройского оклада выдал ему пять золотых.

— Король распорядился отдать их лично тебе, — пояснил он помощнику героя. — За тех грабителей, что ты в подворотне поймал. Они давно нам покоя не давали!

Ошарашенный Гэвин только кивнул. Он и впрямь недавно ночью возвращался из трактира с очередным кувшином вина для сэра Кея и услышал крики о помощи. Оказалось, разбойники грабили прохожего. И хоть их было четверо, а Гэвин совсем один, силушка его, из-за которой в родной деревне он вечно попадал впросак, тут очень пригодилась.

То и дело неверяще трогая золотые монеты у себя в кармане, Гэвин вернулся в штаб-квартиру — и застал героя в ярости.

— Что значит нет песни? — кричал он на трубадура.

Невысокий полноватый мужчина с цитрой в руке и затейливой шапочкой на голове

спокойно пожал плечами.

— Нет подвигов — нет песни. А просто придумывать вам новые геройства я больше не могу, у меня воображения уже не хватает.

— Да ты знаешь, с кем ты вообще разговариваешь? — вопил герой и тряс золотым горжетом. — Да ты знаешь, какое у меня славное прошлое? Садись и слушай, сейчас я тебе расскажу, как я попал в пещеру к мантикоре...

— Я, конечно, послушаю, — вежливо перебил трубадур, — но только имейте в виду, моя ставка повысилась, теперь это тридцать золотых за новую балладу и пять исполнений в черте городе. Если хотите с выездом в другие города, то это отдельная ставка плюс дорожные расходы.

Герой побагровел — и выгнал зарвавшегося трубадура едва не взайшей.

А вечером, в таверне, тот же трубадур в затейливой шапочке вдруг пропел весёлую песенку о том, как один храбрец схватился с целой бандой опасных разбойников, от которых горожанам житья не было, и вышел из этой славной схватки победителем.

Смолкли последние аккорды, завсегдатаи таверны радостно завопили, приветствуя творение певца, а потом дружно отсалютовали Гэвину полными кружками.

От неожиданности Гэвин раскрыл рот.

— Это что, про меня, что ли? — запоздало сообразил он.

Но обрадоваться не успел.

— Что, так хочется скорее стать героем, что уже заказал балладу о своих ничтожных подвигах? — изогнул брови сэр Готфрид.

— А меня больше другое интересует, — процедил сэр Кей. — Я — герой, и даже у меня заплатить за новые баллады золота не всегда хватает! А у тебя-то такие деньжищи откуда?

— А я н-ничего им не платил, — заикнувшись, ответил Гэвин. — Честное слово!

— Так я тебе и поверил! — прогрохотал сэр Кей. — В честь чего бы это певцы тебе за бесплатно баллады слагали, когда они даже мне этого не делают?

* * *

На следующий день напряжённую атмосферу штаб-квартиры разрядило появление королевского посыльного.

Гэвин привычно поднялся, готовый вытащить ребёнка, свалившегося в колодец, усмирить взбесившуюся лошадь или разнять сцепившихся меж собой уличных бандитов, но гость его удивил:

— Приятель, будь добр, позови-ка мне героя!

Сэр Кей явился несколько минут спустя — заспанный, недовольный и мятый с похмелья. Чуть позади держался как всегда блестящий сэр Готфрид.

— Сэр Кей, к северу от города появился дракон!

— Так драконов же лет сто как никто не видел, — удивлённо сморгнул герой.

— Ну, а вот теперь увидели.

Сэр Кей вопросительно обернулся к своему заму, и тот непроизвольно сделал шаг назад.

— Нет-нет, сэр Кей, что вы, это такая честь — сразиться с драконом! Кто как не вы этого достоин! — пробормотал зам-героя.

— Я, конечно, достоин, но я же не слепой, я вижу, как ты на мой горжет смотришь. Так что вон он, твой шанс получить геройский знак отличия!

— Нет-нет, что вы, — вежливо, но настойчиво возразил сэр Готфрид. — Это же вас называют Грозой Драконов, на вашем счету их, если я не ошибаюсь, с десятков.

— Одиннадцать, — встрял тут Гэвин. — Я все баллады про ваши подвиги слушал и всех драконов пересчитал, — смущённо пояснил он.

— Вот видите — одиннадцать! — подхватил зам-героя. — А среди них был и легендарный трёхглавый дракон! Нет, лучше вас никому не справиться!

Герой склонил голову вбок и прищурился.

— А я думаю, давно уже пора тебя в полноценные герои выводить, сколько ж замах-то ходить?

— Никаких проблем, я могу подождать!

— Сэр Кей, сэр Готфрид, — напомнил тут посыльный, — король ждёт!

— Да слышал я! — процедил герой. — Мы уже выезжаем.

* * *

Собрались быстро, небольшая заминка случилась только когда сэр Кей не сразу вспомнил, где лежат его геройские латы, а когда их, наконец, отыскали на пыльном чердаке, не сразу в них влез — видимо, от лежания латы подсели и стали немного тесны.

На высоком холме с севера от города уже разбили шатёр для короля — тот собирался с первого ряда наблюдать за схваткой героя с драконом. Вокруг него собрались придворные и трубадуры.

Дракон тоже был тут так тут — летал вдали над полями, периодически пыхал пламенем и хищно пикировал вниз, чтобы схватить и сожрать очередную зазевавшуюся овцу.

Герой с замом и младшим помощником остановился рядом с королём и некоторое время внимательно рассматривал дракона, рассеянно поглаживая свой золотой горжет. Зам-героя замер рядом и мертвой хваткой стискивал поводья белого скакуна; несведущие могли бы даже принять его напряжение не за боевую сосредоточенность, а за сильный испуг. Гэвин скромно держался позади.

— Это виверн, — заключил, наконец, сэр Кей. — Видите, ваше величество? Он серый, и у него хвост раздвоенный.

— Вижу, — согласился король, не понимая, к чему клонит герой.

А на вид — обычный дракон, — подумал Гэвин, когда виверн срыгнул пламенем и зажарил ещё одну овцу. Но благоразумно промолчал.

— Так вот, вивернами я не занимаюсь, — пояснил сэр Кей.

— Не понял?

— В должностной инструкции штатного героя чётко прописаны его обязанности. Драконы, тролли, вампиры, гоблины, дриады, оборотни... Вивернов среди них нет.

— Не понял, — медленно повторил король, — ты хочешь сказать, что отказываешься с ним сражаться?

— Я занимаюсь только Большими Подвигами, — отчеканил сэр Кей, — и не могу марать свою репутацию не-геройскими делами. Но вот сэр Готфрид — он всего лишь зам-героя, и он может...

— Нет, нет, нет! — воскликнул сэр Готфрид. — Я ведь хочу стать полноценным героем, а как я им стану, если буду нарушать инструкцию и размениваться на не-геройские дела?

Король нехорошо прищурился и только было собрался что-то сказать, как тут Гэвин

выпалил:

— Можно я попробую? Я ж не герой, мне можно и без инструкции...

— А ты умеешь сражаться с драконами? — засомневался король.

— Умею, ваше величество! — радостно воскликнул Гэвин. — Меня сэры Кей и сэры Готфрид всему научили! И про драконье язвимое место всё рассказали! Они знаете какие умные и храбрые, они всё знают!

Герой и зам-героя виновато переглянулись, вспоминая, чего они насочиняли по пьяни деревенскому простофиле. Но прежде чем его успели остановить, Гэвин выхватил у сэра Кея копьё и рванул навстречу дракону.

* * *

— Что он делает? Что он делает? — то и дело восклицал король, глядя, как Гэвин кружит вокруг виверна, пытаясь зайти тому за спину, и ловко уворачивается от раздвоенного хвоста и струй пламени.

Герой и зам-героя мрачно переглянулись. Они-то точно знали, что делает их помощник.

— Зачем он зашёл ему за спину? — король в волнении подскакивал на своём походном троне и заламывал руки. — Зачем задирает ему хвост? Он что, собирается... Ой!

Все непроизвольно зажмурились.

Раздался жуткий вой виверна.

Несколько мгновений спустя его величество решился приоткрыть один глаз — и снова зажмурился, увидев, как Гэвин старательно запикивает копьё поглубже — для верности.

Когда стало совершенно очевидно, что виверн повержен окончательно и бесповоротно, Гэвин бодро направился к холму. Круглое, деревенское, слегка дебелое лицо сияло, глаза горели восторженным огнём.

— Всё так, как вы и сказали! — прокричал он издали сэру Кею. — Как только я воткнул копьё в язвимое место, виверн тут же и подох!

— Если в такое место копьё засунуть, кто хочешь подохнет, — передёрнул плечами король. — Но всё-таки каков храбрец! Это ж надо — суметь так к дракону подобраться!

— К виверну, — поправил сэры Готфрид.

А сэры Кей, услышав восхищённые нотки в голосе короля, обеспокоился. Да тут ещё и трубадуры начали что-то брэнчать на своих цитрах — явно собирались слагать новую балладу — и про Гэвина!

И тогда герой нарочито небрежно пожал плечами и громко сказал:

— Что ж, дуракам везёт!

Король смерил сэра Кея задумчивым взглядом, а потом требовательно протянул руку и приказал:

— Горжет!

— Что? — воскликнул герой, хватаясь за свой отличительный знак.

— Горжет, — повторил король. — Ты же сам говоришь, что именно горжет отличает обычного человека от героя. Значит, и носить его должен герой.

— А как же я?

Король не удостоил его ответом.

Сэры Кей неохотно снял свой знак отличия и проворчал:

— Но он ведь даже не совершил ни одного Большого Подвига!

— Пока вы двое ждали Большие Подвиги, он успел совершить уйму маленьких, — ответил король и надел золотой горжет на ошалевшего младшего помощника героя.

— Это что — я теперь штатный герой? — не поверил Гэвин.

— Нет, — ответил король. — Штатным героем был сэр Кей. А ты — герой настоящий... сэр Гэвин.

Небывалица восьмая — Писарня господина Завирайло-Охлобана

Закрыв дверь за последним посетителем, Лексан Паныч уселся за рабочий стол и мрачно уставился в сгустившиеся за окном сумерки. Вот опять начинается это. Уже который вечер его душу бередают непонятные, незнакомые ему чувства. Они вызывают тянущее беспокойство и какую-то смутную потребность, отказывающуюся принимать чёткие формы. В воображении возникают странные картины толстых чёрных котов в пенсне, наглых рыжих девиц в кокетливых фартучках и двух глаз, одного с золотою искрой, сверлящего до дна души, и другого — пустого и чёрного, как выход в бездонный колодезь.

Поглядев некоторое время на собственное отражение в мутном стекле окна, усталый лекарь-амуролог вздохнул и, не умея по-другому справляться с этим (и, положа руку на сердце, любым другим) беспокойством, достал из стеклянного шкафа в углу графинчик медицинского спирта.

Знает ли кто, откуда берутся идеи?

Нам известны только люди, воплощающие идеи в жизнь. Дедал и Икар создали крылья, Гутенберг — печатный станок, Белл — телефон, а Ординер — абсент. Но откуда к ним пришли эти идеи? И почему — именно к ним?

Только сами идеи знают, откуда они родом.

И только сами идеи могут объяснить, почему они выбирают того или иного человека.

Бывшая швея Мариана Остич, а для друзей просто — Маша не очень понимала, что случилось. В один момент она прилежно переписывала нудный трактат какого-то штабного полковника о нюансах военных подкопов в мирный период, в другой — вдруг обнаружила, что свеча давно догорела, за окном — рассвет, а на столе перед ней — целая стопка исписанных страниц, но — о, ужас! — это вовсе не нудные Нюансы.

— Только не это! — испуганно воскликнула Маша. Владелец писарни и солидного носа господин Завирайло-Охлобан ещё как бы и не принял её на работу.

— Женщины не могут быть хорошими писцами, — важно изрёк он.

Но всё-таки поддался на уговоры девушки и согласился взять Машу копировщицей, если она докажет, что у неё и впрямь хороший почерк, и что переписывает она действительно так быстро, как утверждает. Протянул ей трактат и сказал:

— Если справишься до завтра, работа твоя.

Маша без колебаний согласилась. Впереди — весь вечер и вся ночь, она быстро пишет. Она успеет.

И вот вместо копии трактата перед ней текст, не имеющий ничего общего с военными подкопами; на исписанных её почерком листах разворачивалась какая-то странная история о сумасшедшем патологоанатоме, сшившем из частей разных трупов человека, которого оживил удар молнии. И было это создание так безобразно, что патологоанатом в ужасе бежал из города. А сшитый им человек пустился вслед за своим создателем...

Маша очнулась, только дочитав последнюю страницу, и в отчаянии закрыла лицо руками — что она делает? Уже через полчаса господин Завирайло-Охлобан ждёт копию Ньюансов, а она, вместо того, чтобы попытаться наверстать упущенное, читает непонятно откуда взявшуюся историю!

Девушка собрала скопированные страницы трактата и покачала головой: пачка настолько тонкая, что сразу видно — здесь едва ли четверть работы. Ну, вот и всё, конец её так и не начавшейся карьеры копировщицы.

А что если...

Движимая внезапным порывом, Маша взяла страницы с неизвестно откуда взявшейся историей про ожившего мертвеца и положила под листы с текстом Ньюансов. Теперь стопка смотрелась солидно, как раз такого же объёма, что и трактат. Возможно, господин Завирайло-Охлобан проверит только первые страницы и удовлетворится этим. И даст-таки ей работу. А уж там она его не подведёт.

Если бы идеи могли говорить с людьми, возможно, они рассказали бы о том, что бок о бок с нашей реальностью существует невидимый мир бесчисленных идей, главная и единственная цель существования которых — дожидаться, когда откроется дверь между двумя мирами, и пройти через неё, чтобы поселиться в голове у выбранного ими человека.

И не будет покоя человеку, в голове которого поселилась идея, до тех пор, пока он не воплотит её в жизнь.

Лексан Паныч выглянул в коридор. Всё, на сегодня пациентов больше нет.

Лекарь-амуролог прикрыл дверь и вздрогнул — посреди кабинета покачивалась в воздухе слегка прозрачная наглая рыжая девица из тревожащих его видений.

Допился, — подумал Лексан Паныч и бросился к шкафчику с медицинским спиртом, не размышляя о том, что собирается лечить болезнь тем самым средством, что её вызвало. Достал бутыль, дохнул в гранёную стопочку.

Поднял глаза. Слегка прозрачная девица по-прежнему парила в воздухе, нагло глядя на лекаря-амуролога. Почему-то почувствовав себя крайне неловко, Лексан Паныч достал вторую стопочку и взялся за бутыль.

— Это водка? — спросила вдруг девица.

— Помилуйте! Разве я позволил бы себе налить даме водки? Это чистый спирт! — возмутился лекарь-амуролог и вдруг застыл, подумав — а фраза-то получилась хороша! Повинуясь внезапному порыву, он подвинул к себе чистый лист и записал её...

Раннее утро и рассерженная жена застали Лексана Паныча в рабочем кабинете лекарни за стопкой исписанных листов.

Готовая закатить пьющей скотине скандал, супруга лекаря-амуролога с удивлением наблюдала за мужем, вдохновенно водившим пером по бумаге и время от времени восклицавшим что-то вроде: Урежьте марш! или Да, да, плащ непременно с кровавым подбоем!

Жену Лексан Паныч не замечал.

Рядом со стопкой исписанных страниц стояла непочатая бутыль медицинского спирта.

Господин Завирайло-Охлобан, поджав губы, придирчиво рассмотрел первые несколько страниц трактата, потом отодвинул стопку листов в сторону и коротко кивнул Маше:

— Второй стол у окна слева.

Девушка просияла — ура, её взяли! Теперь она — копировщица!

Про то, что под какими-то двадцатью страницами текста Ньюансов лежали листы с историей про ожившего мертвеца, Маша на радостях просто позабыла.

Как узнать, что это — настоящая любовь? — испокон веков допытываются люди.

Как понять, что этот автор — твой? — от начала времён вопрошают книги.

И ни люди, ни книги не могут найти ответа до тех пор, пока не встречаются того самого, любимого и единственного, с которым готовы провести всю оставшуюся жизнь. И только тогда они ясно и отчётливо понимают: вот она — настоящая любовь, вот он — мой автор.

А бывает, что ни люди, ни книги так и не находят свою половину. Сходятся с кем-то, притираются, живут, как умеют. И мечтают о чуде, которое для них так и не произошло.

Взъерошенный секретарь ворвался в кабинет господина Завирайло-Охлобана и принялся возбуждённо махать руками. Как ни старалась сидевшая за столом у окна Маша, она не сумела расслышать ни слова, хотя ей и было очень любопытно.

Вздохнув, девушка вернулась к работе — переписыванию монографии Изысканные рецепты лечения повреждённой лодыжки.

— Мариана! — вдруг услышала она грозный окрик. — Немедленно в мой кабинет!

Оказавшись перед столом господина Завирайло-Охлобана, девушка сразу же увидела, что перед ним лежит её копия трактата О нюансах военных подкопов в мирный период, та самая, в которую она подложила историю об ожившем мертвеце для объёма.

Вот и вскрылся мой обман, — печально подумала Маша и попрощалась с только что обрётённой работой.

— Пришёл заказ на ещё двадцать копий, — с явным недоумением в голосе заявил господин Завирайло-Охлобан и как-то растерянно добавил: — Почерк им, что ли, твой понравился? В общем, бросай всё, что делаешь, и начинай работать над копиями.

Девушка машинально приняла протянутый ей трактат и прикусила нижнюю губу, размышляя, как ей быть. Признаться?

— Господин Завирайло-Охлобан, — осторожно спросила она, — Мне что, вот прямо вот с этого самого трактата копии делать?

— Ну, а с какого же ещё?

— Да, действительно, — пробормотала Маша и направилась к своему столу. Так что же, ей и впрямь переписывать ту историю про ожившего мертвеца?

— Двадцать копий, вы только подумайте! И вот за эту ахинею? Ничего не понимаю, — доносилось ей вслед бормотание господина Завирайло-Охлобана.

Хроники бросился к двери в реальность, как только услышал, что она открылась. Но,

разумеется, не он один был такой умный — перед дверью уже собралась огромная очередь. Хроники разочарованно вздохнул и — делать нечего — пристроился в хвост.

Желающие пройти в реальность прибывали с немислимой скоростью; толпа разрасталась на глазах. Ожидание обещало быть долгим.

— Не знаете, много уже через дверь прошло? — раздался позади чей-то голос, и Хроники обернулся. За ним пристроился какой-то приключения.

— Да я даже не знаю, сам буквально пару минут назад подошёл.

— Немного, — вмешалась стоявшая перед ними подростковая книга. — Пара классиков, кто-то из фантастики, детектив и, представляете, одна эротика пролезла! Ах, да, и ещё один из этих... — она неопределённо взмахнула рукой и закончила с оттенком брезгливости: — Ну, знаете, смешанного жанра.

Хроники не относил себя к поборникам чистоты жанра, но решил не комментировать.

— Имя у него ещё дурацкое, то ли Создатель-и-Мегги, то ли Творец-и-Марго, — продолжила подростковая книга голосом, исполненным такого презрения, что Хроники не выдержал:

— А вас саму-то как зовут?

— Мальчик-Волшебник-и-Магический-Камень, — гордо ответила подростковая книга и важно добавила: — Попомните моё слово, когда я попаду в реальность, я произведу там фурор.

Хроники оценивающе оглядел собеседницу, отметил самый обычный конфликт и ничем не выдающуюся кульминацию и подумал, что рассчитывать на фурор со столь заурядной внешностью несколько самоуверенно. Но промолчал.

— Скажите, а вы уже нашли своего автора? — вдруг спросил у него приключения.

— Есть у меня на примете пара человек, — уклончиво ответил Хроники, хотя автора приглядел себе уже давно. Но ведь не будешь же о таком личном — и первому встречному.

— А я вот пока не определился, — вздохнул приключения. — Кстати, меня зовут Последний-из-Индейцев.

— Хроники-не-родившегося-мира... И не переживайте, вы ещё успеете найти своего автора, время, судя по всему, есть, — приободрил Хроники, указывая на гигантскую очередь.

— А как вы поняли, что выбранный вами человек — именно ваш автор? — продолжал расспросы приключения.

Хроники задумался и пришёл к выводу, что есть некоторые вещи, которые просто невозможно облечь в слова так, чтобы передать всю суть и всю глубину... Какая ирония: у книги — и нет слов.

— Вы когда-нибудь влюблялись? — спросил он, наконец, у Последнего-из-индейцев и, не дожидаясь ответа, продолжил: — Это в чём-то похоже. Пока ты не нашёл своего автора, ты гадаешь, он это или не он. Смотришь на его словарный запас, оцениваешь воображение, отмечаешь уровень креативности, трудолюбие и упорство, измеряешь образность мышления, взвешиваешь восприимчивость к вдохновению. И всё продолжаешь оценивать и гадать, потому что не уверен. А когда находишь своего автора, на тебя словно снисходит знание: это — он.

— А если ошибёшься? — отчего-то шёпотом спросил Последний-из-Индейцев. — Если ошибёшься и уйдёшь не к тому автору — что тогда?

— Не знаю, — честно ответил Хроники. — И надеюсь никогда не узнать.

Отличающийся нахальными манерами и прыщами на лице, юный гувернёр Станька, а для школяров — Стантин Ксаныч Бысь всерьёз беспокоился за своё душевное здоровье. Последние несколько дней с ним приключилось сразу несколько странных приступов: на некоторое время он словно терял сознание, а когда приходил в себя, обнаруживал, что перед ним лежат исписанные его почерком листы бумаги.

Болезнь прогрессировала — если во время припадков под рукой не оказывалось бумаги, то гувернёр исписывал салфетки, бумажные обои, скатерти и даже собственную левую руку.

Написанное во время приступов приводило Станьку одновременно в восхищение и ужас. В восхищение, потому что ему очень нравились увлекательные истории о таинственных преступлениях и о блестящем сыскаре, раскрывающем их. В ужас, потому что в разгар самых напряжённых расследований в тексте вдруг ни с того ни с сего появлялись чрезвычайно интимные сцены, например, следы взлома были почти незаметны, и сыскарь, достав лупу, стиснул её в страстных объятиях. Дальнейшие описание были столь подробными и красочными, что юный гувернёр, имеющий, несмотря на нахальные манеры, сугубо теоретические познания о такого рода отношениях, неловко краснел и мучительно ёрзал на стуле.

И истории про сыскаря, и смущающие Станьку интимные сцены были написаны его почерком, и ему оставалось только гадать, кто же управляет его рукой во время писарных приступов. Не иначе — демон. А скорее всего — даже два.

— Мариана, что это такое? — загромыхал над девушкой голос господина Завирайло-Охлобана.

Маша подняла взгляд и увидела в руках у владельца писарни последние две копии Ньюансов, которые она сдала только сегодня утром.

— Я спрашиваю, откуда там взялась эта история? — продолжал греметь владелец писарни, и сердце девушки ухнуло вниз. Ну, вот теперь точно всё, её обман раскрылся.

— Я не знаю, — со слезами в голосе ответила Маша. — Я переписывала Ньюансы, а потом вдруг — раз! — и я прихожу в себя, а передо мной исписанные моей рукой листы, а на них — эта история.

Господин Завирайло-Охлобан крепко задумался; над столом девушки сгустилась напряжённая тишина. Вытерпев, сколько смогла, Маша не выдержала:

— Вы меня теперь уволите?

— Нам пришёл заказ на целых двести копий Ньюансов, — невпопад ответил владелец писарни. — Они расходятся по городу с удивительной скоростью! И, поверь мне, девочка, — вдруг перешёл он на проникновенный тон, — их заказывают не потому, что кому-то интересно читать про военные подкопы. Их заказывают из-за этой истории про мертвеца. Я уже приказал выкинуть первые двадцать страниц, тех, что из Ньюансов — они ведь никому не нужны, и нанял полдюжины новых писарей-копировщиков, потому что, чуёт моё сердце, скоро нам поступят новые заказы.

Из всех рассуждений господина Завирайло-Охлобана Маша слышала только то, что он нанял шесть новых писарей, и поникла.

— Я больше не буду работать у вас копировщицей, да? — обречённо спросила она.

Владелец писарни отстранённо ответил:

— Нет, копировщицей ты больше не будешь, — и, заметив, как переменялась в лице девушка, добавил: — Мне нужно, чтобы ты сочинила новые истории. Такие, чтобы нам заказывали десятки и десятки копий. Это же золотая жила!

— Но я не знаю, как это произошло! — не на шутку перепугалась Маша. — Это просто случилось, я тут ни при чём! Я не смогу...

— Сможешь, — оборвал её господин Завирайло-Охлобан. — Ты уже приманила одну книгу — сможешь приманить и другие.

Лексан Паныч забросил пациентов, регулярно забывал ужинать, а порой и возвращаться домой. Обеспокоенная жена с тревогой наблюдала за тем, как её супруг либо запойно исписывает страницу за страницей, либо яростно комкает листы и разбрасывает их по комнате, приговаривая Не то, всё не то!

Попытки отвлечь врача-амуролога от его одержимости ни к чему не приводили.

Когда-то искренне считавшая, что не может быть худшей напасти, чем пьянство, супруга Лексана Паныча начинала сомневаться в верности своего суждения.

Исписавший во время повторяющихся приступов все стены и простыни в своих комнатах, юный гувернёр отчаялся найти помощь у лекарей и подался к экзорцисту, хоть молва и ославила того шарлатаном. Принёс ему одну из написанных во время приступов историй, самую любимую, про окружённый болотами старинный замок и бродящий по нему призрак злой собаки, с неизменными неуместными сценами страсти — куда же без них? — и спросил:

— Что со мной?

— Я вижу дверь, открывшуюся в наш мир, — закатив глаза так, что стали видны только белки, загробным голосом затянул экзорцист. — И за дверью этой — несметное число духов под названием книги, только и ждущих, как бы прорваться в наш мир и захватить чьи-то души. Твоей душой завладело сразу двое, и они борются за тебя между собой, вот почему строки о сыскаре у тебя перемешиваются с... сам знаешь чем.

— И что же мне теперь делать? — не на шутку встревожился юный гувернёр. — Вы можете этих духов изгнать?

— Зачем? — совершенно нормальным голосом ответил экзорцист, возвращая глаза в положенное им состояние.

— Что значит — зачем?

— Пользуйся ими!

— Как?

Экзорцист достал из-под стола рукопись, на титульной странице которой было старательно выведено: Френки Штейн или история ожившего мертвеца. Ниже, более мелкими буквами: Сочинено Марианой Остич, а под этой строчкой: Скопировано в писарне многоуважаемого господина Завирайло-Охлобана.

— Неси всё, что написал, в писарню господина Завирайло-Охлобана. Книгу про Френки Штейна уже раскупила сотня человек — ты хоть понимаешь, сколько роялти на этом заработал тот, кто сочинил и записал эту историю?

Экзорцист не знал, что заработал на Френки Штейне только господин Завирайло-

Охлобан, а Мариана Остич и понятия не имела про роялти и получала жалование простой копировщицы. Впрочем, справедливости ради стоит добавить, что про существование роялти не знал и господин Завирайло-Охлобан.

Станька же не знал, что Мариана Остич и господин Завирайло-Охлобан не знают про роялти, и потому его немедленно согрели мысли о деньгах, которые он получит за сто копий проданных книг. Сто копий! Это же можно будет навсегда уйти из гимназии и никогда больше не таскать за уши горластых непоседливых школяров!

— Только маленький совет, — продолжал тем временем экзорцист, — Раздели написанное в две разные рукописи. Ну, не идут они вместе, все эти восставшие жезлы и набухшие перси с сыскарями в болотах и призрачными собаками.

Недовольство — опасная вещь. Именно из озвученного в нужном месте и в нужное время недовольства рождаются массовые беспорядки, восстания и революции.

Уже довольно давно Хроники слышал недовольный гомон где-то позади, но сейчас тот стал стремительно нарастать.

— Дамские романы бунтуют, — пояснила Мальчик-Волшебник, заметив обеспокоенность Хроник — она как-то умудрялась всегда быть в курсе событий.

— Почему?

— Считают, что происходит жанровая дискриминация, и именно поэтому их задвинули так далеко в хвост очереди.

— Глупость какая! Никто их не задвигал, просто они позже пришли. Кто приходит последним, всегда встаёт в конец очереди. Всё справедливо.

— Вот пойд и попробуй им это объяснить, — предложила Мальчик-волшебник.

Хроники прекрасно понимал её сарказм. Это только кажется, что все хотят одной справедливости для всех. А когда по справедливости ты вдруг оказываешься в самом конце, эта справедливость резко становится несправедливой, и ты требуешь себе другую справедливость. Ту, которая поставит первым тебя.

— А чего они хотят?

— Чтобы их пропустили вне очереди, конечно.

Господин Завирайло-Охлобан довольно потирал руки — таких доходов писарня ещё никогда не видела!

Чтобы справиться с потоком заказов на ожившего мертвеца, владелец писарни придумал хитрую вещь — подкладывал между двумя страницами тонкие вощёные листы, натёртые углём. Писарь водил пером по верхней странице, а через угольный листок отпечаток текста появлялся на нижней, и копирование шло в два раза быстрее. Угольная копия, конечно, была качеством хуже, и приходилось продавать её дешевле, но, что интересно, разбирали их даже скорее хороших.

За последнюю неделю в писарне заказали ещё три сотни копий Френки Штейна, и господин Завирайло-Охлобан был абсолютно счастлив. Однако он прекрасно понимал, что эксплуатировать историю про ожившего мертвеца до бесконечности не удастся. Это всё равно что театральной труппе показывать одно и то же представление. Как ни хорош спектакль, рано или поздно он надоест, и зритель запросит что-то новенькое.

Потому школярного гувернёра с юношескими прыщами, нахальными манерами и заявлением, что у него есть рукопись, владелец писарни принял с распростёртыми объятиями.

— Отлично, отлично, — приговаривал он, изучая истории про гениального сыскаря. Потом голодным взглядом уставился на сумку в руках у гувернёра: — А, может, у вас ещё что есть?

Гувернёр вдруг покраснел от смущения и, помявшись, достал из сумки вторую рукопись. Пробежав глазами первые несколько страниц, покраснел уже господин Завирайло-Охлобан. Но не из-за смущения, а по иной причине. Вытер миглом вспотевший лоб и натужно дыша, сообщил:

— Полагаю, и это нам подойдёт.

Мысли владельца писарни пустились в галоп.

Надо как-то ещё ускорить копирование. Может, подкладывать две угольные страницы между тремя листами, и наказать копировщикам сильнее давить пером? Тогда будет сразу три копии. А копии нам очень нужны — на эту любопытную книгу спрос пойдёт на сотни, тут даже двумя дюжинами писцов не обойдёшься. И нужно придумать другое имя для автора. Броское, таинственное и заграничное. Например, Запретный сад сераля, сочинил барон во Хамм...

Громкое покашливание привело господина Завирайло-Охлобана в себя. Увлечшийся размышлениями, он с некоторым изумлением осознал, что перед ним по-прежнему сидит прыщавый гувернёр и чего-то ждёт.

— Ну, чего тебе ещё?

— Как насчёт роялти? — нагло осведомился юноша.

— А что это такое? — подозрительно нахмурился господин Завирайло-Охлобан. Почему-то он не был уверен, что ответ ему понравится.

И чем дольше разъяснял понятие роялти гувернёр, тем больше владелец писарни убеждался в правоте своего подозрения.

— Сорок процентов с первых ста копий и по двадцать пять со всех остальных, — уверенно закончил прыщавый гувернёр и добавил, словно почуяв сомнения господина Завирайло-Охлобана: — Или я забираю свои рукописи и несу частным писарям.

И владелец писарни сдался.

К громко возмущающимся вульгарным эротическим романам, жеманно называвшим себя дамскими, примкнули потрёпанные детективы и брутальные однотипные боевики. Вид у них был решительный и агрессивный.

Напряжение достигло той точки, когда взрыв стал неизбежностью. Хроники ожидал его с минуты на минуту.

И взрыв случился — от эпицентра волнений отделилась небольшая группа дамских романов в окружении детективов и боевиков и рванула на штурм двери, силой распахивая стоявших перед ними.

Послушно дожидавшиеся своей очереди книги, как и все воспитанные и интеллигентные существа, оказались полностью беспомощны перед хамством. Штурмовая группа прошла сквозь плотную очередь как стрела сквозь стог сена. Вломилась в дверь, ведущую в реальность — и исчезла.

Несколько долгих вечеров Маша беспокойно вышагивала по своей каморке, мучительно размышляя над тем, как же приманивать книги. Девушка пыталась повторять всё, что делала той ночью, когда у неё написалась история про мертвеца — садилась за стол, разжигала свечу и принималась копировать Ньюансы. Не помогало.

И вот однажды, после очередного бесконечного дня обвиняющих взглядов господина Завирайло-Охлобана, так и вопрошающих Ну, где она, новая история? это просто случилось.

Когда девушка очнулась, она увидела, что перед ней лежит сразу несколько стопок листов с интригующими названиями: Убийство в ночи, Пропавший покойник и Скелет в шкафу.

Обрадованная Маша принялась знакомиться с плодами своего писарного приступа. Убийство она прочитала с интересом, Покойника — с некоторым недоумением, Скелет — с растерянностью. Хотя все три истории рассказывали о разных преступлениях, Маше все три показались удивительно похожими друг на друга.

Девушка долго раздумывала над тем, стоит ли нести хоть что-то из этих трёх рукописей в писарню. В итоге решила взять всё, а там уж пусть господин Завирайло-Охлобан решает.

В кабинет господина Завирайло-Охлобана попасть удалось не сразу — под дверь стояло с полторы дюжины лиц самого разного пошиба, нервно мнущих рукописи в руках.

Просто удивительно, сколько людей стали внезапно страдать писарными приступами! — подумала Маша.

Когда очередь дошла до неё, господин Завирайло-Охлобан только краем глаза глянул на заглавия и бросил рукописи расторопно подхватившему их секретарю.

— Для начала — сто копий каждой. Да, и под другим именем. Что-нибудь более соответствующее названиям. Скажем, Инесса Роковая.

— Вы что же — даже читать не станете? — удивилась Маша.

— Когда бы мне читать? — буркнул владелец писарни. — Ты видела, сколько народу ко мне прёт? И так — уже третью неделю! И все с рукописями! И какими! Путешествия великана, Тыща вёрст под водой, Гордость и предвзятость, Мир и война, Звезданутые пришельцы... Нет, милочка, у меня больше нет времени читать. Если я возьмусь читать, некому будет делать деньги... Всё, иди, пиши дальше, думаю, эти твои истории будут неплохо расходиться. И вот тебе, — спохватился господин Завирайло-Охлобан и, порывшись в ящике стола, достал небольшой кошелёк. — Держи, — протянул он деньги Маше.

— Здесь куда больше, чем зарплата копировщицы, — растерянно проговорила девушка.

— Больше, — согласился владелец писарни и, чувствуя себя умным и щедрым благотворителем, добавил: — Это называется роялти.

После прорыва группы эротических дамских романов, дешёвых детективов и однотипных боевиков перед дверью в реальность воцарился сдержанный хаос. Сдержанный — потому что некоторое время в очереди держалась видимость порядка, и в дверь проходили именно те, чей черёд подошёл. Хаос — потому что всё чаще и чаще некорые наглые книги прорывались без очереди.

Хроники только качал головой, глядя на этих грубиянов. Ни стиля, ни грации, ни понятий о правилах. Уважающей себя книге сначала полагается выбрать своего автора — настоящего и единственного. А эти? Прыг в первого попавшегося; похоже, им без разницы, лишь бы человек хоть самую малость владел грамотой — и вперёд, скорее писаться. И, что куда хуже — массово копироваться.

Увлекательные детективные истории про гениального сыскаря словно отрезало. Во время последних писарных приступов Станька писал лишь исключительно непристойные повествования, которые сотнями копировались в писарне господина Завирайло-Охлобана под именем барона во Хамма и расхватывались, словно горячие пирожки.

Появляющиеся из-под пера красочно-неприличные опусы обеспечивали стабильные роялти, но каждый раз, приходя в себя после приступа и с любопытством читая написанное, Станька в глубине души почему-то жалел, что к нему больше не приходят так понравившиеся ему истории про гениального сыскаря. И гадал, что бы ему такое сделать, чтобы снова их приманить.

— Э-эх, бестолочь! Ну, как есть бестолочь, — приговаривала жена Лексана Паньча, дочитывая очередную дешёвую угольную копию из писарни господина Завирайло-Охлобана. — Вон сколько сочинителей развелось, и все копируются. Небось, и денежки им за это капают. А ты? Пишешь, пишешь — и всё без толку! Допиши, что ли, уже хоть что-нибудь и пойдёшь сдать в писарню, мож, и будет какой прок от твоего бумагомарания. Или уж брось и вернись в лекарню — на что нам жить-то?

Безнадёжно пленённый образами двух разноцветных глаз, толстых чёрных котов и плащей с кровавым подбоем, Лексан Паньч только с досадой отмахивался от причитаний жены и лишь иногда отзывался:

— Ты не понимаешь, я должен найти только самые правильные образы! Одно неверное слово — и всё испорчено. А она мне этого не простит.

— Она — это кто? — спрашивала жена.

— Моя книга, — с благоговением в голосе отвечал лекарь-амуролог и снова окунал перо в чернильницу.

Желающие познакомиться с сочинительницей ожившего мертвеца Марианой Остич навевались с писарню изредка, интересующиеся Инессой Роковой — регулярно, а уж возбуждённые дамочки, жаждущие узнать хоть что-нибудь про таинственного барона во Хамма, просто-таки осаждали писарню, и, в отсутствие сведений, сами выдумывали биографию загадочного заграничного сочинителя.

Такая популярность немного пугала Машу, льстила вынужденному пребывать инкогнито Станьке (Рожей ты не вышел на барона во Хамма, — откровенно пояснил ему владелец писарни, запрещая раскрывать личину таинственного барона) и немало раздражала господина Завирайло-Охлобана. Да, копирование книг стало приносить очень солидную прибыль, но теперь владельцу писарни денег было мало. Хотелось немного той славы, что доставалась прыщавому гувернёру или скромной Мариане. Хотелось заразиться писарной

лихорадкой и тоже стать сочинителем.

Господин Завирайло-Охлобан не признался бы в этом ни единой живой душе, но он даже шаманил ночами, надеясь приманить к себе какую-нибудь книжонку. И будь она даже самой плохонькой, уж он-то сумел бы создать ей ажиотаж, ведь он, как-никак, владелец писарни, у него есть возможности.

Но книги к нему почему-то никак не шли.

Маша очнулась над очередной стопкой рукописей и просмотрела названия. В гостях у каннибала, Пропавшее наследство, Украденный бриллиант.

Девушка быстро пробежала их глазами и поморщилась от отвращения. Опять одно и то же! Рукописи — словно копии своих предшественников, отличается лишь несколько деталей.

Повинуясь внезапному порыву, Маша схватила все три пачки листов и бросила их в камин. Хватит! Если она и понесёт в писарню какие-то истории, то не такие!

Хроники с обречённостью смирившегося с несправедливостью жизни наблюдал за тем, как очередная группа хамоватых детективов и вульгарных эротических романов, жеманно называвших себя дамскими, рванула к двери, снося на своём пути стоявшие в очереди книги.

Но в этот раз что-то пошло не так. Несколько дамских романов уже ввалились в дверь, как вдруг сразу несколько детективов резко затормозили и рванули назад, создавая в проходе самую настоящую кучу-малу.

В образовавшейся сумятице некоторое время ожесточённо толкались друг с другом недавние союзники, рвущиеся вперёд дамские романы и сдающие назад детективы. В итоге пробка рассосалась.

А некоторое время спустя по очереди разнеслось ошеломляющее известие: детективы сдали назад, потому что автор, которого они атакуют, начал их сжигать!

Услышав это, Хроники немедленно преисполнился благодарности и уважения к неизвестному автору.

— Мариана, я уже две недели от тебя ничего не видел, — обвиняюще заявил господин Завирайло-Охлобан, когда девушка зашла за положенными ей роялти.

Маша пожала плечами:

— Не приманивается.

— Жаль, — протянул владелец писарни, — Эти твои преступные истории очень хорошо покупаются. Как напишется новая — приноси.

— Обязательно, — соврала Маша.

На щедрые роялти, что приносил ему барон во Хамм, Станька снял роскошные меблированные номера в самом респектабельном отеле города. Он стал одеваться в лучших ателье, питаться в дорогих тавернах и разъезжать в модных каретах. И хотя, на его взгляд, прыщей у него не убавилось, видимо, он всё-таки изменился внешне, и в лучшую сторону —

иначе чем объяснить то, что на Станьку стали обращать внимание молодые девушки?

Бывшему губернёру очень нравилась его новая жизнь. Станька надеялся, что с ней никогда не придётся расставаться, а потому хотел лишь одного — чтобы эти непристойные книги, приносящие королевские роялти, продолжали к нему являться.

О том, что когда-то он испытывал сожаление, не находя после писарных приступов на своём столе увлекательные детективные истории про гениального сыскаря, Станька почти забыл.

Жена лекаря-амуролога дождалась, когда тот отлучится в уборную, и прокралась к столу в его кабинете. Всё, хватит, так больше продолжаться не может! Уже несколько месяцев её муж только и делает, что пишет, словно одержимый. Она устала надеяться, что Лексан Паныч со дня на день отнесёт свою историю в писарню господина Завирайло-Охлобана, и сотни угольных копий разойдутся по городу, а её соседки будут с уважением провожать её взглядами и шептаться меж собой с тайной завистью: Жена сочинителя.

Собрав все исписанные листы, что были на столе, жена Лексана Паныча бросила их в горящий камин и с удовольствием наблюдала за тем, как огонь жадно поедает бумагу.

Может, хоть теперь её супруг вернётся в лекарню принимать пациентов, и в доме снова появятся деньги.

Довольная содеянным, жена бывшего алкоголика, несостоявшегося сочинителя и, вероятно, вскоре снова практикующего лекаря-амуролога вышла из кабинета мужа.

Давно зреющее возмущение беспардонной наглостью тех книг, что пёрли без очереди, назрело и прорвалось. Последней каплей послужил очередной прорыв нескольких боевиков и дамских романов.

— Твари мы дрожащие или право имеем? — возопил кто-то из классиков, и это словно послужило сигналом. Воспитанные, благопристойные, уважающие себя книги вмиг позабыли о своих манерах и, словно обезумевшие, разом рванули к двери.

Мощный поток сметал на своём пути все жанры и все виды, уносил и тех, кто давно присмотрел себе автора, и тех, кто его ещё не нашёл, и без сожаления давил сопротивляющихся и нерасторопных.

Хроники быстро сообразил, что он должен сделать, чтобы выжить — отдаться на власть потока. Его подхватило, закрутило и понесло, стремительно и неконтролируемо — никакой возможности выбраться.

Хроники несло вперёд, к заветной двери, и он молился лишь о том, чтобы его не выкинуло в реальность слишком резко, иначе он рискует просто не успеть вселиться в своего автора.

Значительно разросшаяся писарня работала практически самостоятельно, как хорошо отлаженный организм, и впервые за долгое время у господин Завирайло-Охлобана появилось время почитать. Он вытащил наугад несколько рукописей, сваленных в тележку для продаж, и уселся в своем кабинете.

Завоеватели звездных цитаделей ему понравились, Облава на цыплят показалась

приличной, но когда очередь дошла до Проступка и возмездия, господин Завирайло-Охлобан потребовал к себе секретаря, а мгновение спустя трудящиеся в поте лица копировщики услышали возмущённый вопль владельца писарни:

— Мы и это копируем?

— Да, — едва слышно прошептал секретарь.

— И что — это покупают?

— Покупают. Правда, не так хорошо, как другое.

— Раз не так, то и нечего на него ресурсы тратить!

— Но...

— Что — но? — нетерпеливо спросил господин Завирайло-Охлобан.

— Это же классика, — неуверенно отозвался секретарь. — Это же — о вечном...

— О вечном! — фыркнул владелец писарни. — Я не на вечном деньги делаю. — Бросил секретарю рукопись Проступка и возмездия и приказал: — Больше не копировать!

Придя в себя после очередного писарного приступа, Маша обречённо взглянула на рукопись. Мануэло — гласило название. Неужели — опять неотличимая от дюжины других преступная история? Неужели опять — жечь?

Нет, на этот раз всё оказалось иначе. Маша с увлечением прочитала о девушке-цыганке с удивительным голосом, выступавшей в лучших музыкальных салонах, и о непростой истории её любви. Удовлетворённо улыбнулась и понесла рукопись в писарню.

Господин Завирайло-Охлобан удивил её тем, что на этот раз взялся рукопись читать.

— А то приносят тут всякую муть, — пояснил он, поймав недоумённый взгляд девушки. — Приходится проверять.

Дочитав, сморщил свой солидный нос и недовольно спросил:

— А что, преступных историй нет?

— Нет, — твёрдо ответила Маша.

— Ну, ладно, сойдёт, — дал добро владелец писарни, и девушка с облегчением вздохнула: впервые после истории про ожившего мертвеца ей не будет стыдно за то, что копируется под её именем.

То, чего Хроники боялся больше всего, случилось — поток книг нёсся с такой скоростью и силой, что увлечённого им Хроники приложило о косяк двери между мирами, и он на миг потерял сознание.

А когда очнулся, обнаружил, что он уже в реальности.

И не в своём единственном, предназначенном ему судьбой авторе, а в безграмотном золотаре, словарный запас которого едва ли достигал сотни слов, половина из которых — нецензурные.

Грандиозные события великих империй, высокие башни неприступных крепостей, бесчисленные шгандарты огромных армий, сложные интриги и зловещие козни, яркие подвиги и подлые предательства погибали, не получив ни малейшего шанса попасть на бумагу.

Если бы Хроники-не-рождённых-миров мог завывать как волк, он бы непременно взвыл. Но у него не было горла — у Хроники были только слова. Слова, которые некому было

записать.

И бесконечное отчаяние погибающей книги вырвалось наружу недоумённым восклицанием насквозь пропахшего канализацией золотаря:

— Ядрёный вошь, какого хна?

Жена лекаря-амуролога ожидала от супруга возмущений и криков, но в кабинете царила тишина, и она, не выдержав, на цыпочках подошла к двери и немного её приоткрыла.

Лексан Паныч сидел за столом и сосредоточенно водил пером по странице. На углу стола лежала нетронутая стопка исписанных листов.

— Не может быть! — воскликнула поражённая супруга. — Я же сожгла твою рукопись!

Лексан Паныч поднял на жену пылающий неукротимым пожаром взгляд и тихо, но очень торжественно сказал:

— Она не горит.

Небывалица девятая — Красавица и спящее чудовище

Когда распорядитель замка объявил, что в городе появились незнакомцы и спрашивают аудиенции, молодой барон на миг даже растерялся.

Незнакомцев в округе не объявлялось уже очень давно. Прежде, когда в их краях только началась вечная зима, сюда часто съезжались рыцари, герои и проходимцы. Привлечённые обещанной наградой, они пытались разбудить спящее чудовище, из-за которого округу сковало холодами, и завоевать обещанное серебро. Ни один не преуспел.

С годами охотников попытаться разбудить чудовище становилось всё меньше — несмотря на то, что обещанную серебром награду отчаявшийся батюшка Ингара заменил на золото и добавил затем в придачу руку младшей дочери.

Меньше становилось и местных жителей. Смирившись с тем, что раз наступившая зима останется теперь тут навеки, люди снимались с насиженных мест и уезжали в те края, где зиму по-прежнему сменяло лето.

Батюшка костерил предателей на чём свет стоит, а вот Ингар их не винил. На мёрзлой земле ничего не вырастить, торговать нечем, есть нечего, того и гляди все леса скоро на дрова переведут. Зачем же тут оставаться? Потому что родина? Что ж, правда, родина — это святое, родина — она одна. Но и жизнь одна. И хочется прожить её в радости и тепле, а не в холоде и борьбе...

Ингар и сам хотел её прожить по-другому. Сам одно время втайне подумывал уехать. Но пять лет назад отца неожиданно свалила жестокая инфлюэнца. А после похорон старший брат и наследник баронского титула заявил, что не собирается оставаться.

— Как ещё долг, братишка? — воскликнул он в ответ на замечание Ингара о том, что именно на нём теперь лежит ответственность за управление родовыми землями. — Кем тут править? Опустевшим городом и горсткой замёрзших людей? Ещё несколько лет, и здесь вообще никого не останется, кроме спящего чудовища. Зачем ждать?

Старший брат вскочил на коня и растаял в морозном воздухе, рассыпав позади себе звонкий перестук копыт. А Ингар остался в холодном замке, в опустевших замёрзших землях, с малочисленными голодающими подданными, младшей сестрой на руках, спящим чудовищем в окрестных лесах и не понять откуда взявшейся уверенностью, что махнуть рукой и бросить всё это он не имеет права.

Давно смирившись с тем, что чудовище не разбудить, и их края обречены на вечную зиму, Ингар пытался придумать, как вернуть хоть немного процветания обезлюдевшим землям. Но так ничего и не придумал.

За пять лет его баронствования нового народу в их края не прибыло, разве что редкие торговцы заглядывали, только всё больше таял, разъезжаясь кто куда, местный люд.

И тут вдруг — незнакомцы, требующие аудиенции.

— Ведите, — приказал Ингар распорядителю.

* * *

Закутанная в яркую красную шаль Марисса устроилась рядом с братом и встревоженно

прошептала:

— Если это очередные герои, собирающиеся будить чудовище, ты же не отдашь меня им в жёны, правда?

Официально награду, обещанную покойным батюшкой, никто не отменял, и потому Марисса тревожилась.

— Не бойся, не отдам, — пообещал молодой барон и с улыбкой добавил: — Разве что сама очень захочешь.

— Не захочу!

Ингар нахмурился. Марисса уже вошла в пору невест на выданье, однако не проявляла никакого интереса к молодым людям. Правда, и достойных молодых людей в округе почти не осталось, и всё же...

— Братья Феллер! — торжественно провозгласил тут распорядитель и распахнул тяжёлые двери, ведущие в зал приёмов.

Молодой барон не сдержал тихого возгласа.

— Ты их знаешь, Ингар? — удивилась Марисса.

— Не знаю, — ответил он, — но наслышан.

Про братьев Феллер слышали все. Даже здесь, в холодных землях спящего чудовища. Если про успешных торговцев говорили, что у них есть коммерсантская жилка, то у братьев Феллер была не жилка, а целое месторождение. За что бы братья ни брались, они на всём наживались. Даже на том, из чего выгоду извлечь казалось невозможным! Однажды братья Феллер на спор получили прибыль даже от птичьего помёта! Пустили его в косметику, и богатые дамочки принялись раскупать баночки с птичьим помётом, словно горячие пирожки, ибо истово уверовали, что, намазанный на лицо, этот помёт сотворит чудеса... Творил ли он чудеса с лицами — неизвестно, но вот с доходами братьев он чудеса творил совершенно точно.

— Ваша светлость, — хором произнесли братья и поклонились.

— Господа Феллер, — поприветствовал их Ингар в ответ.

Марисса судорожно вздохнула. Барон оглянулся — и увидел, как залившаяся румянцем сестра восхищённо рассматривает младшего из Феллеров. Старший Феллер был кряжист, лыс и солидно бородат. Младший же Феллер был высок и худощав, золотоволос и голубоглаз, а улыбка на загорелом лице слепила белизной.

«Этого мне только не хватало», — нахмурился барон, уже позабыв, что ещё минуту назад переживал по поводу равнодушия сестры к противоположному полу.

— Я — барон Мейрис, а это моя сестра, леди Марисса, — представился Ингар.

— Я — Сайран, — представился старший из Феллеров, — а это мой брат Нихлас. И явились мы к вам, ваша светлость, с деловым предложением.

— Слушаю вас, господа.

— Прежде, чем мы изложим вам основы нашего коммерс-плана, позвольте, мы уточним несколько моментов, — попросил старший из братьев.

— Разумеется.

— Итак, двадцать лет назад в ваших краях разразилась страшная снежная буря. Она рвала крыши домов, ломала вековые деревья, раскалывала небо, а потом повалил снег — и шёл не переставая несколько недель. Когда буря стихла, в окрестных лесах вы нашли хрустальный гроб со спящим чудовищем; его занесла к вам та страшная буря.

Ингар медленно кивнул. Он знал это не по рассказам — он хорошо помнил ту бурю, ему

было тогда уже десять лет.

— Зима всё длилась и длилась, и вскоре стало понятно, что она не закончится, и что виной тому — чудовище, — продолжил Сайран. — И покуда чудовище спит в своём хрустальном гробу и видит сны о зиме, лето здесь никогда не наступит. За двадцать лет от гроба не раз пытались избавиться, а когда не вышло, пробовали разбудить чудовище — самыми разными способами и средствами — но не преуспели. Что это за чудовище такое и откуда оно взялось, тоже не выяснили. Всё верно?

— Верно, — подтвердил Ингар. — Так что у вас за коммерс-план?

— По сути, план очень простой, — вступил тут в разговор Нихлас и обрушил всё своё голубоглазое обаяние на молодого барона, — Он состоит в том, чтобы сделать ваши земли процветающими.

Ингар не удержался и пренебрежительно фыркнул.

— Вы думаете, я не пытался? Не раз! Но на мёрзлых землях ничего не вырастишь, скот не разведёшь, полезные металлы не извлечёшь. Пушного зверя давно перебили, дерево нам самим нужно, а больше в округе ничего и нет. Разве что снег продавать... Вы придумали, как снег продавать? — озарило тут его. Если братья Феллер сумели торговать птичьим помётом, то они и снег сбывать смогут.

— Лучше, — ответил Нихлас. — Мы будем продавать вашу зиму. Построим здесь парк зимних увеселений под названием «Снежное королевство».

— Парк увеселений, — медленно повторил Ингар. — Да какие у нас тут увеселения?

— Пока никаких, — вступил Сайран. — Но это вопрос решаемый. Однако прежде чем мы пустимся в дальнейшие переговоры, нам нужно получить от вас принципиальное согласие... Договор у нас уже готов.

Ингар нахмурился.

— Прежде чем я дам вам это самое согласие и подпишу ваш договор, ответьте мне на один вопрос — что с этого парка получим мы?

По загорелым лицам обоих братьев Феллер, словно по команде, разлилась душевная улыбка.

— А вы с этого получите новые рабочие места для голодающих местных жителей и гарантированный процент с дохода в вашу казну. О размере процента поговорим позже, когда парк будет построен и заработает. Согласны?

Молодой барон встряхнул головой, пытаясь прояснить мысли. В коммерс-плане братьев Феллер ему чудился подвох. Даже два. Во-первых, как-то слишком всё просто. Кто в своём уме будет платить за то, чтобы поглазеть на зиму? Во-вторых, разве можно делать деньги, ничего не производя взамен? Однако... Новые рабочие места и долгожданный доход звучали чрезвычайно заманчиво для уже много лет голодающей и вымирающей округи.

— Согласен, — решил барон.

* * *

Братья Феллер круто взялись за дело. Город в считанные дни наполнился приезжими — мастерами на все руки, а улицы наполнились стуком, звоном, запахами и жизнью, которых уже давно не знали. Дома обновили и оснастили одинаковыми остроконечными крышами, улицы осветили фонарями и украсили цветными флажками и яркими вывесками. Тут и там открыли постоянные дворы, уютные харчевни и нарядные лавки, в которых, как и было

обещано, братья Феллер оставили рабочие места местным жителям.

Впрочем, местных жителей прежде нужно было подучить основам увеселительной коммерции.

— Не постоялый двор, а хотэль, — наставлял Нихлас. — Не лавка, а бутик. Не харчевня, а рест-оран. Готовить в рест-оране можно то же, что и харчевне, главное — это прес-сентанция.

— Что за прес-сентанция? — подозрительно интересовались будущие рест-ораторы. — Танцевать, что ли, придётся?

— Не придётся, — охотно отвечал Нихлас и оборачивался к одной из кухарок. — Скажите, что вы можете приготовить на обед, если у вас будут все продукты?

— Рыбную похлёбку с хлебом, тушёную говядину, колбасу с квашеной капустой, запеканку... — с готовностью начала перечислять она.

Феллер-младший поднял руку, перебивая.

— Не похлёбка с хлебом, с кориад с багетом, — значительно произнёс он. — Не тушёная говядина, а бёф а ля фисель, не колбаса с квашеной капустой, а шаркютри-а-шукрут, не запеканка, а жульен... Понимаете?

— Нет, — растерянно ответила кухарка. — Я жульё готовить не умею...

— И не надо, — терпеливо заверял Нихлас, — Вы же запеканку готовить умеете? Так вот, жульен — это она самая и есть. Только запеканка целый серебряный стоить не может. А жульен — может... — многозначительно помахивая бровями, пояснял младший брат Феллер.

— То есть если я подогрею вино со специями, — начал тут один из будущих рест-ораторов, — но назову его, скажем, не горячим вином, а...

— Глинтвейном, — с готовностью подсказал Нихлас.

— То и продать его смогу не семь медяков, а за...

— Двадцать, — снова подсказал Феллер-младший — и удовлетворённо улыбнулся, увидев, как в глазах будущих рест-ораторов загорается огонёк понимания.

Сайран, тем временем, занимался ремесленниками — будущими владельцами бутиков.

— Торговать будете только суйвенирами, — наставлял он.

— Что такое эти ваши суй-вениры? — не понимали ремесленники.

— Что угодно, лишь бы напоминало покупателями об их пребывании в нашем парке.

— Это как?

— Вот так, — пояснял Сайран и брал глиняную кружку. — Делаете, положим, десять таких кружек. Только вместо того, чтобы раскрасить их обычной глазурью, пишете на них «Снежное королевство» и рисуете, ну, положим, снежинку. Или гроб этого вашего чудовища. Сколько вы обычно берёте за кружку? — обратился он к гончару.

— Три медяка.

— А за такую просите тридцать.

— Да кто ж в своём уме купит кружку за тридцать медяков? — поражённо воскликнул гончар.

— Кружку — нет. А суйвенир — да.

— И что, этот ваш суйвенир из чего угодно сделать можно? — заинтересовалась тут вязальщица. — Если я навяжу шарфов со снежинками, то их не только покупать будут, но и покупать втридорога?

— Именно, — расплываясь в широкой улыбке, подтверждал Сайран и довольно

щурился, глядя солидную бороду и глядя на то, как взбудораженные, возбуждённые ремесленники расходятся по своим мастерским, бурно друг с другом переговариваясь.

— Давай ты мне выдуешь стеклянных гробиков, я им подставки выкую, выграввирую на них «Спящее чудовище», а прибыль — пополам? — услышал старший Феллер предложение кузнеца стеклодуву — и потёр руки: дело пошло.

Впрочем, рест-ораны, хотэли и бутики — это ещё далеко не всё. Для задуманного парка увеселений нужен был, собственно, парк и, собственно, увеселения.

Братья Феллеры засучили рукава — и взялись за дело.

Леса вокруг города и спящего чудовища облагородили, разобрав буреломы, протоптав дорожки и навесив указателей. Из замёрзшего озера сделали каток, на берегу которого соорудили бревенчатый ларёк с коньками напрокат. У обочины леса установили навес, под который складывали для будущих посетителей наплетённые местными лозоплётчиками снегоступы и наструганные местными столярами лыжи. На вершине холма соорудили сарайчик и набили его салазками, на которых гости будут бойко скатываться вниз. У северных племён закупили ездовых собак и упряжных оленей — для необычных увеселительных поездок. На главной площади установили ледяные фигуры, вытесанные наёмными скульпторами, а на окраине выстроили снежный лабиринт для детворы. Бывшее ржаное поле расчистили для игры снежки. Выстроили даже целый хотэль из обтёсанных глыб льда и за очень приличные деньги собирались пускать туда ночевать любителей острых ощущений. И, разумеется, везде поставили платных нужников и разложили платные же костры, у которых можно будет немного обогреться.

Ошеломлённый масштабом разворачивающихся действий, молодой барон только молча кивал, и лишь раз подал голос — спросил, зачем Сайрон с Нихласом приказали наклепать несколько снеговиков среди останков старинного капища на окраине города.

— О, господин барон, это начало будущей славной древней традиции, — гордо заявил Феллер-младший. — Вы, верно, и не знаете, но жили много лет назад в вашем городе муж с женой, и у них долго не было детей. Когда же они совсем отчаялись, то один мудрец посоветовал им слепить из снега снегурочку, принести её на древнее капище и оставить там на ночь. Муж с женой так и сделали, а наутро нашли там девочку, которая стала их дочкой. С той поры и повелось — если бездетная пара хочет обзавестись ребёнком, то ей нужно слепить снеговика на капище.

Услышав эту новую древнюю легенду, Ингар даже не нашёл слов, только покачал головой и махнул рукой. Пусть придумывают.

Братья Феллер и придумывали. Придумывали складно, направо и налево, и только со спящим чудовищем у них были проблемы. Чудовищу предстояло стать визитной карточкой «Снежного королевства», ему требовалась особая легенда. Однако она всё никак не складывалась, особенно потому, что с первого же визита к месту его спячки Сайран с Нихласом остались крайне недовольны.

— Некрасиво, — прокомментировал Феллер-старший унылую белую поляну и чёрные остовы обожжённых деревьев вокруг. — Неэстетично, — добавил он, поняв, что романтическое название «хрустальный гроб» вовсе не соответствует действительности. Вместо гроба из искрящегося кристалла, на гранях которого красиво играли бы лучи морозного солнца, на заснеженной белой поляне стояло нечто громоздкое и массивное, похожее на длинную медную лохань, только плотно закрытое сверху прозрачным материалом, смахивающим на стекло.

— Да и чудовище какое-то... нечудовищное, — подхватил Нихлас, заглядывая в гроб. Лохань наполняла мутная голубоватая жидкость, сквозь которую можно было с трудом рассмотреть неясные очертания его обитателя. Очертания не походили на человека, но и на чудовище тоже не походили — ни страшных клыков, ни грозных когтей, ни, на худой конец, шипастого хвоста.

Подумав, Сайран предложил устроить на поляне платный аттракцион «Разбуди чудовище». Каждый желающий, внеся изрядную сумму, мог попытаться поднять чудовище из его вечной спячки; топоры, дубины и прочие орудия будут предусмотрительно — и за дополнительную плату — сдаваться рядом напрокат.

Нихлас склонялся к тому, чтобы ограничиться обзорными экскурсиями.

— А вдруг сдуру кому и впрямь удастся чудовище разбудить? — говорил он. — После двадцати безуспешных лет шансы, конечно, невелики — но вдруг? И все наши деньги, которые мы сюда вбухали, растают — в прямом смысле этого слова.

Подумав, Сайран согласился с братом.

— Только чтобы заманить народ на эти экскурсии, нужна по-настоящему стоящая легенда, — прозорливо заметил он, и братья принялись за её сочинение. Однако истории выходили то банальные, то тривиальные; за такие рассказы праздные богатеи ни за что не захотят раскошелиться, чтобы поглазеть на чудовище.

Нихлас уже прикидывал, не нанять ли для сочинительства профессионального виршеплёта-трубадура, как однажды, прогуливаясь по местам будущих достопримечательностей, не встретился с Мариссой. Хрустальный гроб с чудовищем был по-прежнему уродлив, лес вокруг — по-прежнему гол и холоден, но яркое красное пятно шали девушки внезапно придавало мертвенно белой поляне чрезвычайно интригующий вид.

«Готичненько», — подумал Нихлас, глядя, как сестра барона задумчиво водит пальчиком по крышке гроба.

— Леди Марисса, что вы тут делаете? — вежливо осведомился он.

Девушка, увидев Феллера-младшего, залилась краской и стыдливо призналась:

— Я иногда прихожу сюда с ним поговорить.

— Поговорить? С чудовищем? — удивился Нихлас.

— Да, — смущённо кивнула Марисса и, прочитав в глазах загорелого золотоволосого красавца вопрос, продолжила: — Мне кажется, ему одиноко, вот я и с ним и разговариваю.

Девушка не стала добавлять, что ей тоже одиноко, и что за долгие годы спящее чудовище в некотором роде стало ей почти другом, с которым она делилась самым сокровенным, самым тайным, а оно внимательно слушало и никогда не её не осуждало.

— И о чём же вы с ним говорите?

Марисса покраснела. Перед тем, как на поляну явился Феллер-младший, она рассказывала чудовищу как раз о нём, о Нихласе и о его замечательной улыбке, от которой у неё начинало часто-часто биться сердце.

— О разном, — ответила девушка — и внезапно решилась на признание. — Я иногда думаю, что чудовище видит сны про зиму только потому, что не знает ничего другого. И потому я рассказываю ему сказки о лете. Вдруг он меня услышит — и начнёт видеть тёплые сны? И тогда вечная зима покинет наши земли... Или даже ещё лучше — вдруг одна из моих сказок его разбудит? Я бы очень этого хотела...

Щеки девушки пылали уже ярче, чем шаль на плечах.

— Это очень... мило, — пробормотал Нихлас, рассеянно посылая Мариссе свою

отработанную белоснежную улыбку. Какая-то мысль появилась у него на краю сознания, но он пока не мог её ухватить.

Поощрённая его улыбкой, девушка решилась доверить Нихласу ещё одну свою тайну.

— А ещё я иногда думаю, что, может, чудовище не просыпается потому, что его просто не так будят? Ведь до сих пор все насакивали на него нахрапом. Колотили оружием, стучали и гремели, пытались разбить гроб — словом, действовали силой. Никто никогда не пробовал подойти к нему с добром. Может, чтобы разбудить чудовище, нужен вовсе не особенно крепкий меч, а... положим... поцелуй принцессы? — едва слышно закончила она и смущённо отвернулась.

— Гениально! — воскликнул тут Нихлас и, осенённый ценной коммерс-идеей, бросился прочь с поляны.

* * *

— Не позволю, — отрезал Ингар. — Чтобы моя сестра — на потеху всякой там публике...

— Не на потеху, — твёрдо возразил, перебив барона, Феллер-старший. — На существенное коммерс-благо. Вот послушайте. Много лет назад жил в здешних краях маленький принц, и была у него лучшая подруга, — напевно заговорил Сайран, — Однажды принца похитила злая Снежная королева и поселила его в своём ледяном замке... Руины замка Снежной королевы можно осмотреть, купив отдельную экскурсию. Сбор в десять утра у снежного лабиринта. За отдельную плату собачья упряжка может забрать вас из вашего хотэля, — быстро протараторил он и снова перешёл на плавную речь. — Принц жил у Снежной королевы долгое время, но никак не желал забывать о прошлом и о маленькой подружке. Так и не добившись своего, рассерженная Снежная королева заколдовала принца, превратив его в чудовище, а сердце его — в кусочек льда. Она заключила принца в хрустальный гроб, окрестные земли погрузила в вечную зиму, а сама скрылась неведомо куда... Прошло уже много лет, а подруга принца каждый день всё так и приходит к хрустальному гробу, надеясь, что в один прекрасный день она сможет растопить ледяное сердце чудовища, что чары рассеются, и принц проснётся... А вы знаете, кто она, эта преданная девушка? Это — сестра барона, леди Марисса. Каково?

— Чушь, — твёрдо ответил Ингар. — Мариссе всего семнадцать, а зима настала более двадцати лет назад.

— Поверьте, никто в такие детали вдаваться не станет. Зато если гости будут «случайно» встречать на экскурсии саму Мариссу, преданную подругу детства заколдованного принца, от желающих поглазеть на гроб — и на неё — отбоя не будет! — пылко воскликнул Нихлас и послал сестре барона свою неотразимую обаятельную улыбку. — Вы согласны со мной, леди Марисса?

— Я запрещаю, — не дал ответить сестре Ингар.

— Господин барон, — нахмурился тут Феллер-старший, — Не хотелось бы вам напоминать, но вы подписали договор, по которому обязуетесь предоставлять нам полное содействие в наших планах коммерс-развития ваших земель. К тому же, мы с братом построили здесь парк на свои деньги, вы не вложили ни монеты.

— Я отдал вам свои земли, отдал в ваше распоряжение своих людей... — начал было молодой барон, но Сайран его оборвал.

— Не заставляете меня прибегать к помощи законоведов, — тихо сказал он, и в его голосе отчётливо прозвучала угроза.

Законоведы... Ингар поёжился. От законоведов только и жди беды.

К тому же... Он ведь действительно подписал договор, он действительно взял на себя обязательства. Но тогда он думал только о выгоде, которую принесёт это соглашение его землям. Ингар даже и предположить не мог, что братья Феллеры захотят сделать его сестру одной из главных достопримечательностей парка.

— Ладно, — нехотя согласился молодой барон, — Если только Марисса не против, — добавил он, с надеждой глядя на сестру и безмолвно моля: «Откажись».

— Леди Марисса? — с отработанной улыбкой повернулся к ней Феллер-младший.

Устоять под сконцентрированным голубоглазым обаянием Нихласа у неопытной девушки решительно не было сил.

— Я не против, — тихо ответила она. Ради одобрения Феллера-младшего она была согласна на что угодно. И втайне надеялась, что уже совсем скоро прекрасный Нихлас признается ей в любви — ведь не может же он ей так улыбаться без причины!

А уж её молчаливый приятель — спящее чудовище — совершенно точно не против, Марисса была в этом уверена.

* * *

— Больше трагедии, леди Марисса! — поучал сестру барона Феллер-старший. — Больше печали! Я хочу, чтобы при виде вас у зрителей наворачивались на глаза слёзы. Вы видите слёзы у меня в глазах слёзы, леди Марисса?

Про себя Марисса подумала, что единственное, что может вызвать у хваткого делового Сайрона слёзы — это упущенная выгода. Феллер-старший, тем временем, придирчиво обошёл девушку кругом, поправил у неё на плечах яркий красный плащ и задумчиво погладил широкую бороду. Каждый штрих должен быть отработан, каждый жест отточен, каждая деталь продумана.

— Как думаешь, может, под плащ всё-таки лучше белое платье? Как у невесты.

— Нет, лучше чёрное, — мгновенно возразил Нихлас. — В конце концов, наша леди Марисса уже много лет в горе. Чёрное подчёркивает это горе. Подчёркивает её хрупкость. Белый снег, чёрное платье, красный плащ. Сдержанно, стильно, красиво. Готичненько. Леди Марисса, — ослепив девушку очаровательной улыбкой, мягко продолжил он, — Повторим? Значит, вы стоите над гробом. Когда показывается экскурсия, вы склоняетесь над ним и медленно проводите кончиками пальцев по крышке — так, словно вы гладите своего принца. Так, словно хотите, чтобы он почувствовал ваше прикосновение сквозь хрусталь. И не поднимайте голову сразу. Зрителям должно показаться, будто вы в глубокой задумчивости и не слышите их. А потом вздрогните слегка, словно только что заметили посторонних, и медленно обведите их взглядом. В этот момент надо, чтобы капюшон упал, и по плечам у вас рассыпались волосы. Попробуем ещё раз?

Марисса согласно кивнула, нежно глядя на Нихласа.

— Вот! — воскликнул старший Феллер, перехватив это взгляд. — Вот так вы должны смотреть на гроб своего возлюбленного заколдованного принца!

* * *

— С тех пор прошло уже много лет, но каждый день, в солнце ли, в снежную бурю, леди Марисса приходит к спящему принцу, — разносился среди мёрзлых деревьев тихий голос Нихласа, лично выступающего сегодня экскурсоводом. — Она кладёт руки на крышку гроба и разговаривает со спящим принцем, надеясь, что он почувствует её тепло и услышит её голос. И, может быть, в один прекрасный день проснётся... Если нам повезёт, мы даже можем застать её тут...

Эти слова были сигналом. Марисса склонилась над хрустальным гробом и прижала к нему ладонь, затянутую в чёрную перчатку. Яркий красный плащ красивыми складками спадал с её плеч на белый снег. Края прозрачной крышки гроба ярко вспыхивали — по приказу братьев Феллер их густо оклеили блёстками, чтобы громоздкий чан хоть немного смахивал на своё романтическое название «хрустального гроба».

— Это она! Это леди Марисса! — послышался взволнованный шелест на краю поляны.

— Тише, пожалуйста, — попросил Нихлас и продолжил с трепетом в голосе: — Не будем ей мешать...

Медленно, словно выходя из глубокой задумчивости, Марисса подняла голову, позволяя капюшону соскользнуть на плечи. Крутые локоны чёрным водопадом рассыпались по спине.

В толпе тихо ахнули:

— Какая она красивая!

Марисса, как было неоднократно отработано, обвела зевак печальным, исполненным бесконечного терпения и бездонной тоски взглядом, ласково провела ладонью по хрустальному гробу, словно медля, словно оттягивая расставание...

— До встречи, — едва слышно прошептала она своему верному чудовищу — а потом продолжила играть свою роль — напустила на себя вид возвышенный и трагичный и медленно прошагала сквозь расступившихся зрителей

— Вот это любовь, — всхлипнула в толпе какая-то дама, а кто-то другой шумно высморкался.

— Bravo, леди Марисса, — скороговоркой прошептал ей Нихлас, когда она прошла мимо.

Девушка нахмурилась и поджала губы.

Изо дня в день она изображала скорбь по выдуманному возлюбленному, ожидая, что Нихлас вот-вот признается ей в любви. В конце концов, ведь это ради него она так старалась. Но Феллер-младший всё не торопился с признанием. Зато часто и охотно посылал хорошеньким девицам из числа гостей улыбку, которую, как считала Марисса, он дарил только ей.

Леди Марисса, верная подруга зачарованного принца, отличалась бесконечным терпением, ведь вот уже много лет изо дня в день она приходила к хрустальному гробу. Леди Марисса, младшая сестра барона Мейриса, таким легендарным терпением не отличалась.

* * *

Даже в ещё до-зимние времена в округе никогда не было столько народу! Глашатаи и трубадуры, нанятые братьями Феллер, разнесли истории о Снежном королевстве по всему свету, и заинтригованный свет решил во что бы то ни стало лично посмотреть на эти волшебные земли.

— Добро пожаловать в Снежное королевство! — десятки раз за день радостно приветствовали гостей в воротах города стражники, выряженные в дурацкую, но нарядную бело-голубую форму в снежинках.

— Лучшее консоме в городе! — зазывали посетителей в рест-ораны.

— Самые необычные суйвениры! — заманивали их вывесками бутики.

— Самый жаркий отель города! Лохань горячей воды в ваши комнаты всего за десять минут!

— Бань... э-э... Сауны! Самые горячие сауны!

— Романтические прогулки на оленьих и собачьих упряжках! С музыкой!

— Ночные экскурсии к руинам ледяного замка Снежной королевы! Самые острые ощущения!

— Все пив-пабы города за одну ночь! Выпивка не ограничена и включена в цену тура!

И опьянённые атмосферой сказки и нескончаемого праздника, путешественники охотно покупали ненужные стеклянные гробики и дорогие кружки со снежинками и вкушали загадочное консоме, которое, вне всякого сомнения, на вкус было куда лучше обычно бульона. Они охотно катались на коньках, салазках и собачьих упряжках, затаив дыхание, обходили кругом останки ледяного дворца злой Снежной королевы и смахивали украдкой набежавшие слёзы, «случайно» заставая у хрустального леди Мариссу, такую хрупкую, красивую и печальную в своём мрачном чёрном платье и ярком алом плаще.

Для гостей Снежного королевства каждый день казался сказочным.

Никто из них не задумывался, что стоит за фасадом этой сказки.

А за фасадом стояли местные жители, которые изо дня в день в поте лица мастерили стеклянные гробики и кружки со снежинками, мыли тарелки из-под консоме в рест-оранах, собирали испражнения за ездовыми собаками — и всё это так, чтобы не попасться на глаза гостям и не испортить им ощущение праздника. И всё это — с улыбкой на лице, на случай, если гости их всё-таки увидят.

И всё это — за хорошие деньги. По крайней мере, так им казалось поначалу. Пока местные жители не поняли, что хоть и прибыль у них пошла такая, какой прежде и не снилось, но и расходы тоже стали поистине сказочными.

— Вы продаёте тарелку бульона за два серебряных, — фыркали приезжие торговцы в ответ на возмущения рест-ораторов заоблачными ценами на товар. — Значит, вы можете позволить себе заплатить два серебряных за мешок картошки.

— Вы сдираете по тридцать медяков за кружку и по сорок — за никому не нужный стеклянный гробик, — говорили они суйвенирщикам. — Наверняка можете позволить себе отдать двадцать медяков за свечи.

И ошеломительная прибыль с суйвениров и жульенов с консоме тут же оседала в карманах приезжих торговцев. А точнее — в карманах братьев Феллер, потому что все приезжие торговцы работали на Сайрона с Нихласом и продавали феллеровские же товары.

Местный люд подходил к молодому барону, просил усмирить обнаглевших торговцев или пригласить других, которые не будут заламывать такие безбожные цены.

Местный люд не понимал, что молодой барон давно уже не правит городом — он был связан по рукам и ногам договором с братьями Феллер.

Поначалу Ингар пробовал говорить Сайроном и Нихласом. Однако братья его не слушали, их сложившееся положение дел более чем устраивало. А когда молодой барон пригласил в город других торговцев, готовых предложить более выгодные цены, братья

извлекли всё тот же злосчастный договор и снова пригрозили законоведом и пунктами о нарушениях.

Шло время, Снежное королевство процветало, а город оказывался всё больше и больше во власти от братьев Феллер. И хотя Сайрон с Нихласом давно привыкли к деньгам и к могуществу, которое те давали, только в Снежном королевстве власть эта стала абсолютной. Вся округа на них работала, вся округа от них зависела, и власть эта ударяла в голову. Что братья ни захотят — то и делают, что не возжелают — то получают, хоть лучшие покои в баронском замке, хоть самое дорогое вино, хоть понравившуюся женщину. И никто и слова поперёк им не скажет, ведь это же они выстроили Снежное королевство, это они спасли округу от нищеты и вымирания. Местные жители им за это должны быть вечно благодарны! Да и просто должны.

* * *

— Ни за что! — возмущённо отрезал Ингар. — И не тыкайте мне этим своим договором, не пугайте меня своими законоведами. Ничего такого в договоре нет. А если вам так приспичило заделаться благородными, купите титул — и дело с концом, благо, денег у вас хватит даже на титул герцога.

Нихлас недовольно нахмурился. У него было очень плохое настроение — вчера его высокомерно отвергла приехавшая поглазеть на Снежное королевство красивая графиня.

— Чтобы я — да с неблагородным? С простым купчишкой? — фыркнула она — и тем ранила честолюбивого голубоглазого красавца в самое сердце.

И Нихлас вдруг понял, что, оказывается, остались ещё на свете вещи, которые он не купил. И одна из них — благородство.

— Купленный титул — это одно. А титул, полученный надлежащим путём — это совсем другое, — возразил Феллер-младший. — Купленный титул не сделает меня по-настоящему благородным.

— А женитьба на моей сестре сделает? — насмешливо спросил Ингар и снова повторил: — Ни за что.

— А вы подумайте хорошенько, господин барон, — не стал церемониться Нихлас. — Да, в договоре ничего такого нет, но я ведь и без договора вас разорить могу. Мы с братом построили парк, который вас кормит и поит — мы его можем и разрушить. И что вас ждёт без него? Да ничего! Нищета и голод, о которых вы, как я посмотрю, уже успели подзабыть — от хорошей-то жизни. От жизни, которую мы с братом вам дали. Так что подумайте, господин барон, хорошенько подумайте, стоит ли обнищание ваших земель руки вашей сестры. Тем более, — с самоуверенной ухмылкой добавил он, — Она сама давно обо мне мечтает.

— Уже не мечтаю, — раздался позади голос Мариссы.

Феллер-младший круто развернулся и послал девушке свою самую ослепительную улыбку. Он не знал, что Марисса уже давно устала ждать, когда же он признается ей в любви, уже с лихвой насмотрелась на то, как он улыбается хорошеньким посетительницам парка, и уже не раз слышала, как вечерами доносится из его покоев женский смех. И потому оказался совершенно не готов к тому, что его улыбка на девушку не подействует.

— Что ж, — пожал плечами Нихлас, быстро оценив ситуацию, — Ваши мечты, леди Марисса, никакой роли тут и не играют. Венчания проведём в это воскресенье, —

распорядился он и послал ей ещё улыбку, только на этот раз — очень злую: — А если захотите свадьбу расстроить, подумайте прежде обо всех окрестных детишках, которых вы обречёте этим на голод и холод.

* * *

— Как я мог быть так глуп? — повторял Ингар, нервно расхаживая туда-сюда. — Как мог быть так слеп? Как не увидел, что нас покупают с потрохами?

— Ты думал о наших землях, — пыталась утешать его Марисса. — Ты думал о наших людях. Ты хотел нас спасти. Ты же не знал, что наши избавители окажутся такими... такими...

— Пусть делают что хотят, но я не позволю им заставить тебя выйти замуж! — запальчиво воскликнул молодой барон.

Марисса смотрела на него снисходительно, словно это она была старшей сестрой, а Ингар — неразумным младшим братом. Девушка понимала, что хотя никто не может силой заставить её выйти замуж за Феллера-младшего, она сделает это сама — она не позволит, чтобы из-за неё пострадали жители их земель.

* * *

Вечером накануне свадьбы Марисса убежала к гробу спящего чудовища — ей нужно было с кем-то поговорить. Кому-то выговориться. Кому-то поплакаться. И кто подходил для этой роли лучше, чем её самый старший, самый верный друг?

Марисса долго рассказывала спящему чудовищу о своих невзгодах, пеняла на двух злых братьев, захвативших из земли, на такого слишком умного старшего и слишком красивого младшего, а под конец, обняв крышку гроба и положив руки на холодное стекло, даже расплакалась от жалости к себе.

— Проснись! — умоляла она чудовище.

Девушка так долго рассказывала легенду о зачарованном принце, что и сама начинала понемногу в неё верить. А уж сейчас, в момент отчаяния, она всей душой желала, чтобы выдуманная когда-то братьями Феллер история оказалась правдой.

— Помоги мне! — просила она, то стуча кулаками по прозрачной крышке, то почти приникая к ней губами, чтобы чудовище её лучше слышало. Чтобы чувствовало её тепло... — Пожалуйста, проснись! Ты мне так нужен!

Спящее чудовище продолжало мирно спать в хрустальном гробу.

Холодный искристый снег укрывал Мариссу тонкой шалью, но она не чувствовала холода. Измученная горем девушка незаметно заснула рядом с хрустальным гробом, и снился ей прекрасный сон. Во сне она была большая-пребольшая, отчего братья Феллер сделались по сравнению с ней совсем маленькими. Сайран, увидев её, принялся икать от страха, а потом заплакал, будто малый ребёнок, а Нихлас вдруг весь как-то съежился, сморщился и покрылся пятнами. Большая Марисса во сне наклонилась над крошечными братьями Феллер — и дунула на них, словно на две надоедливые пылинки. От её дуновения тут же поднялась белая метель — и закрутила, завертела братьев, затянула в свою снежную утробу — и унесла невесту куда.

А из белой круговерти ей навстречу вышел юноша с волосами цвета весеннего солнца и

солнечными брызгами по всему лицу. И Марисса вдруг сразу поняла, что это — её спящее чудовище. Её заколдованный принц.

Это был счастливый сон.

* * *

...Нихлас проснулся с раскалывающейся от вчерашних весёлых возлияний головой и мыслью: «Сегодня моя свадьба!»

Приоткрыв глаз, увидел, что в покои уже прокрался сумрачный свет зимнего утра и нехотя заставил себя подняться из постели.

Разбуженная его движением, высокомерная графиня, которую он всё-таки уломал на интрижку, несмотря на всё своё неблагородство, довольно потянулась в пуховых простынях и улыбнулась Нихласу.

И вдруг пронзительно закричала, и, как была нагишом, выскочила из покоев.

Некоторое время оторопевший Нихлас с недоумением смотрел на дверной проём, в котором исчезла вопящая графиня, а потом, решив, что её испуг, вероятно, вызван его видом, бросился к зеркалу — что с ним не так?

Через мгновение вопил уже он. Из равнодушной блестящей поверхности на него смотрел сгорбленный, скособоченный карлик с реденькими волосами и выцветшими глазами. И даже белоснежных зубов, его гордости, его главного оружия у Нихласа не осталось — только какие-то желтоватые пеньки.

— Сайран! — испуганно заорал он и бросился в покои Феллера-старшего. Распахнул двери, ворвался внутрь — и замер, будто налетел на стену.

Феллер-старший сидел на ковре, возил туда-сюда ярко раскрашенные игрушечные салазки из суйвенироного магазина и сосредоточенно сосал большой палец. Время от времени вынимал его изо рта и, пуская слюни, словно годовалый младенец, говорил:

— Чух-чух!

* * *

— И вот так и сгинули без следа из наших земель злые братья, и никто никогда их больше не видел. И настали в наших землях счастливые времена, — торжественно закончила Марисса любимую сказку своей маленькой рыжеволосой дочки.

— А спящее чудовище? — сонно спрашивала малышка.

— А спящее чудовище по-прежнему спит в своём хрустальном гробу в чаще леса, — тихо отвечала Марисса. — И по-прежнему видит сны о зиме. И каждый день к нему приходит его лучший друг. Сидит рядом с ним и рассказывает ему сказки, чтобы ему не было скучно и одиноко...

Когда округа избавилась от братьев Феллер, на Ингара свалилось столько работы, что только успевай поворачиваться — управление «Снежным королевством» оказалось хлопотным занятием. У него совсем не было времени разбираться, почему это вдруг его сестра однажды настойчиво попросила отменить экскурсии к хрустальному гробу спящего принца, он просто согласился — и вновь обратился к насущным делам.

Прошли годы, лесные тропы к хрустальному гробу замело, указатели истёрлись, и новые приезжие уже и не знали, что раньше в «Снежном королевстве» желающих водили к

спящему чудовищу. И даже местный люд уже почти позабыл про него и про то, что до сих пор никто так и не узнал, что оно из себя представляет и откуда взялось. Спит себе — и ладно. А что вечная зима — так с тех пор, как жизнь наладилась, она уже не донимала их так, как прежде. Притёрлись они к ней, приспособились, даже полюбили — ведь это благодаря ей есть у них кормящее их «Снежное королевство».

Однажды в зимний парк среди прочих гостей приехал молодой рыжеволосый и веснушчатый виконт. Увидел леди Мариссу — и влюбился без памяти. И был даже немного расстроен, когда их дочка родилась не черноволосой, как красавица-мама, а с такими же волосами цвета весеннего солнца, как у него самого.

Марисса только радовалась счастью, в котором жила и она сама, и вся округа. Однако даже в счастье, которое нередко делает человека эгоистичным, она никогда не забывала о спящем чудовище. Лучших друзей не забывают. Да и разве могла она его забыть — после того, как он помог ей с братьями Феллер?

Поначалу Марисса пыталась убедить себя, что произошедшее с Сайраном и Нихласом — просто случайность, и её сон у хрустального гроба совсем ни при чём. Однако год спустя, когда Ингар подхватил опасную инфлюэнцу, ту самую, от которой некогда умер их отец, и лекари всерьёз опасались за его жизнь, Марисса прибежала к спящему чудовищу и снова провела ночь рядом с хрустальным гробом. И снилось ей, что Ингар жив и здоров, что он улыбается ей и кружит её в танце.

На следующее утро барон пошёл на поправку.

Тогда-то Марисса и поняла тайну спящего чудовища. И донимавшие её прежде вопросы разом перестали её волновать. Кто бы ни было это чудовище, откуда бы ни явилось — это неважно. Главное, что пока оно здесь, пока оно спит и видит свои холодные сны, в их землях будут царить зима, а, значит, процветание и покой.

Лишь бы только не заснул рядом с ним тот, кому будут видеться страшные и жестокие сны...

Изо дня в день, из года в год Марисса преданно навещала поляну с хрустальным гробом, но ночи там больше не проводила. Со всеми неурядицами и досадными неприятностями они справятся и сами, а если за каждой мелочью прибегать к чудовищу, так это всё равно что использовать его. А друзей не используют. Друзей просят о помощи, когда случается по-настоящему серьёзная беда — и тогда друзья помогают.

И потому Марисса просто приходила на белую поляну, присаживалась у хрустального гроба и тихонько разговаривала со своим лучшим другом. Рассказывала ему о горестях и радостях, о серьёзном и о безделице, о важном и о смешном. Рассказывала обо всём.

И радовалась тому, что чудовище продолжало мирно спать и видеть сны о зиме.

Больше книг на сайте - Knigolub.net